

ИСТОРИЯ ЛИВОНІИ.

Е. В. ЧЕШИХИНЪ.

ИСТОРИЯ
ЛИВОНІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ТОМЪ III.

РИГА, 1887.

Печатано въ типо-литографіи А. І. Липинскаго, на Театральной улицѣ,
въ домѣ Нейберга № 5.

Дозволено цензурою. Рига, 6 іюня 1887 года.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Орденское господство въ Ливоніи отъ приобрѣтенія Эстоніи до правленія Вальтера Шлетенберга.

(1347—1494).

II. Ливонскій Орденъ, Рижскій архіепископъ и Рига отъ примирительной грамоты до Торнскаго мира.

Дѣйствія архіепископа Фридриха въ Авиньонѣ. — Отношенія между Орденомъ и архіепископомъ Энгельбертомъ. — Архіепископъ Фромгольдъ и начало распри съ Орденомъ. — Приговоръ папы Инноцентія VI. — Протестъ Риги и Ордена. — Сѣздъ въ Гдаискѣ и соглашеніе. — Архіепископъ Зигфридъ и вопросъ объ одѣяніи духовенства рижской епархіи. — Рѣшеніе вопроса папою Григоріемъ XI. — Архіепископъ Іоаннъ Сянтенъ. — Орденъ противится перемѣнѣ одѣянія. — Епископъ Теодорихъ Дамеровъ Дерптскій. — Епископъ Генрихъ Эзелъ-Викскій и преемникъ его Винрихъ Книпроде. — Папа Вонифацій IX. — Отъѣздъ архіепископа Іоанна въ Любекъ. — Папа беретъ сторону Ордена. — Палскія будды. — Архіепископъ Іоаннъ Валенродъ. — Раздоръ Ордена съ епископомъ Дерптскимъ. — Новый сѣздъ въ Гдаискѣ. — Примирительная грамота 15 іюля 1397 г. — Капитулъ въ Маріенбургѣ. — Неопредѣленность положенія.

(1330—1411).

Источники: Monumenta Livoniae antiquae, томъ IV, гл. II.

Нальмейеръ. Geschichte der Habits-Veränderungen des Rigischen Domcapitels (помѣщена во 2 томѣ издаваемыхъ обществомъ исторіи и древностей Прибалтійскихъ губерній „Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's, стр. 199—340).

Наперскій. Beitrag zur Geschichte des ehemaligen Bisthums Dorpat. Рига 1846.

Веньяминъ Бергманъ. Livland's Orden und Oberggeistlich im Kämpfe (помѣщено въ Magazin für Russlands Geschichte, Länder und Völkerkunde. Изданіе это, предпринятое Бергманомъ въ 1825 г., выходило въ Митавѣ выпусками, составившими два тома за 1825 и 1826 г.).

Мельхоръ Фунсъ. Das rothe Buch inter archiepiscopolla (помѣщена въ Scriptores rerum Livonicarum, томъ II, стр. 731—804).

Сборники документовъ: Наперскаго Index corporis historico-diplomatici Esthoniae et Curoniae и Бунге Urkundenbuch т. III.

Мы видѣли (т. II, 210), что Рига въ 1330 г., послѣ 13 мѣсячной тѣсной блокады, вынуждена была сдаться ливонскому орденскому магистру, Эбергарду Монгеймскому, и признать надъ собою главенство Ордена. Само собою разумѣется, что ни Рига, ни архіепископъ Рижскій никакъ не могли примириться съ порядкомъ вещей, созданныхъ послѣ овладѣнія Ригю орденскою братією. Орденъ не возвращалъ архіепископу имѣній и замковъ, которыми онъ овладѣлъ въ видѣ возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ вторженіями Гедимина (томъ II, 206). Орденъ, говорили и рассчитывали братья, понесъ убытковъ отъ литовскихъ вторженій не менѣе, какъ на 70,000 рижскихъ марокъ (безъ малаго на 520,000 руб. сер.), чѣмъ же возмѣститъ эти убытки, если не доходами съ архіепископскихъ имѣній и замковъ и не доходами съ имѣній рижанъ, такъ какъ именно архіепископъ Фридрихъ и рижане, враждуя съ Орденомъ, призывали къ себѣ на помощь литовцевъ и наводили ихъ на орденскія земли. Съ какой стати Ордену нести убытки?

Мы также видѣли (т. II, 205), что архіепископъ Фридрихъ, предавъ проклятію Орденъ, весною 1325 года уѣхалъ къ папскому двору въ Авиньонъ. Здѣсь онъ всячески возбуждалъ папу противъ тевтонскихъ рыцарей, но усилія его оставались тщетными: папа Іоаннъ XXII не желалъ, да и по современнымъ ему политическимъ обстоятельствамъ не могъ принимать никакихъ серьезныхъ мѣръ противъ Ордена, потому и ограничивался буллами, которыя, конечно, не подкрѣпленные оружіемъ, не производили никакого дѣйствія. Мы уже говорили (т. II, 209), что 7 мая 1330 г. онъ потребовалъ отъ ливонскаго магистра снять осаду Риги и возвратитъ архіепископу и Рижской церкви захваченныя имѣнія, но булла эта пришла когда Рига уже сдалась, когда новый орденскій замокъ въ Ригѣ уже строился. Архіепископъ Фридрихъ не прекращалъ своихъ жалобъ и ходатайствъ, твердилъ объ убыткахъ, указывалъ на сколько Орденъ неправъ, присвоивъ себѣ главенство надъ Ригю, и наконецъ въ 1334 г. добился (см. т. II, 210) таки папскаго распоряженія, въ силу котораго надлежало оцѣнить архіепископскіе убытки и обѣимъ враждующимъ сторонамъ предписывалось представить къ назначенному сроку доказательства ихъ правъ на главенство надъ Ригю. Ничего, однако, не вышло изъ этого распоряженія: папа Іоаннъ XXII умеръ въ 1334 г. и папскій престолъ занялъ набожный, безкорыстный тулузскій монахъ Бенедиктъ XII. Архіепископъ Фридрихъ обратился къ новому папѣ, такъ какъ Орденъ возвратилъ рижскому капитулу его имѣнія, но архіепископскихъ имѣній не возвращалъ. Тогда Бенедиктъ XII буллою отъ 15 ноября 1336 г. предписалъ Ордену возвратитъ архіепископу его имѣнія и, грозя отлученіемъ вслучаѣ неповиновенія, назначилъ дернтскаго епископа, Энгельберта II Даленскаго, папскимъ экзекуторомъ для приведенія въ исполненіе этой буллы.

Ливонскій орденскій магистръ, Эбергардъ Монгеймскій, повиновался, въ 1337 г. возвратилъ имѣнія, но, кажется, озеро Буртнекскаго и Лубанскаго не возвратилъ, удержавъ ихъ за Орденомъ. Рига осталась подъ главенствомъ Ордена, но на это именно и не желалъ согласиться архіепископъ Фридрихъ, считая такое главенство незаконнымъ (и совершенно справедливо, ибо Рига была основана епископомъ Альбертомъ I и ливонская отрасль Тевтонскаго ордена никакъ не могла претендовать на главенство, такъ какъ по акту соединенія Орденовъ, явилась лишь наслѣдницею меченосцевъ, не болѣе). Но что, однако, онъ могъ подѣлать съ орденскою братіею, не располагая воинскою силою? Онъ ничего и не предпринималъ, въ Ригу не являлся и, постоянно пребывая при папскомъ дворѣ, умеръ въ 1340 г. Въ томъ же 1340 г. ливонскій магистръ Эбергардъ Монгеймскій, за преклонностію лѣтъ, удалился отъ дѣлъ (см. т. II, 228); на должность магистра былъ назначенъ орденскій братъ, Борхардъ Дрейлебенскій, на мѣсто же архіепископа Рижскаго былъ избранъ дерптскій епископъ, *Энгельбертъ Даленскій*, тотъ самый, который былъ папскимъ экзекуторомъ по возвращенію имѣній. Новый архіепископъ безпрепятственно вступилъ въ управленіе своею епархіею и во владѣніе архіепископскими имѣніями, но уже не жилъ въ Ригѣ, а перенесъ мѣстопребываніе архіепископа въ старинный русскій городокъ, Кокенгузенъ. По видимому, онъ жилъ въ мирѣ съ Орденомъ, по крайней мѣрѣ, во все время управленія его архіепископствомъ какихъ либо открытыхъ столкновеній съ орденскою братіею не было. При немъ произошло возстаніе чуди и присоединеніе датской Эстоніи къ орденскимъ владѣніямъ, но въ этихъ событіяхъ, какъ равно и въ столкновеніяхъ съ русскими и литовцами (см. томъ II, 211—252), онъ никакого участія не принималъ. Да и трудно было Энгельберту затѣвать какую либо тяжбу или споръ съ Орденомъ: императорскій престолъ въ его время занималъ Людовикъ Баварскій — большой благопріятель Ордена, а папскій престолъ, по смерти благочестиваго Бенедикта XII, занялъ въ 1342 г. расточительный французскій дворянинъ Климентъ VI, къ которому безъ денегъ напрасно было-бы и обращаться, да и не до ливонскихъ дѣлъ было папѣ при его безпутномъ образѣ жизни и при крайне запутанномъ положеніи дѣлъ въ западной Европѣ. Волею-неволею Энгельберту приходилось сидѣть смиренно въ Кокенгузенѣ.

Онъ умеръ въ 1347 г. и на его мѣсто рижскимъ архіепископомъ былъ избранъ *Фромгольдъ Фифгузенскій* (von Fyuhusen). Ливонскимъ магистромъ былъ въ это время Госвинъ Герекскій, смѣнившій Борхарда Дрейлебенскаго еще въ 1345 г. (см. т. II, 249). Фромгольдъ не хотѣлъ подражать мирной политикѣ своего предмѣстника, не хотѣлъ терять права своего на главенство въ Ригѣ, тѣмъ болѣе не хотѣлъ лишаться доходовъ съ озера Буртнекскаго и Лубанскаго и оставаться безъ вознагражденія за убытки, которые Орденъ нанесъ архіепископу

захватомъ его имѣній, но добиться осуществленія своихъ желаній собственными силами безъ посторонней помощи ему и думать было нельзя. Помощь же ему могла быть оказана лишь иноземнымъ государемъ и притомъ такимъ, который бы находилъ свои выгоды во вмѣшательствѣ въ ливонскія дѣла. Фромгольдъ обратился къ королю шведскому, и получилъ отъ него 17-го сентября 1351 г. охранную грамоту на архіепископство (см. Догеля, Cod. dipl. V, № 43). Но что значила эта грамота, не подарѣнная ни оружіемъ, ни папскимъ авторитетомъ, и какой авторитетъ могъ имѣть Климентъ VI, дворъ котораго въ Авиньонѣ, къ соблазну католиковъ, сдѣлался центромъ всякаго распутства. Климентъ VI умеръ въ 1352 г., и папскій престолъ занялъ Иннокентій VI. Къ новому папѣ и обратился Фромгольдъ съ жалобами на незаконное овладѣніе Орденомъ Ригою, на обиды, которыя наносилъ Орденъ архіепископу. Вслѣдствіе этихъ жалобъ папа въ 1353 г. предложилъ епископамъ Вестерескому, Линкепинскому и Эзельскому (Герману Оснабрюгге) принять Ригу во владѣніе римскаго престола, примирить архіепископа съ Орденомъ и вслучаѣ недостиженія примиренія вызвать обѣ стороны къ суду въ Римъ. Вслѣдствіе этого папскаго распоряженія, епископъ Вестерескій въ сентябрѣ 1354 г., прибылъ въ Ригу, но здѣсь не встрѣтилъ себѣ никакого послушанія (см. Догеля V, № 45; Index Наперскаго № 399 и Бунге Utkundenbuch II, регесты № 1123). Орденъ и слышать не хотѣлъ о какихъ бы то ни было уступкахъ, Рига также не особенно хотѣла отходить подъ власть римскаго престола, тѣмъ болѣе что Орденъ въ видахъ привлеченія Риги на свою сторону еще въ 1348 г. (см. въ Monumenta Livoniae antiquae IV, грамота ливонскаго магистра Госвина Герекскаго № 64) освободилъ Ригу отъ ежегодной уплаты 100 марокъ на содержаніе орденскаго рижскаго замка, а въ 1353 г. (см. тамъ же № 68) возвратилъ рижанамъ оба гильдейскіе дома (Мюнстерскій и Сестскій, большой и малой гильдии), заложенные ими Ордену. Видя непослушаніе, епископъ Магнусъ удалился въ предѣлы Эзельскаго епископства и въ октябрѣ 1354 г. въ Леалѣ отлучилъ Орденъ отъ церкви, но и эта мѣра не произвела никакого дѣйствія: орденская братія ни мало не огорчилась своимъ отлученіемъ тѣмъ болѣе, что и епископъ Людвигъ Ревельскій не призналъ этого отлученія. Тогда архіепископъ Фромгольдъ, видя, что отлученіе не помогаетъ, оставилъ Ливонію и удалился къ папскому двору, чтобы тамъ лично хлопотать о своемъ дѣлѣ.

Папа Иннокентій VI поручилъ кардиналу Франциску разобрать споръ. Прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ приступили къ разбирательству, и только въ 1359 г. были вызваны въ Римъ уполномоченные обѣихъ сторонъ для объясненій. Архіепископскій прокураторъ обвинялъ Орденъ во многихъ насиліяхъ, произведенныхъ надъ архіепископомъ, обвинялъ орденскую братію въ незаконномъ захватѣ Риги,

Динаминда, Митавы. Трейдена, Кокенгузена, Лубана, Лемзаля, Вайнзельса, Смильтена, Ленневардена, Крейцбурга и прочихъ архіепископскихъ имѣній, требовалъ вознагражденія за этотъ захватъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывалъ, что треть Ливоніи, которая находится во власти Ордена, составляетъ ни что иное, какъ ленъ церкви, слѣд. Орденъ обязанъ приносить архіепископу ленную присягу. Орденскій прокураторъ, опровергая съ своей стороны взводимыя на Орденъ обвиненія, доказывалъ, что папская булла 1353 г. выманена происками, что главенство надъ Ригию принадлежитъ Ордену, а не архіепископу. По выслушаніи обѣихъ сторонъ, кардиналъ Францискъ, 23 декабря 1359 г., снимая отлученіе съ Ордена, составилъ приговоръ, въ силу котораго Рига должна подчиняться какъ свѣтскому, такъ и духовному главенству архіепископа, а Орденъ долженъ предоставить и Ригу и все архіепископское архіепископу; всѣ имѣнія, коими Орденъ владѣлъ въ архіепископствѣ до 1320 г. остаются за нимъ съ тѣми самыми правами, какія существовали въ то время; свой новый замокъ въ Ригѣ Орденъ долженъ очистить, архіепископъ же долженъ построить для Ордена новый домъ на старомъ мѣстѣ, но если въ теченіи четырехъ лѣтъ не построить, то новый замокъ остается въ орденскомъ владѣніи (см. Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae et Curoniae Наперскаго, № 405).

Этотъ приговоръ папа Иннокентій VI утвердилъ 16-го марта 1360 г. (см. тотъ же Index № 406), а за тѣмъ въ томъ же году 17 августа издалъ новую буллу, которою разрѣшалъ рижанъ отъ присяги, принесенной Ордену, угрожая отлученіемъ отъ церкви неповинующихся папскому рѣшенію. Императоръ Карлъ IV, утвердившій архіепископа Рижскаго въ достоинствѣ имперскаго князя еще въ 1356 г. (9 августа), съ своей стороны 14 декабря 1360 году утвердилъ за Рижскою церковію всѣ ея права и недвижимыя имущества (см. Urkundenbuch Бунге II, регесты № 1156). Экзекуторомъ папскаго рѣшенія былъ назначенъ архіепископъ Стефанъ Арелатскій, а субъ-экзекуторомъ епископъ Іоаннъ II Дерптскій. Ливонскимъ орденскимъ магистромъ въ это время былъ Арнольдъ Фитингофъ, занявшій эту должность по смерти магистра Госвина (см. томъ II, 362) въ 1359 году.

Епископъ Дерптскій, въ качествѣ субъ-экзекутора, прибылъ въ Ригу для объявленія папскаго рѣшенія (сентенціи, какъ оно называется въ современныхъ документахъ). Рѣшеніе это никого не удовлетворило: рижское духовенство, т. е. соборный капитулъ былъ недоволенъ тѣмъ, что ему придется строить новый домъ для орденской братіи, а изъ чего расходовать, когда разоренныя имѣнія не приносили дохода. Орденъ былъ недоволенъ лишеніемъ главенства надъ Ригию и слѣд. лишеніемъ части городскихъ доходовъ Рига, сблизившаяся въ это время съ Орденомъ, была недовольна рѣшеніемъ, не находя

въ немъ достаточныхъ ручательствъ въ томъ, что всё старинныя права и преимущества, дарованныя городу папскимъ легатомъ, епископомъ Вильгельмомъ Моденскимъ, будутъ сохранены. Недовольство выразилось протестами. Первымъ протестовалъ городъ черезъ бургомистра Гергарда Мейе, явившагося на епископскій дворъ и заявившаго епископу Дерптскому, что соглашеніе между Орденомъ и архіепископомъ не должно нарушать правъ и преимуществъ города. Епископъ божился и клялся (*zu Gott im Himmel geschworen*, сказано въ „Красной Книгѣ“, *Scr. rerum Liv. II, 738*), что архіепископъ Фромгольдъ и не помышляетъ стѣснять городскихъ правъ и преимуществъ. Чтобы разсѣять сомнѣнія рижанъ, епископъ Дерптскій выдалъ 18-го августа 1360 г. увѣрительную грамоту (*Notarien Instrumenta*, такъ она была названа тогда, см. *Index № 408*), коею обѣщались охрана всѣхъ городскихъ правъ и преимуществъ. Грамота эта, однако, не помогла дѣлу: городъ не хотѣлъ порывать съ Орденомъ, который хотя по наружности и уступилъ архіепископу главенство надъ городомъ, но въ сущности сохранилъ за собою это главенство, ибо рижскій орденскій командоръ, по прежнему, остался засѣдать въ магистратѣ съ правомъ голоса, десятина съ рыболовства и др. доходы, по прежнему, поступали въ орденскую кассу. И Орденъ, и Рига не замедлили апеллировать папѣ, утверждая, что архіепископъ присвоиваетъ себѣ права, какія не имѣлъ прежде и вопреки договоровъ, въ силу коихъ Рига подчинилась Ордену съ 1330 года. Апелляція не только была оставлена безъ послѣдствій, но 26 февраля 1361 г. состоялось подтвержденіе (см. у Догеля V, № 50) прежняго рѣшенія. Орденъ и городъ въ свою очередь оставили безъ вниманія это подтвержденіе и упорно стояли на своемъ. Вслѣдствіе этого Рига 26 ноября 1361 г. была предана отлученію отъ церкви (эдиктъ объ отлученіи см. у Догеля V, № 51). Въ то же время, или мѣсяць спустя, такому же отлученію подвергся и Орденъ. Отлученіе это ни мало не помогло архіепископу: Орденъ и Рига тѣснѣе сблизились между собою, не слишкомъ-то тяготясь духовнымъ наказаніемъ, и дружиѣ начали приносить жалобы папѣ на архіепископа. Папскій престолъ въ это время занялъ Урбанъ V (предмѣстникъ его Иннокентій VI умеръ въ 1362 году). Жалобы не приводили ни къ какимъ результатамъ и вопросъ о главенствѣ надъ Ригою оставался нерѣшеннымъ во все время магистерства Фитингофа, которому церковное отлученіе ни мало не препятствовало дѣлать, какъ мы видѣли, походы на Литву. Фитингофъ умеръ (см. томъ II, 369) въ іюль 1364 г. и въ сентябрѣ того же года въ управленіе ливонскими орденскими дѣлами вступилъ Вильгельмъ Фримерсгеймскій. Раздоры и споры не прекращались, и, конечно, дошли бы до крайностей, если бы въ дѣло не вступился самъ тогдашній великій магистръ, Винрихъ Книпродскій, вообще благопріятствовавшій духовенству, и если бы не явились сторонніе посредники. Когда

императоръ Карль IV, 23 апрѣля 1366 г., объявилъ покровителями Рижской церкви королей шведскаго, норвежскаго, датскаго и польскаго и герцога мекленбургскаго Альбрехта, тогда послѣдній обратился къ великому магистру съ настоятельною просьбою примирить Орденъ съ архіепископомъ и предоставить на дѣлѣ архіепископу все то, что ему уже было предоставлено на бумагахъ папскимъ рѣшеніемъ, дабы раздоры и споры не послужили въ пользу язычникамъ (см. Index I, 106, № 414). Архіепископъ предложилъ устроить общій съѣздъ въ Гданскѣ и тутъ полюбовно рѣшить наконецъ споръ. Въ маѣ 1366 г. состоялся съѣздъ. На съѣздъ этотъ въ Гданскъ прибыли великій магистръ Винрихъ, архіепископъ Фромгольдъ, ливонскій магистръ Вильгельмъ, бывшій ливонскій магистръ Бурхардъ Дрейлебенскій, пятеро высшихъ прусскихъ орденскихъ сановниковъ, большое число прусскихъ и ливонскихъ командоровъ, епископы Іоаннъ Дерптскій, Бертрамъ Любекскій, Іоаннъ Эрмеландскій, Вигбольдъ Кульмскій, Николай Помезанскій, Варооломей Самландскій, Людвигъ Ревельскій, прибыло много пробстовъ, абатовъ, рыцарей, прибыли также ратсгеры магистрата городовъ Грейфсвальда, Любека и Риги. Давно уже въ Гданскѣ не бывало такого многочисленнаго и блестящаго собранія (подробности см. у Фохта V, 188—190).

На этомъ съѣздѣ архіепископъ Фромгольдъ жаловался на магистра и ливонскую орденскую братію, что они присвоили себѣ главенство надъ Ригію, оказываютъ непослушаніе архіепископу, нарушаютъ вассальную присягу, не платятъ десятины и другихъ повинностей и пр. „Вотъ онъ каковъ, а еще писалъ великому магистру о желаніи дружжелюбно вести переговоры!“ восклицаетъ Вартбергъ, лично присутствовавшій на съѣздѣ въ качествѣ капелана и секретаря ливонскаго магистра (см. Приб. Сб. II, 84, 113). Епископъ Іоаннъ Дерптскій съ своей стороны также жаловался на орденскую братію въ томъ, что она присвоиваетъ себѣ епископскіе доходы, стѣсняетъ епископскіе визитаціи и пр. На всѣ жалобы отвѣчалъ Вартбергъ, по его словамъ, не дерзко, но съ кротостію, но примѣру Господа. По выслушаніи обѣихъ сторонъ, великій магистръ припаялъ на себя посредничество и при его содѣйствіи 7-го мая 1366 году на съѣздѣ состоялся договоръ между архіепископомъ и ливонскимъ магистромъ, который и былъ скрѣпленъ печатами архіепископа, рижскаго капитула, великаго магистра и магистра ливонскаго (коніи этого договора хранятся въ кенигсбергскомъ архивѣ и нанечатаны въ Neue nord. Miscel. Гупеля VII, VIII, стр. 245—254).

Существенныя статьи этого договора были слѣдующія: Орденъ отказывается отъ главенства надъ Ригію, предоставляя таковое архіепископу, но сохраняя за собою владѣніе рижскимъ орденскимъ замкомъ съ принадлежащимъ замку предмѣстіемъ и строеніями и домами, принадлежащими зегевольдскому командору и венденскому Фохту,

сохраняетъ также за собою владѣніе Андреевскимъ островомъ (Andreas-holm). Орденъ разрѣшаетъ рижанъ отъ данной ему присяги, но городъ обязанъ ставить въ распоряженіе магистра ратниковъ для военныхъ походовъ, предпринимаемыхъ орденскою братіею. Архіепископъ съ своей стороны отказывается отъ всякихъ притязаній на владѣніе городами, замками и укрѣпленіями, кои возведены Орденомъ, отказывается также отъ притязаній на владѣніе землями, кои перешли во власть Ордена отъ меченосцевъ, за тѣмъ никогда уже не будетъ требовать ни отъ магистра, ни отъ орденской братіи ленной присяги. Всѣ прежніе споры этимъ договоромъ прекращаются и предаются забвенію.

Рига такимъ образомъ снова сдѣлалась архіепископскимъ городомъ. Но примирилъ-ли гданскій договоръ враждующія стороны на дѣлѣ? Ни мало. Вартбергъ пишетъ (Приб. Сб. II, 113), что „гданское соглашеніе не было соблюдено не по винѣ ливонской орденской братіи, а по винѣ архіепископа и рижскаго капитула, которые при папскомъ дворѣ исходатайствовали себѣ позволеніе не поступать по оному“. Дѣйствительно, 24-го апрѣля 1367 года состоялось именемъ папы Урбана V запрещеніе и архіепископу, и Ордену приводить въ исполненіе, впредь до папскаго утвержденія, договоръ, заключенный во вредъ Рижской церкви (см. Mitth. стр. 75, № 112). Такъ дѣла и остались въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи: Орденъ не отдавалъ архіепископу его имѣній, а архіепископъ не отказывался отъ права требовать отъ Ордена ленной присяги себѣ. Въ слѣдующемъ 1368 г., кардиналы, Эгидій и Вильгельмъ, по порученію папы, потребовали, чтобы и архіепископъ, и орденскій магистръ явились къ римской куріи къ 1 мая 1368 г., но и изъ этого ничего не вышло: архіепископъ Фромгольдъ прибылъ въ Римъ и тутъ въ 1369 г. умеръ, а магистръ не явился. Папа Урбанъ V въ это время находился въ Римѣ, куда онъ переселился было изъ Авиньона еще въ 1367 г. (см. томъ II, 381). Не до ливонскихъ дѣлъ было папѣ въ это время: второй походъ императора Карла IV въ Италію, военные тревоги и беспорядки въ Италіи поглощали все его вниманіе и наконецъ вынудили возвратиться осенью 1370 г. въ Авиньонъ, гдѣ онъ въ концѣ этого года и умеръ. Папскій престолъ занялъ искусный богословъ и ученый знатокъ римскаго права, Григорій XI.

Рижскую архіепископскую кафедру, по смерти Фромгольда, занялъ избранный архіепископомъ членъ рижскаго капитула и ливонскій дворянинъ *Зифридь Бломбергскій* (von Blomberg), который и вступилъ въ управленіе дѣлами съ 11 февраля 1370 г. Онъ засталъ отношенія между Орденомъ и архіепископомъ очень запутанными и нерѣшенными; вскорѣ послѣ занятія имъ кафедры эти отношенія запутались еще болѣе возникновеніемъ вопроса объ *одьяніи духовенства* рижской епархіи, вопроса, тянувшагося цѣлые годы. Къ изложенію этого

вопроса, запутавшаго вдосталь отношенія между ливонскими властителями, мы и переходимъ.

Мы уже видѣли (томъ I, стр. 72), что первый проивѣдникъ католичества въ Ливоніи былъ Мейнгардъ, священникъ Зигебергскаго монастыря, руководившагося уставомъ св. Августина. Августинъ не основывалъ никакого монашескаго ордена, но его „*Sermones de moribus clericorum*“ (рѣчи о правахъ клериковъ) были положены въ основу составленнаго въ концѣ XI ст. устава для духовенства. Уставъ этотъ носилъ названіе „*Regula (правила) Sancti Augustini*“. Вотъ эти-то регулы и были принимаемы въ руководство при учрежденіи католическихъ соборныхъ капитуловъ, киновій и монастырей. Безбрачіе, бѣдность и общественная молитва составляли существенные пункты регуль. Духовныя лица, принявшія въ руководство регулы святаго Августина, стали называться *регулированными канониками* св. Августина — *Canonici regulares Sancti Augustini* — *регулированными кмирошанами* — *regulirte Chorherren*.

Первоначально Августиновы регулы предназначались единственно для священно-служителей, къ числу которыхъ монахи въ тѣ времена еще не причислялись. Но какъ въ регулахъ заключались лишь основные законы, не ограничивавшіе аскетическихъ формъ, потому почти всѣ основатели монашескихъ орденовъ принимали эти регулы въ основу своихъ уставовъ, которые поэтому и имѣли одинъ общій характеръ, отличаясь между собою лишь частностями.

Монахи Зигебергскаго монастыря, основаннаго при Зигебергскомъ замкѣ въ Гольштейнѣ во время императора Лотаря, руководились регулами св. Августина и носили черные клобуки и черныя мантии на бѣлой рясѣ. Мы видѣли, что Мейнгардъ, построивъ католическую церковь въ Иксулѣ, учредилъ при ней и конвентъ изъ клериковъ и монаховъ, которые должны были ему помогать въ проповѣди католичества язычникамъ. Какіе это были клерики и монахи, какого именно монашескаго ордена, лѣтоисецъ Генрихъ не обозначаетъ, но очень вѣроятно, что то были августинцы, т. е. регулированные каноники, къ числу которыхъ принадлежалъ и самъ Мейнгардъ. Съ основаніемъ въ 1201 году Риги, съ перенесеніемъ сюда изъ Иксуля епископской кафедры, съ постройкою собора и учрежденія соборнаго капитула, начинаютъ появляться въ Ливоніи духовныя лица изъ разныхъ капитуловъ и монастырей Германіи, прибывавшія сюда съ крестonosцами. Конечно эти лица не имѣли однообразнаго одѣянія, ибо принадлежали, какъ то свидѣтельствуеетъ Генрихъ, къ разнымъ монашескимъ орденамъ. Но уже въ первые годы епископства Альберта, папа Иннокентій III рекомендовалъ (см. *Sylva documentorum* въ I томѣ „*Scriptores rerum Livonicarum*“, стр. 243, № XIX. h) Альберту озаботиться, чтобы духовенство Ливонской церкви имѣло

однообразное одѣяніе, не смотря на то, что въ числѣ его имѣются и регулированные каноники и каноники другихъ орденовъ. Тѣмъ не менѣе однообразія не было, да епископъ Альбертъ и не слишкомъ-то много обращалъ вниманія на этотъ предметъ.

Говоря объ учрежденіи въ Ливоніи военно-монашескаго ордена меченосцевъ (томъ I, стр. 98—103), мы уже имѣли случай замѣтить, что орденскіе братья-священники носили бѣлые, узкіе, застегнутые кафтаны (рясы) съ нашитымъ краснымъ крестомъ на груди. Такимъ одѣяніемъ они и отличались отъ одѣянія прочаго ливонскаго духовенства, къ военно-монашескому ордену не принадлежавшаго.

Генрихъ въ гл. XII, § 3 своей лѣтописи рассказываетъ, что Альбертъ назначилъ соборнымъ пробстомъ шетенскаго каноника Іоанна, въ 1208 г., по смерти рижскаго соборнаго пробста Энгельберта, епископа, принадлежавшаго къ той конгрегаціи августинскаго ордена, которая носила бѣлое одѣяніе. При этомъ Альбертъ распорядился, чтобы всѣ каноники Рижской церкви для единообразія въ одеждѣ вмѣсто черныхъ мантий и каиуциновъ носили манти и капуцины бѣлые. Такимъ образомъ одѣяніе епископскихъ канониковъ и одѣяніе орденскихъ братьевъ священниковъ сдѣлалось однообразнымъ, бѣлымъ.

Бѣлое одѣяніе духовенства Рижской церкви долгое время оставалось преобладающимъ. Оно не неизмѣнилось въ то время, когда въ 1222 г. епископъ Альбертъ предписалъ своему конвенту руководиться уставомъ Премонстратенскаго монашескаго ордена (см. у Догеля *Corp. dipl.* № 53), ибо этимъ уставомъ назначалось духовенству бѣлое одѣяніе; не перемѣнилось и у орденскихъ братьевъ-священниковъ, когда въ 1237 г. совершилось соединеніе орденовъ, ибо бѣлое одѣяніе съ нашитымъ на груди чернымъ крестомъ назначалось и тевтонскимъ братьямъ священникамъ. Что побудило епископа Альберта ввести въ своемъ конвентѣ уставъ Премонстратенскаго ордена — съ точностію неизвѣстно: быть можетъ требованіе устава, дабы монахи этого ордена находились въ полномъ подчиненіи своему епископу, быть можетъ желаніе исполнить буллу Иннокентія III, рекомендовавшую однообразіе одѣянія, а быть можетъ и желаніе сдѣлать угодное Ордену признаніемъ цвѣта одѣянія его братьевъ-священниковъ первенствующимъ предъ прочими одѣяніями. Бѣлый цвѣтъ одѣянія духовенства Рижской церкви орденская братія считала знакомъ своего главенства въ краѣ и зорко смотрѣла за тѣмъ, чтобы и архіепископъ и его конвентъ не измѣняли этого цвѣта. Но именно главенство Ордена архіепископъ и отрицалъ, постоянно требуя отъ орденской братіи ленной присяги себѣ. Архіепископъ Зигфридъ очень хорошо зналъ, что одѣяніе духовенства рижскаго конвента при епископѣ Альбертѣ было черное регулированныхъ канониковъ. Чтобы противодѣйствовать притязаніямъ Ордена на главенство и вмѣстѣ съ тѣмъ проявить свою самостоятель-

ность, архіепископъ Зигфридъ въ скоромъ времени по занятіи архіепископской кафедрѣ, сдѣлалъ въ 1370 г. папѣ представленіе, въ коемъ излагалъ, что во всей Рижской церкви, кромѣ рижскаго соборнаго капитула, нѣтъ ни одного монастыря, ни одной духовной конгрегаціи, которая бы слѣдовала устава Премонстратенскаго ордена, что бѣлое одѣяніе премонстратенцевъ презирается въ Ливоніи, что вслѣдствіе такого презрѣнія никто не хочетъ вступать въ премонстратенскіе монахи, что наконецъ одѣяніе регулированныхъ канониковъ, первоначально присвоенное епископомъ Альбертомъ рижскому конвенту, считается болѣе приличествующимъ духовенству (*honestior*) и возстановленіе такого одѣянія болѣе соответствующимъ тогдашнимъ обстоятельствамъ, чѣмъ одѣяніе бѣлое. Папа Григорій XI принялъ во вниманіе представленіе архіепископа Зигфрида и буллою, состоявшеюся въ Авиньонѣ 10 октября 1373 г. (оригиналъ хранится въ кенисбергскомъ архивѣ, напечатанъ въ *Index corp. hist. dipl.* подъ № 425), разрѣшилъ архіепископу снять бѣлое одѣяніе, похожее на одѣяніе орденскихъ братьевъ-священниковъ, и принять черное по уставу августинцевъ, первоначально употреблявшееся.

Ливонскимъ магистромъ былъ въ это время Вильгельмъ Фримерсгеймскій, проживавшій въ Ригѣ. Онъ обидѣлся презрительнымъ отзывомъ архіепископа о бѣломъ одѣяніи (бѣлый цвѣтъ былъ цвѣтомъ одѣянія, какъ братьевъ-рыцарей, такъ и братьевъ-священниковъ) и, отлично понимая на что бьетъ архіепископъ, возвращаясь къ одѣянію августинцевъ, началъ настаивать, что „одѣяніе его ордена“ обязательно должно быть носимо архіепископомъ и его духовенствомъ, какъ то было постановлено епископомъ Альбертомъ въ 1222 г. Отсюда возникли ожесточенные споры и магистръ, долго не думая, приказалъ силою занять все архіепископскіе замки въ Ливоніи. Зигфридъ немедленно же отправился въ Авиньонъ жаловаться папѣ на самоуправство магистра, но ничего путнаго не добился. Папа потребовалъ, чтобы магистръ явился на судъ къ папскому двору, но магистръ не являлся, да скоро, именно 23 октября 1374 г., архіепископъ Зигфридъ умеръ въ Авиньонѣ. Архіепископскую кафедру занялъ каноникъ *Іоаннъ IV Синтенскій* (*Johann von Sinten*), управлявшій архіепископствомъ во время отсутствія Зигфрида. Новому архіепископу пришлось такимъ образомъ вводить перемѣну одѣянія и продолжать распри съ Орденомъ, который началъ добиваться, чтобы епископскія мѣста въ Ливоніи замѣщались лицами исключительно изъ орденскихъ братьевъ-священниковъ, воплѣвъ зависѣвшихъ отъ Ордена. Орденъ очевидно началъ стремиться къ полному главенству надъ всею Ливоніею. Трудно было новому архіепископу бороться съ Орденомъ, тѣмъ болѣе, что папа Григорій XI не могъ оказать ему никакой существенной поддержки: положеніе и власть папы пошатнулись такъ сильно, что въ началѣ 1377 г. Григорій XI вынужденъ былъ снова

возвратиться въ Римъ, чтобы спасти хоть часть своей власти въ Италиі. Въ Римѣ онъ умеръ 27 марта 1378 году и въ томъ же 1378 г. начался въ католической церкви, къ соблазну всего католическаго мира, расколъ. Было уже выше сказано (т. II, 404), что въ Римѣ на мѣсто умершаго Григорія XI былъ избранъ въ апрѣлѣ 1378 г. папою Урбанъ VI, а вслѣдъ за тѣмъ въ сентябрѣ того же года французскіе кардиналы избрали папою кардинала Роберта, который и занялъ папскій престолъ въ Авиньонѣ, принявъ имя Климента VII. Неаполь, Иснанія и Франція признали папою Климента, ирочія католическія страны остались при папѣ Урбанѣ VI. Интригамъ открывалось богатое поприще: чего не удавалось получить или исходатайствовать чего либо у одного папы, можно было получить у другаго, чего не утверждалъ одинъ, утверждалъ другой папа. Ливонскому орденскому магистру скоро представился случай воспользоваться расколомъ въ папствѣ для вмѣшательства во внутреннія дѣла ливонскихъ епископствъ, изъ которыхъ важнѣйшимъ, послѣ архіепископства Рижскаго, было Дерптское*).

Въ 1378 г., въ тотъ самый годъ, когда появился расколъ въ папствѣ, умеръ дерптскій епископъ Іоаннъ II. Дерптскій соборный капитулъ избралъ епископомъ члена этого капитула каноника *Теодориха* (Дитриха) *Дамерова* (Damerow или Damerau); выборъ этотъ былъ утвержденъ папою Урбаномъ VI и новому епископу оставалось только вступить въ управленіе дѣлами. Но выборъ этотъ крѣпко не нравился орденской братіи, ибо Дамеровъ былъ отъявленнымъ врагомъ Ордена и слѣд. лицомъ вовсе не желаннымъ для занятія кathedры въ епископствѣ, сосѣднемъ съ Псковомъ. Вслучаѣ вражды съ Орденомъ епископъ могъ всегда обратиться за помощію къ Пскову, съ которымъ хотя и былъ заключенъ миръ въ 1371 г. (томъ II, 375), но полагаться на этотъ миръ никакъ нельзя было, потому что онъ могъ быть порванъ всякую минуту. Такъ какъ же быть? Орденъ поступилъ совершенно такъ, какъ поступили французскіе кардиналы, когда на папскомъ престолѣ явился Урбанъ VI, начавшій строго преслѣдовать злоупотребленія духовенства: онъ выставилъ противъ Урбана антипапу Климента. Противъ епископа Дамерова былъ выставленъ антиепископъ въ лицѣ *Албрехта Гехта*. Кто такой былъ этотъ Гехтъ, соборный-ли дерптскій каноникъ, или какое другое духовное лицо, съ точностію неизвѣстно, но только онъ овладѣлъ епископскимъ дворомъ въ Дерптѣ и четырьмя другими епископскими замками и объявилъ, что онъ назначенъ дерптскимъ епископомъ папою Климентомъ VII. Само собою

*) Вареоламей Грефенталь въ своей летописи, напечатанной въ 5-мъ томѣ *Monumenta Livoniae antiquae*, такъ характеризуетъ ливонскія епископства: Рига самое большое, 260 квадрат. миль; Ревель самое малое, 25—30 квадрат. миль; Курляндія самое спокойное, Дерпт самое сильное, Эзель-Вишь самое богатое.

разумѣется, что Гехтъ могъ овладѣть замками единственно при помощи орденской братіи и сѣсть на епископскую кафедру съ одобренія магистра (Гіернъ, стр. 160, Кельхъ, стр. 124, Кранць въ *Vandalia*, книга IX, гл. 8, прямо говорятъ, что Орденъ исходатайствовалъ у Климента VII утвержденіе Гехта и силою ввелъ его на епископство). Папа Урбанъ VI, законность котораго была признана во всей Германіи и слѣд. въ Тевтонскомъ орденѣ, потребовалъ отъ ливонскаго магистра, чтобъ Гехтъ былъ немедленно смѣщенъ съ епископства. Магистру Вильгельму приходилось повиноваться, но онъ пытался извернуться и написалъ папѣ два объясненія (напечатаны въ *Index №№ 429* и *431*, а также въ *Beitrag zur Geschichte des ehemaligen Isthums Dorpat*, Наперскаго). Въ первомъ объясненіи, писанномъ въ Ригѣ въ іюнѣ (годъ не обозначенъ, но вѣроятно 1379 г.), магистръ увѣдомляя папу о полученіи буллы, касательно смѣщенія Гехта, доносилъ, что такого смѣщенія произвести нельзя: Альбрехтъ-де занялъ самыя сильныя крѣпости по русской границѣ. Если магистръ пойдетъ на него, то онъ соединится съ русскими и тогда вся Ливонія подвергнется величайшей опасности отъ русскихъ, ибо страна вслѣдствіе мороваго новѣтрія оскудѣла людьми, такъ что едва-ли десятая часть народа осталась въ живыхъ. Взять крѣпости малыми силами въ короткій срокъ нельзя, надобно идти съ большимъ войскомъ, тогда не кѣмъ будетъ защищать границы по Двинѣ и Куроніи, и свирѣпыя, языческіе литовцы воспользуются тѣмъ и опустошатъ страну, чѣмъ нанесется непоправимый вредъ Ордену. Къ этому магистръ прибавляетъ что Дамеровъ есть отъявленный врагъ Ордену, орденская братія не желала бы видѣть его на дерптской кафедрѣ; тѣмъ не менѣе магистръ постарается сдѣлать все возможное для удаленія Гехта и отобранія у него замковъ, которые и будутъ отданы, но не Дамерову, а папѣ.

Въ другомъ объясненіи, написанномъ также въ Ригѣ (безъ даты, но во всей вѣроятности вскорѣ послѣ перваго, слѣд. во второй половинѣ 1379 г.), магистръ Вильгельмъ доносилъ папѣ, что Гехтъ никакъ не желаетъ добровольно уступить епископство, а скорѣе продастъ русскимъ крѣпость Нейгаузенъ (обыкновенно называемый Фрауэнбургомъ, въ одной милѣ отъ Псковской границы) и вступить въ союзъ съ ними, чѣмъ удалится съ епископства, потому магистръ, по совѣщаніи съ орденскою братіею, рѣшался лучше заплатить Гехту и его приверженцамъ (изъ коихъ большая часть новокрещенцы — *neophiti et reptinaces*, сказано въ донесеніи) нѣкоторую сумму денегъ, чѣмъ подвергать страну онустоженіямъ. При этомъ магистръ снова присовокуплялъ, что епископъ Теодорихъ Дамеровъ есть непримиримый врагъ Ордена, что оставленіе его на дерптской кафедрѣ повлечетъ лишь смуты въ епископствѣ: лучше бы дерптское епископство предоставить другому лицу.

Какъ было улажено дѣло, неизвѣстно. По всей вѣроятности, Гехтъ съ приверженцами получилъ деньги и отказался отъ епископства (имя Гехта съ этого времени нигдѣ уже не упоминается, онъ просто исчезаетъ куда-то). Хотя папа Урбанъ VI и поручилъ великому магистру назначить въ Дерптъ другаго епископа (см. Index № 452), но его порученіе исполнено не было: Дамеровъ все-таки остался епископомъ въ Дерптѣ, ибо имя его фигурируетъ въ дальнѣйшихъ распряхъ съ Орденомъ.

Ордену на этотъ разъ не удалось настоять на своемъ, не удалось посадить въ Дерптъ своего приверженца, но уже его стремленія къ главенству дѣлались столь очевидными, что не могли не внушать опасеній у другихъ епископовъ въ томъ, что Орденъ начнетъ-таки сажать на епископскія кафедры своихъ священниковъ. Епископъ Конрадъ II Эзельскій, чтобы хоть чѣмъ либо спасти свою независимость, еще въ 1368 году отдалъ себя въ покровительство королю шведскому, Альберту Мекленбургскому, большому благопріятелю нѣмцевъ. Покровительство это (документъ о немъ отъ 30 іюля 1368 года въ Mith. VI, 293) не имѣло важнаго практическаго значенія, потому что король Альбертъ шведскій находился вовсе не въ такомъ положеніи, чтобы посылать войско въ Ливонію на поддержку эзельскаго епископа; тѣмъ не менѣе король, принимая подъ свое покровительство епископа Конрада, его церковь, канитулъ, вассаловъ и др. подданныхъ, обѣщаль охранять епископство противъ всякихъ обремененій или безпокойствъ. Какія именно обремененія подразумѣвались въ договорѣ, съ точностью неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ покровительство шведскаго короля сдерживало Орденъ въ его посягательствахъ на епископскія владѣнія въ Эзель-Викскомъ епископствѣ.

Епископъ Конрадъ Эзельскій управлялъ своею епархіею до 1374 года. Въ этомъ году онъ умеръ и епископскую кафедру послѣ него занялъ епископъ Генрихъ III. О его дѣятельности ничего неизвѣстно, но его загадочная кончина заслуживаетъ упоминанія. Во всѣхъ католическихъ епархіяхъ власть епископа ограничивалась капитулами; безъ согласія капитула епископъ не могъ въ сущности ничѣмъ важнымъ распорядиться, точно также, какъ въ орденѣ магистръ, не смотря на уставъ, предписывавшій орденской братіи безусловное повиновеніе, не могъ безъ согласія сановниковъ предпринять ничего важнаго. Былъ-ли Генрихъ черезъ-чуръ податливъ Ордену, былъ-ли черезъ-чуръ щедръ въ раздачѣ церковныхъ имѣній, неизвѣстно, но только онъ разорился со своимъ капитуломъ въ Гапсалѣ. Каноники капитула, долго не думая, схватили въ 1381 году своего престарѣлаго епископа (ему было въ то время лѣтъ 80 отъ роду), заперли его въ замкѣ Лоде, оттуда перевезли въ Аренбургъ и заключили его въ башню. Вскорѣ послѣ заключенія нашли епископа мертвымъ въ башнѣ. Общая молва указывала, что смерть епископу причинили каноники капитула и орденская братія, задушилъ же епископа каноникъ капитула Германъ Болекъ или Больке. Капитулъ донесъ папѣ Урбану VI о происшедшемъ и просилъ его назначить слѣдствіе, чтобы и капитулъ и Орденъ могли оправдаться отъ взводимаго на нихъ тяжкаго пре-

ступленія (Кранцъ въ *Vandalia* замѣчаетъ, что подобная копчина не постигала еще ни одного прелата). Капитулъ указывалъ, кому именно можно бы было поручить производство слѣдствія. Папа, однако, не принялъ во вниманіе указанія, а поручилъ произвести слѣдствіе архіепископу Іоанну Синтену Рижскому. Чѣмъ кончилось слѣдствіе — неизвѣстно, но, кажется, архіепископъ обвинилъ капитулъ и въ захватъ и въ убійствѣ своего епископа, потому что до насъ дошли жалобы эзель-викскаго капитула, принесенныя папѣ, на крайнее пристрастіе, съ какимъ было ведено слѣдствіе (см. *Index Наперскаго №№ 443 и 444*, и *Urkundenbuch Бунге III*, регесты №№ 1381, 1383, 1389, 1390 и 1400). Вслѣдъ за тѣмъ, а быть можетъ и во время производства слѣдствія, возникли изъ за чего-то въ Эзель-Викскомъ епископствѣ сильнѣйшая распря между епископскими вассалами и капитуломъ. Каноники наняли солдатъ (жолнеры, *Söldner*), вассалы двинули противъ нихъ своихъ ратниковъ и обѣ стороны въ теченіе двухъ лѣтъ съ такимъ усердіемъ жгли и грабили Викъ, что сами наконецъ обратились къ архіепископу Рижскому и магистру Вильгельму, чтобы они разобрали споръ и прекратили войну, грозившую «привести въ запустѣніе всю епархію». Архіепископъ и магистръ назначили обѣимъ сторонамъ съѣхаться въ Вольмаръ. На съѣздѣ этомъ, происходившемъ въ 1384 г., было постановлено, чтобы «никто, подъ угрозою потери имѣнія и жизни, не оскорблялъ другъ друга, не жегъ и не грабилъ, и не нападалъ на бюргеровъ, пока не прибудеть на епископскую кафедру назначенный папою епископъ». Всѣ согласились на такое постановленіе, и главные зачинщики вражды, вассалы Іоаннъ Шаренбекъ и Дидрихъ Иксуль, даже благодарили архіепископа и магистра за возстановленіе порядка. Но чуть-лишь каноники разсчитали и отпустили по домамъ жолнеровъ, какъ Шаренбекъ и Иксуль, безъ всякаго объявленія войны, ночью по лѣстницамъ влѣзли въ Гапсальскій замокъ, перебили и поранили канониковъ и свѣтскихъ людей, ограбили соборъ и сожгли большой замокъ съ домою, въ которомъ жили каноники капитула. Управлявшій епископствомъ Винрихъ Книпрое (племянникъ великаго магистра Вернера Книпрое) принесъ магистру жалобу на Шаренбека и Иксуля. Магистръ обѣщалъ выступить противъ бродягъ (*personas vagas*) и грабителей церкви, но усмирить бродягъ не магистръ, а ревальскіе ратники. Такъ по крайней мѣрѣ можно судить изъ письма магистра къ ревальскому магистрату, помѣщенному въ *Urkundenbuch Бунге*, въ которомъ магистръ благодаритъ ревальцевъ за то, что они по его просьбѣ стали подъ Гапсальемъ и просить послать въ Аренбургъ 8 вооруженныхъ человѣкъ. Волненія и грабежи стихли, когда Эзель-Викскую кафедру занялъ въ 1385 г. съ разрѣшенія папы Винрихъ Книпрое, который и управлялъ этимъ епископствомъ 34 года до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1419 г., проживая большею частію не въ Гапсаль, а въ Аренбургъ.

Между тѣмъ распри между магистромъ Вильгельмомъ и архіепископомъ Іоанномъ Синтенемъ не стихали. Папа Урбанъ VI для умиротворенія спорящихъ сторонъ буллою отъ 5 августа 1379 г. (см. у Догеля № 57) назначилъ епископовъ Дерптскаго, Рацебургскаго и Гавельбергскаго охранителями (*conservatores*) Рижскаго архіепископа и третейскими судьями въ спорахъ съ Орденемъ. Но это мало помогало, лучше сказать вовсе не помогало улаженію отношеній. Споры теперь шли уже не объ одѣяннн духовенства, а изъ-за того, что архіепископскіе вассалы начали продавать свои лены Ордену, а Орденъ скупалъ ихъ и такимъ образомъ постепенно забиралъ въ свои руки

всѣ имѣнія и земли архіепископства (Ордену, но первоначальному дѣлежу, въ Рижскомъ архіепископствѣ была предоставлена $\frac{1}{3}$ земель, а $\frac{2}{3}$ принадлежали архіепископу). Папа буллою отъ 1-го августа 1384 г. (см. въ *Urkundenbuch*, Бунге) грозилъ отлученіемъ всякому, кто приметъ во владѣніе какое бы то ни было рижское церковное имѣніе, но и эта булла ни мало не смущала Орденъ. При представлявшихся случаяхъ онъ, не спрашивая и не обращая вниманія на запрещеніе, и покупалъ, и бралъ въ залогъ имѣнія архіепископскихъ вассаловъ.

Изъ-за такихъ продажъ возникли цѣлые процессы. Такъ архіепископскій вассаль Германъ Иксульскій продалъ замокъ Иксуль за 4000 марокъ Ордену, заявивъ въ 1388 г. рижскому капитулу, что продажа состоялась потому, что архіепископъ не далъ денегъ на выкупъ этого замка, находившагося въ залогъ. Начался цѣлый процессъ; Орденъ былъ потребованъ въ Римъ къ суду въ 1390 г. и, кажется, проигралъ процессъ, потому что въ послѣдующихъ документахъ Иксульскій замокъ всегда и неизмѣнно былъ включаемъ въ число архіепископскихъ замковъ.

Въ октябрѣ 1389 г. папа Урбанъ VI умеръ и римскіе кардиналы поспѣшили избрать ему преемника, чтобы предупредить созваніе собора, котораго католики настоятельно требовали для устраненія церковнаго раскола. Выборъ ихъ палъ на одного неаполитанца, который и вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Бонифація IX. Въ Авиньонѣ оставался папою Климентъ VII и церковный расколъ ни мало не пресѣкался. Новый папа, сѣвшій въ Римѣ, по свидѣтельству его современниковъ, былъ совершенно недостойнъ своего высокаго сана: религія и нравственность не сходили у него съ языка, но въ сущности онъ гонялся только за деньгами, для добыванія которыхъ не стѣснялся никакими средствами, продавалъ духовныя должности и мѣста, торговалъ процессами, разрѣшеніями, прощеніями грѣховъ и доходилъ до такого безстыдства, что одно и тоже мѣсто или духовный санъ продавалъ одновременно шести, восьми лицамъ. Его скупая мать и братья создали себѣ даже промыселъ изъ торговли духовными мѣстами и приходами и индульгенціями. За деньги можно было добиться всего у корыстолюбиваго Бонифація IX, пошли подкупы, продажи, безчинства, вымогательства всякаго рода, и все это въ совокупности роняло значеніе и папской власти и духовенства въ католическомъ мірѣ. Другаго средства поправить дѣло не было, какъ низложеніе обоихъ папъ и созванія собора для устроенія церкви. Мысль объ этомъ давно уже ходила между католиками, но осуществить ее не такъ то легко было.

Раздоръ архіепископа Рижскаго съ Орденомъ не прекращался. Когда Бонифацій IX занялъ въ Римѣ папскій престолъ, великій магистръ, Конрадъ Цельнеръ, предложилъ архіепископу свое посредничество (письмо о томъ великаго магистра, посланное въ пятницу предъ

вернымъ воскресеньемъ 1390 г. см. въ Index'ѣ Наперскаго подъ № 465), но ливонская орденская братія отклонила посредничество. Тогда въ Любекѣ мѣстный епископъ и магистратъ съ однимъ прусскимъ командоромъ и нѣсколькими рижскими соборными канониками составили проектъ соглашенія между Орденомъ и архіепископомъ, и отправили въ Ригу соборнаго пробста съ этимъ проектомъ для представленія его спорящимъ сторонамъ. Орденская братія и магистръ и слышать не хотѣли о соглашеніи, пробста арестовали и вмѣстѣ съ тѣмъ забрали архіепископскій городъ Салисъ (см. хронику Детмара, стр. 355 и Фохта V, 627). Архіепископу ничего не оставалось, какъ усилить проклятія Ордену, что онъ и сдѣлалъ 10 ноября 1390 г. (см. у Догеля V, № 62 и въ Urkundenbuch Бунге III, № 1524), но отлично сознавая, что послѣ этого ему не сдобровать въ Ригѣ, онъ сѣлъ на корабль (см. Кранца Vandalia, кн. IX, гл. 28) и съ частью канониковъ своего капитула удалился въ Любекъ. Орденская братія тогда арестовала оставшихся канониковъ и забрала все церковныя имѣнія подъ предлогомъ, что имѣеть доказательства тайной связи и союза архіепископа съ языческими литовцами и русскими.

Архіепископъ Синтень, по прибытіи въ Любекъ, обратился съ жалобами на ливонскій орденъ и магистра къ папѣ Бонифацію IX, къ императору Венцеславу, къ польскому королю Ягайлѣ-Владиславу и къ многимъ имперскимъ князьямъ, прося у нихъ помощи и защиты. Жалобы архіепископа не остались тщетными. Папа 12-го октября 1392 г. (см. Urkundenbuch Бунге III, № 1599 и Index № 3360) потребовалъ у магистра объясненій. Императоръ Венцеславъ съ своей стороны написалъ великому магистру, чтобы онъ распорядился немедленно освободить арестованныхъ канониковъ и приказать ливонской братіи безотговорочно очистить захваченные Орденомъ города и замки Рижской церкви, такъ какъ эти города и замки составляютъ ленъ Римской имперіи, а не Ордена. Великій магистръ отвѣтилъ императору, что ему неизвѣстны все обстоятельство дѣла, что ливонскій орденъ дѣйствительно занялъ архіепископскіе замки и городки, но занялъ лишь временно и для пользы христіанства, ибо архіепископъ бѣжалъ изъ Ливоніи съ канониками, не оставивъ въ своихъ замкахъ никакихъ гарнизоновъ. Ягайло также не оставилъ безъ вниманія письмо архіепископа. Онъ отвѣтилъ Синтени (см. Index № 479 и Urkundenbuch III, № 1578), и въ отвѣтномъ письмѣ совѣтовалъ архіепископу обратиться къ папскому двору и исходатайствовать у папы назначеніе его, Ягайла, и его брата, Витовта, экзекуторами по возвращенію отъ Ордена архіепископскихъ владѣній въ Ливоніи. Въ письмѣ этомъ Ягайло осыпалъ бранью Орденъ, называлъ орденскую братію людьми, не знающими ни страха Божія, ни чести, ни совѣсти, называлъ ихъ волками въ овечьихъ шкурахъ, преступными врагами слова Божія и истинной вѣры. „Скоро наступитъ время, когда нис-

падеть на нихъ мщеніе за безчисленное зло, какое они безчеловѣчно причиняли жителямъ Литвы и Россіи, и въ особенности новокрещенымъ“, писалъ Ягайло. Письмо это, однако, не дошло по назначенію: гонецъ, везшій его въ Любекъ, былъ схваченъ по дорогѣ и орденскіе сановники имѣли случай прочесть и узнать, какое мнѣніе объ орденской братіи имѣеть Ягайло.

Императоръ Венцеславъ желалъ, чтобы споръ между архіепископомъ Рижскимъ и Орденомъ былъ рѣшенъ при его дворѣ, объ этомъ онъ и писалъ рижскому соборному капитулу 2 мая 1392 г., однако же дѣло рѣшилось не при императорскомъ дворѣ, а при папскомъ, и при томъ въ смыслѣ, превзошедшемъ все ожиданія орденской братіи въ Ливоніи. Было сейчасъ сказано, что въ Римѣ на папскомъ престолѣ въ это время возсѣдалъ Бонифацій IX, человѣкъ, торговавшій своею властію и авторитетомъ. Орденскій прокураторъ, пребывавшій постоянно при папскомъ дворѣ, писалъ великому магистру (см. Index №№ 1740, 1741 и Urkundenbuch Бунге №№ 1586 и 1587): „Здѣсь при римскомъ дворѣ все перемѣнилось, кто имѣеть и даетъ, тотъ получаетъ и выигрываетъ, потому и Орденъ долженъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ . . . Одинъ изъ кардиналовъ сказалъ мнѣ очень ясно: „Тевтонскій орденъ такой могущественный и богатый, а не оказываетъ святому отцу никакой чести, это меня удивляетъ“. Само собою разумѣется, что Орденъ не премнулъ оказать честь (см. у Фохта V, 632), послалъ въ Римъ богатые подарки, а къ подаркамъ германскій провинціальный магистръ, Веннингенъ, присоединилъ и знатную сумму денегъ. Подарки и деньги свое дѣло сдѣлали: орденскій прокураторъ узналъ все тайны своего противника и получилъ отъ папскаго двора наставленія, какъ наилучше отвѣчать на жалобы архіепископа и какъ повести дѣло, чтобы не только выиграть процессъ, но и получить то, чего Орденъ въ Ливоніи тщетно добивался многіе годы, именно полную независимость отъ архіепископа и главенство надъ нимъ.

Ливонская орденская братія отлично поняла, чѣмъ склонить жаднаго на деньги Бонифація IX на свою сторону и поступила такъ: оцѣнила доходы со всѣхъ захваченныхъ ею имѣній архіепископа и рижской церкви въ 11500 золотыхъ гульденовъ (23261 руб.) и обѣщала сумму эту уплачивать папѣ (см. Index №№ 507, 508, 1740; Urkundenbuch Бунге III, № 1564), а ливонскій магистръ въ мартѣ 1394 г. во исполненіе обѣщанія прислалъ папѣ первыя 5000 гульденовъ. Получивъ эти деньги и приказавъ доставить въ ноябрѣ остальные 6500 гульденовъ, папа, убѣжденный такими доказательствами правоты Ордена, издалъ въ Римѣ 10 марта 1394 году буллу (см. Index № 509, ср. у Догеля № 73), въ которой, якобы по собственному почину и для благосостоянія церкви, постановилъ, чтобы въ Рижскомъ архіепископствѣ посвящать въ каноники и предоставлять должности только тѣмъ лицамъ, кои предварительно возложить на себя

обѣты тевтонскаго ордена (regularem professionem per fratres hospitales V. Mariae . . . emitti consuetam), за тѣмъ рижскій соборный капитулъ отнынѣ долженъ быть не августинскаго, а тевтонскаго ордена, и все духовенство Рижской епархіи, исполняющее въ немъ какую-бы то ни было должность, должно обязательно носить одѣяніе не августинскаго, а тевтонскаго ордена. Черезъ 10 дней, именно 20 марта 1394 года состоялась новая булла (см. тамъ же), въ силу которой ливонскому орденскому магистру предоставляется право представлять и утверждать рижскихъ канониковъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ то предоставлено великому магистру въ прочихъ епископствахъ Тевтонскаго ордена. Въ силу этихъ буллъ Рижское архіепископство заняло по отношенію къ ливонскому Ордену такое же положеніе, въ какомъ находились Кульмское, Помезанское и Самландское епископства въ Пруссіи по отношенію въ великому магистру. Ливонская орденская братія добилась наконецъ того, къ чему давно стремилась, именно стала по отношенію къ архіепископу въ независимое положеніе, да и самое Рижское архіепископство отнынѣ дѣлалось ничѣмъ инымъ, какъ орденскою областію. Преюставивъ ливонскому магистру и визитаціонное право, папа Бонифацій IX назначилъ двухъ-лѣтній срокъ для рѣшенія всѣхъ прочихъ споровъ между Орденомъ и архіепископомъ (см. Index № 511 и Urkundenbuch Бунге IV, №№ 1637 и 1652).

Архіепископъ Синтень проигралъ свое дѣло. Ему оставалось или вступить въ Тевтонскій орденъ, чтобы сохранить за собою званіе архіепископа, или отказаться отъ архіепископства. Вступить въ Тевтонскій орденъ онъ не пожелалъ, а обратился къ императору Венцеславу, который и прежде его поддерживалъ. Венцеславъ подтвердилъ иривиллегіи архіепископства, назначилъ охранителями (консерваторами) архіепископства королей польскаго, датскаго, шведскаго и норвежскаго, — но изъ этого ничего не вышло: обстоятельства не дозволяли охранителямъ защитить архіепископа. Видя невозможность получить откуда либо помощь, архіепископъ Синтень принялъ папское предложеніе быть патріархомъ Александрійскимъ (впослѣдствіи онъ былъ патріархомъ Антіохійскимъ). Такимъ образомъ архіепископская кафедра въ Ригѣ сдѣлалась вакантною. На открывшуюся вакансію папа назначилъ (см. Index № 573, отъ 8 апрѣля 1395 г.) двоюроднаго брата бывшаго великаго магистра Валенрода, *Іоанна Валенрода*, который прибылъ изъ Рима въ главный орденскій домъ, въ Маріенбургъ, и здѣсь съ большими торжествами и празднествами вступилъ въ Тевтонскій орденъ и такимъ образомъ призналъ надъ собою власть Ордена. Года черезъ два, именно 7 апрѣля 1397 г. (см. Index № 524), папа, по просьбѣ великаго магистра, издалъ буллу, въ силу которой рижскимъ архіепископомъ могъ быть избираемъ лишь братъ Тевтонскаго ордена. Торжество Ордена было полное.

Но какъ отнеслись къ происшедшей перемѣнѣ рижскіе каноники

и архіепископскіе вассалы? Мы видѣли, что съ архіепископомъ Синте-номъ удалились изъ Риги въ Любекъ нѣкоторые члены капитула. Они остались за границей послѣ папскихъ рѣшеній и, конечно, ни за что не соглашались признать своимъ архіепископомъ Валенрода. Въ Ливоніи распространились слухи, что папскій дворъ подкупленъ Орденомъ за 15000 гульденовъ (см. Index, № 1187); оставшіеся въ Ригѣ члены соборнаго капитула и архіепископскіе вассалы, не видя въ будущемъ ничего добраго для себя въ подчиненіи Ордену, не хотѣли признавать Валенрода и воспротивились вступленію его на архіепископскую кафедру. Изъ архіепископскихъ вассаловъ важнѣйшими были Тизенгаузены. Они больше другихъ противились папскимъ рѣшеніямъ и булламъ отъ 10 и 20 марта 1394 г., такъ что Ордену пришлось прибѣгнуть къ силѣ, чтобы смирить непокорныхъ. Магистръ отнялъ у Тизенгаузеновъ замки Кюкенгузенъ и Берзонъ, находившіеся въ ленномъ ихъ владѣніи. Тогда Тизенгаузены бѣжали въ свои ленныя имѣнія въ Дерптскомъ епископствѣ (см. у Герна стр. 164 и 165 и у Кельха стр. 127 и 128). Точно также оставили Рижское архіепископство и другіе архіепископскіе вассалы: Гансъ Криденеръ, Гейдеке Зальца, оба Унгерна и оба Палена. Всѣ они пристали къ Дерптскому епископу Дидриху Дамерову, врагу Ордена (см. выше стр. 17) и слышать не хотѣвшему о подчиненіи архіепископской власти Валенрода, въ особенности, когда Орденъ обнаружилъ стремленія поступить съ прочими ливонскими епископствами, какъ было поступлено съ архіепископствомъ Рижскимъ, и когда потребовалъ отъ епископа Дидриха годовой дани. Дидрихъ возсталъ противъ Ордена, а тутъ и императоръ Венцеславъ объявилъ рижскую архіепископскую кафедру упраздненною и предложилъ избрать рижскимъ архіепископомъ 14-ти лѣтняго принца Оттона Штетинскаго, сына герцога Свантибора Померанскаго (см. Index, №№ 1748 и 1749). Епископъ Дидрихъ согласился на предложеніе и въ 1396 г. вошелъ въ связи о помощи съ герцогами мекленбургскими, Витовтомъ и псковичами. Вѣсти о подобныхъ связяхъ не могли не встревожить великаго магистра, въ особенности, когда ливонскій магистръ донесъ, что герцогъ Альбрехтъ Мекленбургскій тайно прибылъ въ Ревель, провелъ здѣсь трое сутокъ, вербуя людей, и изъ Ревеля отправился въ Дерптъ, и что слухъ распространился по Ливоніи, будто сюда явятся много виталиевыхъ братьевъ для изгнанія Ордена изъ Ливоніи, или по крайней мѣрѣ для его угнетенія. Дѣло становилось серьезнымъ, потому что явилась опасность вооруженнаго вмѣшательства въ ливонскія внутреннія дѣла со стороны мекленбургскихъ герцоговъ, въ тѣ времена далеко не безсильныхъ, и еще болѣе опасность со стороны русско-литовскаго князя Витовта, постоянно враждовавшаго съ Орденомъ, и псковичей, готовыхъ въ тѣ времена всегда перевѣдаться съ ненавистными имъ рыцарями.

Великій магистръ Конрадъ Юнгингенъ, по полученіи вѣстей, о готовящемся вмѣшательствѣ, немедленно же написалъ герцогу Іоанну Мекленбургскому, а также городамъ Ростоку и Висмару запросъ какъ ему, великому магистру (см. Фохта VI, 42), смотрѣть на прибытіе герцога Альбрехта Мекленбургскаго въ Ливонію и что Ордену ожидать — мира или войны. Магистру же ливонскому великій магистръ поручилъ затребовать отъ дерптскаго епископа объясненій и обратить особенное вниманіе на укрѣпленіе ливонскихъ гаваней и приморскихъ городовъ, такъ какъ виталіевы братья, если и сдѣлаютъ нападеніе, то, конечно, на приморскіе города, а никакъ не на города и земли отъ моря удаленныя.

Кто же это были виталіевы братья, нападенія на которыхъ на Ливонію такъ опасался Орденъ?

Было уже сказано, когда и при какихъ обстоятельствахъ состоялся 24 мая 1370 г. Стральзундскій миръ (см. томъ II, 341) между ганзейскими городами и королемъ датскимъ Вальдемаромъ IV. Ганзейскіе города въ особенности вендскіе, явились властителями на Балтійскомъ морѣ. Они получили право на свободную торговлю во всѣхъ трехъ Скандинавскихъ государствахъ (Данія, Швеція и Норвегія), получили новыя преимущества съ подтвержденіемъ старыхъ, получили въ временное владѣніе всѣ важнѣйшія крѣпости въ южной Швеціи, выговорили наконецъ въ договорѣ пунктъ, по которому никто не могъ быть избранъ въ короли Даніи безъ предварительнаго на то согласія ганзейскихъ городовъ.

Король Вальдемаръ IV, тотъ самый, который продалъ Ордену Эстонію, умеръ въ 1375 г. — Онъ оставилъ по себѣ двухъ дочерей: старшая Ингеборга была замужемъ за герцогомъ Генрихомъ Мекленбургскимъ, младшая Маргарита была замужемъ за королемъ Гакономъ Норвежскимъ. Сынъ Ингеборги, Альбрехтъ, и сынъ Маргариты, Олафъ, явились претендентами на датскій престолъ. Сторону Альбрехта держалъ Императоръ Карлъ IV, сторону Маргариты поддерживали ганзейскіе города. Впрочемъ, ганзейскіе города не особенно сильно стояли за Олафа; они заботились только, чтобы датскій престолъ не занялъ Альбрехтъ, потому что его дядя Альбрехтъ Мекленбургскій въ это время былъ королемъ шведскимъ (съ 1364 г., см. т. II, 341). Сдѣлайся племянникъ короля королемъ датскимъ, Мекленбургскій домъ очень усилился бы и тогда господство надъ Балтійскимъ моремъ легко бы могло отойти отъ ганзы. Вотъ почему ганзейскіе города предпочитали Олафа и когда Маргарита надавала этимъ городамъ новыя торговыя привилегіи, то они ни мало не протестовали противъ избранія Олафа, который и вступилъ на датскій престолъ. Онъ царствовалъ не долго, умеръ въ 1387 г., а между тѣмъ шведское дворянство, крайне недовольное своимъ королемъ, Альбрехтомъ Мекленбургскимъ, задумало свергнуть его съ престола и обратилось за помощію къ Маргаритѣ. Успѣхъ увѣнчалъ ихъ предпріятіе. Король Альбрехтъ былъ разбитъ и поцался въ плѣнъ къ Маргаритѣ, а сама Маргарита въ томъ же 1387 г. была избрана правительницей всѣхъ трехъ Скандинавскихъ государствъ. Такимъ образомъ три сѣверныя державы соединились подъ властію одной правительницы. Не всѣ шведы, однако, признавали Маргариту. Ей пришлось еще два бороться со своими противниками, которые, терпя пораженіе за пораженіемъ, теряли болѣе и болѣе своихъ приверженцевъ. Къ концу 1389 г., вся Швеція была подъ властію Маргариты, но шведская столица, Стокгольмъ, не сдавалась и крѣпко стояла противъ Маргариты. Два

вендскихъ города — Ростокъ и Висмаръ помогали Стокгольму, подвозя сюда съѣстные припасы, вѣктуалии, и захватывая датскіе корабли на Балтійскомъ морѣ. Отъ слова вѣктуалии (съѣстные припасы) произошло названіе людей, доставлявшихъ въ Стокгольмъ продовольствіе и захватывавшихъ датскіе корабли. Ихъ стали называть *вѣталіевыми братьями* (Vitalienbrüder, братья Вѣктуалии или Вѣталіи). Вѣталіевы братья очень скоро усилились охотниками до легкой наживы, морскими разбойниками и искателями добычи, преимущественно изъ Сѣверной Германіи. Во главѣ этихъ пиратовъ явились мекленбургскіе дворяне, поставившіе себѣ задачею освободить изъ плѣна бывшаго шведскаго короля Альбрехта и поддерживать оборону Стокгольма. Къ 1392 г. вѣталіевы братья усилились до того, что распространились по всему Балтійскому морю и начали грабить купеческіе корабли, не слишкомъ-то разбирая чьи они, ганзейскіе, или датскіе, или чьи либо другіе. Вредъ, нанесенный морской торговлѣ разбоями, былъ до того значителенъ, что Любекъ, важнѣйшій ганзейскій городъ, и др. города предложили Маргаритѣ помириться съ ея противниками и для этого предложили свое посредничество. Переговоры начались и кончились лѣтомъ 1395 г. Маргарита освободила Альбрехта съ условіемъ, что, если онъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ не войдетъ въ соглашеніе съ Маргаритою, то или снова возвратится въ плѣнъ, или дастъ за себя выкупъ въ 60000 марокъ серебра, или же отдастъ Маргаритѣ Стокгольмъ, который на эти три года передается семи ганзейскимъ городамъ Любеку, Стральзунду, Грейфсвальду, Торну, Эльбину, Данцигу и Ревелю, которые поручились въ точности исполненія договора. Независимо этого Альбрехтъ долженъ былъ отказаться отъ всякихъ претензій на шведскій престолъ. Альбрехтъ не могъ заплатить 60000 марокъ серебра, но и не думалъ отказываться отъ притязаній на шведскій престолъ, потому отношенія и запугивались. Вѣталіевы братья между тѣмъ продолжали свои разбои на Балтійскомъ морѣ, грабя что ни попадалось. Вотъ почему великій магистръ и предложилъ ливонскому магистру озаботиться укрѣпленіемъ гаваней и приморскихъ городовъ въ Ливоніи, совершенно вѣрно указывая, что вѣталіевы братья въ глубь Ливоніи не пойдутъ, а непременно ограбятъ приморскіе города, если таковыя не будутъ укрѣплены и не будутъ снабжены достаточными для обороны гарнизонами.

Не ограничившись предложеніемъ ливонскому магистру укрѣпить приморскіе ливонскіе гавани и города, великій магистръ писалъ дерптскому епископу, чтобы онъ примирился съ архіепископомъ, назначеннымъ папою, чтобы назначилъ срокъ для переговоровъ и третейскаго суда по устраненію раздора. Епископъ не отвѣчалъ на письмо (см. Фохта VI, 51). Осталось безъ послѣдствій и обращеніе великаго магистра къ епископскимъ вассаламъ, чтобы они способствовали миру и не побуждали Орденъ прибѣгать къ силѣ оружія для укрощенія непокорныхъ. Не менѣе тревогъ возбуждалъ и новый архіепископъ Валенродъ. По прибытіи въ Ригу, по возвращеніи изъ за границы домой членовъ капитула, выѣхавшихъ съ архіепископомъ Синтепомъ, архіепископъ сблизился съ ними и тѣ, крайне недовольные своимъ новымъ положеніемъ, созданнымъ буллами папы Бонифація IX отъ 10 и 20 марта 1394 г. (см. выше стр. 23), внушили ему, на сколько духовенство Рижской церкви утратило въ своемъ значеніи, подчиняясь Ордену. Валенродъ сблизился съ канониками прежняго капитула и отворотился отъ канониковъ, вступившихъ въ капитулъ орденскими

братьями. Великій магистръ хорошо видѣлъ, что въ такомъ поведеніи Валенрода скрывается зародышъ возобновленія открытыхъ распрей, потому писалъ ему, что лишь единеніемъ съ Орденомъ опъ можетъ избавиться отъ герцога Оттона Штетинскаго, затѣмъ писалъ рыцарству и горожанамъ городовъ и земель архіепископства Рижскаго и епископства Дерптскаго, чтобы они не поощряли епископа Дамерова къ сопротивленію и въ особенности, чтобы они отвращали его отъ союза съ русскими и русско-литовскимъ княземъ Витовтомъ, такъ какъ подобный союзъ легко вызоветъ войну и Ливонія тогда неминуемо подвергнется вторженію въ нее литовско-русскихъ войскъ, и слѣд. и разореніямъ. Великій магистръ не упустилъ дать знать орденскому прокуратору въ Римѣ, дабы онъ при папскомъ дворѣ дѣйствовалъ противъ замысловъ епископа Дамерова, противъ союза его съ Витовтомъ и русскими (см. Фохта VI, 52).

Все это было писано въ 1395 г., когда военныя дѣйствія между Орденомъ и Литвою, послѣ неудачной осады Вильны въ 1394 г. (томъ II, 429), стихли, когда ни мира, ни перемирія, ни войны съ Орденомъ не было, когда Витовтъ со дня на день усиливался пріобрѣтеніями коренныхъ русскихъ земель.

Слѣдующій 1396 г. начался, по примѣру предшествовавшихъ лѣтъ, набѣгами орденцевъ на русско-литовскія земли. Въ январѣ прусскіе рыцари съ иноземными гостями (см. т. II, 431) вторглись было въ Литву, но скоро воротились, а ливонскіе рыцари вмѣстѣ съ Свидригайломъ ходили воевать Литву и Жмудь. Свидригайло поднялъ было противъ Витовта всю Витебскую волость, но попалъ въ плѣнъ къ Витовту и былъ увезенъ въ Польшу къ королю Ягайлѣ. Дѣла принимали оборотъ очень неблагоприятный ордену: Свидригайло, какъ мы видѣли, служилъ ордену прекраснымъ средствомъ для вмѣшательства въ русско-литовскія дѣла и противодѣйствія уніи Литвы съ Польшею; взятіе въ плѣнъ Свидригайла усиливало Витовта, а тутъ еще въ началѣ 1396 г. начали приходить вѣсти, что епископъ Дерптскій, ни мало не покидалъ своихъ плановъ низложить архіепископа Валенрода съ его кафедры, поставить на его мѣсто, при помощи литовцевъ и русскихъ принца Оттона Померанскаго, что приказалъ уже прокладывать новую дорогу чрезъ свое епископство въ Литву, поднимая противъ Ордена его враговъ, что вошелъ въ связи съ виталиевыми братьями, чтобы получить отъ нихъ помощь вслучаѣ нужды. Великій магистръ послалъ одного изъ своихъ сановниковъ къ епископу съ предложеніемъ помириться съ ливонскимъ магистромъ, полюбовно рѣшить споръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ къ ливонскому магистру значительный военный отрядъ для усиленія гарнизоновъ въ ливонскихъ приморскихъ городахъ на случай войны (см. Фохта VI, 64). Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ великій магистръ задумалъ примириться съ Витовтомъ, лишь бы только миръ былъ заключенъ съ нимъ однимъ, а не совмѣстно съ

Польшею. Съ этою цѣлю былъ устроенъ, какъ мы видѣли уже (см. томъ II, 432), съѣздъ съ Витовтомъ на островѣ рѣки Дубиссы, но съѣздъ не повелъ ни къ какимъ результатамъ: переговоры были прерваны, ничего не достигнувъ и враждебныя дѣйствія между Орденомъ и Витовтомъ и набѣги возобновились. Ливонскій магистръ, усиленный присланнымъ ему изъ Пруссіи войскомъ, сдѣлалъ набѣгъ на земли Дерптскаго епископства, пережегъ и разграбилъ тутъ не мало епископскихъ деревень, и тѣмъ, конечно, еще болѣе раздражилъ епископа, который разослалъ жалобы на Орденъ императору и имперскимъ князьямъ и началъ возбуждать герцога Свантибора Померанскаго подниматься на Орденъ. Жалобы, однако, плохо дѣйствовали: никому не хотѣлось начинать войну съ Орденомъ изъ за дерптской распри. Тѣмъ не менѣе нельзя было оставлять этой распри не рѣшенною, потому съ одобренія императора и великаго магистра епископъ Генрихъ Эрмландскій принялъ на себя посредничество. Ему удалось на столько согласить между собою противниковъ, что тѣ рѣшились прибыть въ Гданскъ, чтобы полюбовно кончить споры. Съѣздъ состоялся лѣтомъ 1397 г. Къ Иванову дню этого года въ Гданскъ прибыли великій магистръ Конрадъ Юнгингенъ, ливонскій магистръ Веннемаръ Брюнгенскій, архіепископъ Валенродъ Рижскій, епископъ Дидрихъ Дерптскій и многіе другіе прелаты и орденскіе сановники. Съ согласія спорящихъ сторонъ назначили уполномоченныхъ для переговоровъ: со стороны Ордена уполномоченными были эзельскій пробстъ и ревелъскій бургомистръ, со стороны епископа были два любекскихъ бургомистра. Епископу Генриху Эрмландскому было поручено веденіе переговоровъ въ качествѣ главнаго судьи споровъ. Переговоры продолжались недѣли три времени и наконецъ 15 іюля 1397 г. состоялась примирительная грамота (находится въ Кенигсберскомъ тайномъ архивѣ, ящикъ 51, подъ № 48). Въ силу этой грамоты вѣчный миръ восстанавливается между обѣими сторонами; подданные церковей Рижской, Эзельской, Дерптской и Куронской обязаны нести военную службу ливонскому магистру и являться на предпринимаемые имъ походы; всѣ водяные и сухопутные пути должны быть свободны для купечества, епископа и подданныхъ его церкви; изъ Дерпта новыхъ дорогъ въ Россію не прокладывать и никакихъ связей съ русскими не допускать; вслучаѣ возникновенія споровъ между архіепископомъ, Орденомъ и епископомъ Дерптскимъ, таковыя рѣшаются третейскимъ судомъ; епископъ Дерптскій обязуется оказывать законное повиновеніе архіепископу Рижскому, но съ условіемъ, чтобы ни онъ, ни Орденъ не дѣйствовали силою и не поднимали противъ него, епископа, оружія. Споры между архіепископомъ и его вассалами прекращаются и архіепископскіе вассалы возвращаются въ свои имѣнія.

Здѣсь впервые архіепископскіе вассалы являются *самостоятельною корпораціею* (эстонскіе вассалы составляли замкнутую корпорацію уже съ 1259 г.,

какъ то указано во II т. на стр. 267); до насъ дошли договоры, заключенные архіепископомъ съ Тизенгаузенами. Изъ договоровъ этихъ (напечатаны у Гупеля въ его *Neue Nordische Miscelaneen*, 13 и 14, стр. 570 и слѣд.) видно, что члены рыцарства входили въ переговоры съ архіепископомъ по уполномочію и отъ имени многихъ другихъ членовъ рыцарства. По договорамъ симъ Тизенгаузенъ получилъ обратно замокъ Берзонъ, вмѣсто Кокенгузена, который оставленъ за архіепископомъ, они получили другія пмѣнія и обязались отстроить замокъ Эрла.

Примирительною грамотою отъ 15 Іюля 1397 г. ливонская орденская братія достигала вполнѣ всѣхъ своихъ цѣлей, къ которымъ тщетно стремилась съ самаго соединенія орденовъ въ 1237 г. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ ливонскіе епископы по отношенію къ ливонскому магистру явились въ такомъ же ему подчиненіи, какъ и епископы прусскіе по отношенію къ великому магистру. Епископскіе люди обязаны нести военную службу для Ордена; всѣ ливонскіе епископы обязаны оказывать законное повиновеніе архіепископу рижскому, какъ своему митрополиту, но самъ архіепископъ обязательно долженъ быть орденскимъ братомъ, членомъ Ордена, и въ санъ архіепископа Рижскаго могъ быть избранъ лишь орденскій братъ священникъ. Архіепископъ долженъ былъ на своемъ архіепископскомъ орнатѣ носить бѣлую орденскую мантию съ чернымъ крестомъ. Всѣ высшія должности въ странѣ должны быть замѣщены членами Ордена. Естественно, что главенство Ордена не могло нравиться ни архіепископу, ни его духовенству, которые хотя и покорились папскимъ булламъ и примирительной грамотѣ, но отнюдь не покидали мысли, что эти буллы и грамоты нарушаютъ старинныя права епископовъ и духовенства въ епархіяхъ. По наружности миръ сохранялся, но въ сущности вражда не прекращалась, таилась только, чтобы обнаружиться съ новою силою при первомъ же случаѣ.

Въ 1401 г. по смерти магистра Веннемара Брюггеня, должность ливонскаго магистра занялъ *Конрадъ Фитингофскій*. При немъ натянутыя отношенія съ архіепископомъ Валенродомъ не только не сглаживались, напротивъ обострились до того, что Валенродъ въ 1404 г. оставилъ Ригу и уѣхалъ въ Германію къ германскому провинціальному магистру (носившему титулъ *Deutschmeister'a*), чтобы при его посредствѣ порѣшить споры съ магистромъ, который тѣснитъ духовенство, не принадлежащее къ Ордену, сгоняетъ съ приходовъ канониковъ, не принадлежащихъ къ числу орденскихъ братьевъ — священниковъ, присваиваетъ себѣ доходы, искони принадлежащіе церкви. Великій магистръ, миролюбивый Конрадъ Юнгингенъ, желалъ бы пресѣчь распри, писалъ архіепископу и просилъ указать, что надобно сдѣлать для достиженія мира (см. у Фохта VI, 281), но ничего путнаго изъ этого не выходило. Въ Михайловъ день 1404 г. собрался въ Маріенбургѣ капитулъ для устраненія споровъ: къ собранію не пріѣхали ни ливонскій, ни германскій магистры, а прислали лишь нѣкоторыхъ своихъ

сановниковъ, которые, хотя и имѣли переговоры съ архіепископомъ, но ни къ какому постановленію не пришли. Время уходило и отношенія между архіепископомъ Рижскимъ и Орденомъ ни мало не улучшались; дѣлались попытки къ соглашенію, и все было тщетно. Такъ въ нерѣшительномъ положеніи дѣла оставались во все время магистерства Фитингофа, продолжавшагося до 1413 г.; оставались въ томъ же положеніи и при его преемникѣ *Дидрихъ Торкъ* до самаго Констанцскаго собора, до самаго того времени, когда расколъ въ католической церкви прекратился и на иапскій престолъ былъ возведенъ Мартинъ V.

Рига въ спорахъ между Орденомъ и архіепископомъ, продолжавшихся послѣ примирительной грамоты 1397 года, не принимала участія. Но прежде изложенія, въ чемъ состояли рѣшенія папы Мартина V объ отношеніяхъ между архіепископомъ рижскимъ и ливонскою отраслью Тевтонскаго ордена, расскажем событія, послѣдовавшія въ Пруссіи, Польшѣ и Литвѣ и Ливоніи послѣ заключенія Торнскаго мира.

III. Тевтонскій Орденъ и его отношенія къ Польшѣ и Литвѣ отъ Торнскаго мира до смерти Витовта.

Безпомощное состояніе Ордена. — Кальмарская унія. — Заговоръ противъ великаго магистра Генриха Плауэна. — Товарищество Ящерицы. — Оскуднѣніе Ордена. — Замыслы Витовта противъ Ордена и противъ уніи съ Польшею. — Орденское и польское посольства въ Сигизмунду въ Офенъ. — Рѣшеніе споровъ Сигизмундомъ и неудовольствіе рѣшеніемъ съ обѣихъ сторонъ. — Учрежденіе земснаго совѣта въ Пруссіи. — Неудовольствія противъ великаго магистра. — Низложеніе Генриха Плауэна. — Перемиріе Ордена съ Польшею и Литвою до пасхи 1414 г. — Большой сѣздъ въ Городлѣ. — Водвореніе католичества въ Жмуди. — Выборъ новаго великаго магистра Михаила Штернберга. — Возобновленіе войны. — Новое перемиріе. — Констанцскій соборъ. — Орденскіе польско-литовскіе послы на соборѣ. — Фридрихъ Говнцоллернъ. — Продолженіе перемирія до 1417 г. — Первый сѣздъ подъ Веленой. — Выборъ папы Мартина V. — Бѣгство Свидригайла и бунтъ въ Жмуди. — Второй сѣздъ подъ Веленою. — Рѣшеніе короля Сигизмунда. — Третій сѣздъ подъ Веленой. — Избраніе новаго великаго магистра Павла Русдорфа. — Возобновленіе войны. — Заключеніе мира при озерѣ Мельно. — Планъ Витовта короноваться литовскимъ королемъ. — Сѣзды въ Луцкѣ и Вильнѣ. — Смерть Витовта.

(1411—1430).

Источники: Фохтъ. *Geschichte Preussens*, томъ 7-й.

Нарбутъ. *Dzieje narodu Litowskiego*, томъ 6-й.

Иловайскій. *Исторія Россіи*, томъ 2-й.

Миръ, заключенный въ Торнѣ 1-го февраля 1411 года (см. томъ II, 460) между Ягайломъ, Витовтомъ и князьями мазовецкими съ одной и Тевтонскимъ орденомъ съ другой стороны, прекратилъ долготѣнную войну Ордена съ Польшею и Литвою. Витовтъ торопился заключеніемъ мира, не хотѣлъ настаивать на польскихъ требованіяхъ, потому что его настойчивость могла бы послужить къ усиленію Польши, а именно такого усиленія въ ущербъ литовско-русскому княженію онъ не желалъ. Онъ согласился, чтобы Жмудь оставалась въ иожизненномъ владѣніи его и Ягайла, но очень хорошо понималъ, что Ордену все равно не придется владѣть этою страной: слишкомъ ужъ жмудины ненавидѣли нѣмецкое господство, чтобы безъ отчаяннаго сопротивленія покориться ему, а совладать съ упорными, войнолюбивыми жмудинами Орденъ не смогъ даже и тогда, когда дѣйствительно располагалъ силами, несравненно большими, чѣмъ могъ располагать послѣ Грюнвальдской катастрофы.

По заключеніи Торнскаго мира, ливонскій магистръ Конрадъ Фитингофскій уѣхалъ въ Ливонію, Витовтъ въ Вильну, а великому магистру Генриху Плауену пришлось подумывать, откуда добыть 100,000 копѣ грошей для уплаты Ягайлу, такъ какъ орденская казна, нѣкогда весьма богатая, теперь была истощена до послѣдней крайности, а на какую либо поддержку со стороны западно-европейскихъ государствъ нельзя уже было рассчитывать. Времена перемѣнились: иноземные гости, нѣкогда многочисленные, перестали совсѣмъ являться въ Пруссію, императору и напамъ было не до Пруссіи или Ливоніи. Да и какое могло быть содѣйствіе Ордену со стороны императора Венцеслава, когда противъ него въ Германіи явился анти-императоръ Рупрехтъ Пфальцскій, а въ католическомъ мирѣ, къ соблазну всѣхъ вѣрующихъ, явилось не два, а уже три папы. Прямой помощи и ожидать было не откуда.

Важныя событія произошли въ скандинавскихъ государствахъ въ то время, когда прусская и ливонская орденская братія напрягали всѣ свои силы на борьбу съ Витовтомъ. Мы уже видѣли (см. выше стр. 25), когда и при какихъ обстоятельствахъ королева Маргарита явилась правительницею всѣхъ трехъ Скандинавскихъ государствъ — Даніи, Норвегіи и Швеціи. Въ то самое время, когда въ Гданскѣ въ іюлѣ 1397 г. происходилъ большой съѣздъ прусскихъ и ливонскихъ властителей для улаженія отношеній между архіепископомъ Рижскимъ и ливонскою орденскою братіею (см. выше стр. 28), королева Маргарита созвала въ Кальмаръ на съѣздъ дворянъ Даніи, Швеціи и Норвегіи. Ей хотѣлось облечь въ юридическую форму соединеніе скандинавскихъ державъ, фактически существовавшее съ 1389 г. и короновать своего преемника, князя Эриха Померанскаго. Съѣздъ въ Кальмаръ дворянъ былъ большой, но представителей иноземныхъ государствъ и ганзейскихъ городовъ не было. 17 іюля 1397 г. Эрихъ былъ коронованъ тройною короною сѣверныхъ державъ и 20 іюля состоялся актъ такъ называемой *Кальмарской унии*, въ силу котораго Эрихъ долженъ быть единственнымъ королемъ всѣхъ трехъ королевствъ, вслучаѣ же бездѣтной его кончины, королемъ будетъ тотъ, кого изберутъ государственные мужи трехъ державъ съ общаго

согласія. Этотъ актъ, однако, не имѣлъ полной законной силы, такъ какъ не былъ скрѣпленъ достаточнымъ количествомъ подписей, но Маргарита была довольна имъ. Цѣлю ея было, во что бы то ни стало, усилить королевскую власть и она до нѣкоторой степени достигла ея. Подтвердивъ въ 1398 г. всѣ торговыя привилегіи, какими ганзейскіе города пользовались раньше, Маргарита желала заключить съ этими городами наступательный и оборонительный союзъ противъ морскихъ разбойниковъ, смѣло разбѣзжавшихъ по Балтійскому морю и грабившихъ купеческіе корабли. Союзъ съ ганзейскими городами не состоялся, тогда Маргарита одна подняла оружіе на виталіевыхъ братьевъ (см. выше стр. 26) и къ веснѣ 1399 г. очистила отъ нихъ Балтійское море, затѣмъ обратила вниманіе на островъ Готландъ, которымъ овладѣлъ великій магистръ Конрадъ Юнгингенъ, отобравъ его у виталіевъ. Островъ этотъ Альбрехтъ, въ качествѣ шведскаго короля, заложилъ великому магистру за 10000 нобелей. Изъ за этого острова возникли споры и столкновенія, пока наконецъ въ 1407 г. спорящія стороны пришли къ соглашенію: Готландъ отошелъ къ Даніи, а великій магистръ получилъ 9000 нобелей. Съ возвращеніемъ Готланда господство на Балтійскомъ морѣ осталось за Данією. Впрочемъ, Маргарита не вмѣшивалась ни въ какія международныя европейскія столкновенія, держала себя въ сторонѣ отъ нихъ, и во времена церковнаго раскола признавала папою Урбана VI. Унія трехъ королевствъ при ней сохранялась во всей силѣ, но эта унія не имѣла, однако, въ себѣ надлежащей прочности. Маргарита стремилась, во что бы то ни стало, подавить всякую самостоятельность шведовъ и норвежцевъ и обратить три королевства въ Данію. Ея стремленія не были національными, скандинавскими, а исключительно датскими, а это впослѣдствіи и разстроило унію.

Тевтонскому ордену нечего было рассчитывать на какое-бы то ни было содѣйствіе и помощь со стороны соединенныхъ скандинавскихъ государствъ. Держась въ сторонѣ отъ всякихъ вмѣшательствъ, чуждыхъ интересамъ Даніи, королева Маргарита вообще не слишкомъ то благосклонно относилась къ Ордену. Но нечего было рассчитывать и на какую бы то ни было помощь и содѣйствіе со стороны Германіи, представлявшей соб ю въ тѣ времена зрѣлище всякаго рода интригъ, чуть-ли не совершеннаго хаоса.

Въ ноябрѣ 1378 г. умеръ императоръ Карлъ IV, такъ называемую *золотою буллою* въ 1356 г. опредѣлившій порядокъ избранія императора. Съ этихъ поръ установилось, что императоръ долженъ быть выбираемъ не всѣми нѣмецкими князьями, а только семью главными, въ числѣ коихъ заключались: король чешскій, пфальцграфъ рейнскій, герцогъ саксонскій, маркграфъ бранденбургскій и три архіепископа — майнцскій, кельнскій и трирскій. Эти то князья — получили титулъ *курфирстовъ* т. е. князей-избирателей и были признаны почти самостоятельными государями, въ явный ущербъ императорскихъ правъ. Предъ смертію Карлъ IV подѣлилъ между своими сыновьями владѣнія. Старшій сынъ Вячеславъ (Ренцель, Венцеславъ) получилъ Чехію, Силезію и Оберпфальцъ; второй Сигизмундъ получилъ Бранденбургъ и такимъ образомъ сдѣлался курфирстомъ; младшій Іоаннъ получилъ Нижнюю Лузацію съ Яуеромъ, Швейдницею и Герлицемъ. Племянники Карла IV, Іодокъ (Юбстъ) и Ирокопій, получили маркграфство Моравское, а братъ Карла IV, Вячеславъ, остался при родовомъ владѣніи. Старшій сынъ Карла IV, король Вячеславъ Чешскій, явился императоромъ, признавъ папою Урбана VI. Здѣсь не мѣсто разсказывать событія, происходившія въ Германіи въ концѣ XIV ст.. достаточно сказать, что въ началѣ XV ст. въ Германіи два императора спорили за свѣтскую власть, Вячеславъ и Рупрехтъ Пфальцскій, а расколъ въ

папствѣ усилился до того, что за престолъ св. Петра спорили уже не два, а три папы.

Урбану VI въ Римѣ наследовалъ Бонифацій IX, жадный къ деньгамъ и торговлею духовными мѣстами смутившій всю Германію. Онъ умеръ 1 октября 1404 г. и его мѣсто занялъ Иннокентій VII, папствовавшій не болѣе двухъ лѣтъ. Въ ноябрѣ 1406 г. онъ умеръ и папою въ Римѣ былъ избранъ Григорій XII. Въ Авиньонѣ между тѣмъ были свои папы. За Климентомъ VII, умершимъ въ сентябрѣ 1394 г., слѣдовалъ Бенедиктъ XIII. Для пресѣченія неурядиць отъ подобнаго раскола, кардиналы созвали въ маѣ 1409 г. соборъ въ Пизѣ. Тогда папа Григорій созвалъ свой соборъ въ Удино; венеціанцы этотъ соборъ запретили; папа перевелъ его въ Фриули. потомъ въ Перпиньянъ, но такого собора нигдѣ не признали. Пизанскій соборъ между тѣмъ, не признавъ ни Григорія, ни Бенедикта XIII, избралъ третьяго папу, Александра V, съ условіемъ, что съ номошію собора онъ прекратитъ наконецъ расколъ. Вновь избранный папа распустилъ соборъ, обѣщаясь созвать чрезъ три года новый для окончательнаго прекращенія раскола. Онъ отправился въ Римъ. Такимъ образомъ явилось трое папъ: Александръ V панствовавшій въ Римѣ, Бенедиктъ XIII. нашедшій себѣ убѣжище въ Перпиньянѣ, а потомъ въ Арагоніи, панствовавшій надъ Испанією и Англією, а третій папа Григорій XII переѣхалъ сперва въ Неаполь, но не считая себя здѣсь безопаснымъ, ушелъ отсюда къ владѣтелю Римини. Папа Александръ V умеръ въ 1410 г. и его мѣсто немедленно же занялъ кардиналъ Балтазаръ Косса подъ именемъ Іоанна XXIII. Каждый изъ этихъ трехъ папъ нуждался въ покровительствѣ и защитѣ, каждый изъ нихъ могъ ожидать низложенія, слѣд. какую ужь помощь и содѣйствіе могли они оказать Тевтонскому ордену? Времена, когда призывы папы къ крестовымъ походамъ не оставались тщетными, миновали безвозвратно.

Не могъ Орденъ рассчитывать на какую либо помощь и содѣйствіе и со стороны имперскихъ князей, потому что Германія въ это время представляла печальное зрѣлище всякихъ неурядиць: одни владѣтели и князья признавали одного, другіе другаго папу; одни стояли за императора Вячеслава, другіе объявили его низложеннымъ и выдвинули анти-императора Рупрехта. Раздоръ и смятеніе замѣчались всюду. Въ 1410 г. Рупрехтъ умеръ, а императоръ Венцеславъ, занятый чешскими дѣлами, соглашался отказаться отъ императорскаго престола, лишь бы только избраніе въ императоры выпало на принца его дома. Послѣ долгихъ споровъ, раздоровъ, смятеній въ римскіе короли былъ избранъ братъ Венцеслава, король Сигизмундъ Венгерскій. Вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, безъ власти, безъ значенія, Сигизмундъ носилъ только громкій титулъ, и ужь, конечно, ни малѣйшей поддержки не могъ оказывать Ордену.

Великому магистру приходилось такимъ образомъ обходиться собственными орденскими силами. Прежде всего надобно было заплатить Ягайлѣ условленную сумму, но откуда было взять денегъ, когда орденская касса была пуста? Генрихъ Плауэнъ пытался было слѣлать заемъ у чешскаго короля подъ залогъ орденскихъ имѣній въ Чехіи, но изъ этого ничего не вышло, тогда онъ впервые наложилъ общую дань на всю прусскую землю. Дань эту или земскую подать должны были вносить не только бюргеры и земскіе жители, но и духовенство и монахи, вообще всѣ безъ исключенія орденскіе подданные. Это было послѣднее средство выйти изъ затрудненій, но тутъ именно и оказалось, что орденскому господству въ Пруссіи наступаетъ

неизбѣжный конецъ. Гданскъ первый не только отказался отъ общей дани, но и возсталъ противъ Ордена. Пришлось прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ и Гданскъ былъ кое-какъ усмирень. Съ большими трудами собрали 25000 копъ грошей и выдали ихъ королю Ягайлѣ, но освобожденія плѣнныхъ все-таки не добились. Подъ разными предлогами Ягайло удерживалъ ихъ. А тутъ вдругъ обнаружился опасный заговоръ противъ самаго великаго магистра со стороны „Товарищества Ящерицы“, образовавшагося въ Пруссіи, въ Кульмской землѣ, въ концѣ девяностыхъ годовъ XIV столѣтія.

Нѣсколько словъ объ этомъ товариществѣ не будутъ излишними. По мѣрѣ увеличенія городовъ въ Германіи, развитія ихъ торговли, усиливалось и ихъ значеніе. Вступивъ въ союзъ между собою, города явились уже силою, съ которою приходилось считаться земскимъ властителямъ. Такъ было всюду въ Германіи, такъ было и съ прусскими городами, которые, вступивъ въ ганзейскій союзъ, не упускали случаевъ занять независимое положеніе отъ орденской братии и орденскаго управленія, имѣя собственное управленіе, свои цехи и свои гильдіи. Скоро города составили изъ себя корпорацію, неимѣющую ничего общаго съ земствомъ, находившимся въ рукахъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Эти дворяне-землевладѣльцы (свѣтскіе рыцари) первоначально не составляли изъ себя никакой замкнутой корпораціи, но съ теченіемъ времени, когда явилась необходимость защищать свои права и преимущества отъ посягательствъ на нихъ властителей страны, начали появляться замкнутыя товарищества, союзы дворянъ-землевладѣльцевъ между собою для взаимной защиты и обороны, носившіе разные названія: сокъзъ Льва, Сокола, Рога и пр. Въ Пруссіи первое такое дворянское товарищество учредилось въ 1397 г. (см. Фохта VI, 148). Два брата Рениса и два брата Кинтенау основали дворянскій союзъ, названный «Товариществомъ Ящерицы» (Eidesehen Gesellschaft), но отличительному его знаку. Цѣлью товарищества было оказаніе помощи членамъ во всѣхъ ихъ нуждахъ. Число членовъ его было въ началѣ очень небольшое. Оно посявилось въ Кульмской землѣ и о существованіи его первоначально мало кто и зналъ, но скоро, однакоже оно расширилось и приобрѣло важное политическое значеніе, когда это товарищество или конфедерация, вступивъ въ союзъ съ городами, возстала противъ Ордена и его управленія.

Важнѣйшіе члены „Товарищества Ящерицы“, недовольные орденскимъ управленіемъ, задумали овладѣть Мариенбургомъ, низложить Генриха Плауэна и на должность великаго магистра поставить рендскаго командора, Георга Вирсберга. Заговоръ былъ во время открытъ; главнѣйшихъ заговорщиковъ казнили, командора Вирсберга осудили на пожизненное заключеніе въ тюрьмѣ, большинство заговорщиковъ успѣло однако бѣжать къ Ягайлѣ. Все это могло служить указаніемъ великому магистру, что и города и дворяне-землевладѣльцы (свѣтское рыцарство) въ Пруссіи ни мало не расположены поддерживать орденское управленіе, а между тѣмъ изъ Литвы и Польши начали приходить весьма тревожныя вѣсти. Великій магистръ узналъ, что Витовтъ, по заключеніи Торнскаго мира и прибытіи въ Вильну, распорядился въ 1411 году построить крѣпость при устьѣ Дубиссы,

возобновилъ Велонскій замокъ, къ Жмуди присоединяетъ пограничныя орденскія земли. За тѣмъ пришли вѣсти, что въ половинѣ великаго поста 1411 г. король Ягайло и Витовтъ съѣхались въ Брестъ Литовскомъ, отсюда вмѣстѣ отправились въ Кіевъ, изъ Кіева прибыли въ Вильну, потомъ побывали въ Ковнѣ, забавлялись охотою въ Юрбургъ, на Пасху воротились въ Вильну и тутъ принимали папскаго легата и пословъ короля Сигизмунда Венгерскаго, того самого, котораго въ Германіи прочили уже въ императоры. Ливонскій магистръ Конрадъ Фитингофъ съ своей стороны писалъ великому магистру (см. Index cogr. h. dipl. Наперскаго, №№ 637 и 642), что Витовтъ входитъ въ связи съ псковичами и новгородцами, задумываетъ отобрать у Ордена земли по Нѣману и овладѣть устьемъ этой рѣки. Великій магистръ, предвидя опасность и неизбежность новой войны, обратился къ германскимъ князьямъ, писалъ германскому провинціальному магистру, что Ягайло непременно нападетъ на Орденъ, что необходимо, дабы германскіе дворяне и рыцари и оруженосцы явились въ Пруссію на помощь; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ распорядился вербовкою солдатъ по ганзейскимъ городамъ и послалъ просить англійскаго короля о присылкѣ сотни отборныхъ стрѣлковъ (см. Фохта VII, 151). Помощи, однако, ни откуда не являлось, а тутъ подходилъ срокъ дальнѣйшей уплаты Ягайлу, договоренной въ Торнѣ за освобожденіе плѣнныхъ, денегъ, но именно денегъ-то и не было: орденскія кассы не только въ Пруссіи, но и въ другихъ орденскихъ провинціяхъ были пусты. Платить было не чѣмъ не только королю, но и наемнымъ солдатамъ. Будучи въ такомъ безвыходномъ положеніи, ухудшившимся еще и тѣмъ, что внутри въ Пруссіи приходилось бороться съ епископами, Генрихъ Плауэнь разослалъ письма (см. Фохта VII, 157) къ королямъ англійскому и французскому, къ купечеству Парижа и Лондона и ганзейскихъ городовъ, прося объ оказаніи хоть бы заимобразной денежной помощи на выкупъ плѣнныхъ и указывая на опасность, какая грозитъ всему католичеству, если Орденъ, служившій ему до сихъ поръ оплотомъ, падетъ подъ ударами Ягайла и Витовта. Письма и просьбы остались безъ всякихъ послѣдствій.

Ливонскій магистръ между тѣмъ доносилъ изъ Риги (см. кенигсб. тайный архивъ, ящикъ X, 87), что Витовтъ держитъ подъ ружьемъ значительно большое войско, сносится съ Псковомъ и Новгородомъ, чтобы овладѣть подвинскими землями, составлявшими нѣкогда владѣніе полоцкихъ князей, ждетъ только случая порвать миръ съ Орденомъ, крѣпко надѣясь, что Ягайло возобновитъ войну съ Орденомъ. Тяжелое было это время для великаго магистра: города, дворяне-землевладѣльцы и епископы внутри Пруссіи не склонны помогать орденской братіи, извнѣ грозятъ войною Ягайло и Витовтъ, нечѣмъ нанять жолнеровъ, нечѣмъ разсчитаться съ Ягайломъ, чтобы освободить плѣнныхъ, а тутъ еще и философы смущаютъ умы, предрекаютъ (см. Фохта

VII, 158), что 9 сентября 1411 г. послѣдуетъ трусъ и потопъ и свѣтопреставленіе. Великій магистръ, чтобы оттянуть время, если ужъ не предотвратитъ войну съ Ягайломъ, послалъ въ Моринъ епископа Іоанна Помезапскаго съ великимъ командоромъ и орденскимъ маршаломъ переговорить съ польскими королевскими совѣтниками (панами радными) объ устраненіи спорныхъ пунктовъ съ тѣмъ, чтобы, согласно Торнскаго мира, предоставить папѣ окончательное рѣшеніе, не прибѣгая къ оружію. Съѣздъ состоялся, но разошелся, ничего не порѣшивъ и ничего не устранивъ.

Ягайло, однако же, войны не начиналъ, не двигался и Витовтъ. Папа и короли венгерскій и чешскій, архіепископъ майнцскій (князь-избиратель) и многіе нѣмецкіе князья явно становились на сторону Ордена, а это обстоятельство и сдержало Ягайла отъ наступленія на Пруссію; Витовта же сдержали непріязненные отношенія къ новгородцамъ.

Сейчасъ было сказано, что ливонскій магистръ нѣсколько разъ въ 1411 г. доносилъ великому магистру, что Витовтъ сносится съ Псковомъ и Новгородомъ съ враждебными противъ нѣмцевъ цѣлями. Донесенія эти были по существу вѣрны, хотя ливонскому магистру и оставалось неизвѣстнымъ, что переговоры Витовтовы не достигали цѣли: ни Псковъ, ни Новгородъ не хотѣли порывать мира съ ливонскою орденскою братіею.

Мы видѣли, что псковичи помирились съ ливонскою орденскою братіею въ Ильинъ день 1410 г. на съѣздѣ въ Кириппе (см. томъ II, 448). Новгородцы давно уже сторонились псковичей: дьяволъ вложилъ имъ, пишетъ псковскій лѣтописецъ, злыя мысли въ сердце ихъ, любовь держать съ Литвою и съ нѣмцами. Дружась съ Литвою, новгородцы брали себѣ князей изъ рода Гедиминова, дружа съ нѣмцами, они ни мало не помогали псковичамъ, а тѣмъ подвергали Псковъ большой опасности отъ нѣмцевъ. Чтобы защититься отъ нѣмецкихъ вторженій, псковичи, какъ пишетъ ихъ лѣтописецъ, возложили упованіе на Бога и на святую Троицу и на князя московскаго Василія Дмитріевича и начали принимать къ себѣ князей не иначе какъ отъ князя московскаго. Новгородцы же остались при своемъ, брали себѣ въ князья Гедиминовичей въ надеждѣ, что русско-литовскій князь защититъ ихъ отъ князя московскаго, явно стремившагося лишить Новгородъ его самостоятельности.

Русскіе лѣтописи, псковскія и новгородскія, ни слова не упоминаютъ о переговорахъ Витовта съ псковичами и новгородцами въ 1411 г., о которыхъ доносилъ ливонскій магистръ въ Пруссію великому магистру, но что эти переговоры были, что Витовтъ дѣйствительно подбивалъ Новгородскую Русь подняться на Орденъ, въ этомъ убѣждаетъ извѣстіе, сообщаемое подъ 1412 г. и въ Софійской и въ первой Новгородской лѣтописяхъ (см. П. С. Р. Л. V, 259 и III, 105). Въ лѣтописяхъ этихъ говорится, что въ 1411 г. князь Симеонъ-Лугвеній Ольгердовичъ, прибывшій въ Новгородъ въ 1407 году, получившій пригороды, какіе были у него и прежде, уѣхалъ въ Литву, свелъ и намѣстниковъ своихъ, а 2 января 1412 г. король Ягайло, Витовтъ и Лугвеній порвали союзъ съ новгородцами, прислали въ Новгородъ „взметныя грамоты“ и велѣли сказать: „Что было вамъ взяться служить намъ, разорвать миръ съ нѣмцами. съ нами стать за одно и закрѣпиться на обѣ стороны въ запасъ; пригодился бы этотъ союзъ — хорошо; а не пригодился, такъ ничего бы дурнаго не было. Мы къ вамъ посылали бояръ своихъ, Немира и Зиновья

Братошича, сиросьте васъ: стоите ли въ томъ словѣ (договорѣ) прежереченномъ? и вы отвѣчали Немиру: „Не можетъ Новгородъ того учинигъ, какъ онъ съ литовскимъ княземъ миренъ, такъ и съ нѣмцами миренъ“. Мы князя Лугвенія вывели отъ васъ къ себѣ, съ нѣмцами заключили миръ вѣчный, и съ угры (венграми) и со всеми нашими сосѣдями (граничниками), а вы слово свое забыли, да еще ваши люди насъ лаяли, безчествовали и срамили, погаными звали; кромѣ того вы приняли къ себѣ нашего врага, Юрьева сына Святославича (смоленскаго князя Оеодора)“. Лугвеній велѣлъ прибавить: „Держали вы меня у себя хлѣбокормленіемъ, а теперь старшимъ моимъ братьямъ, королю и Витовту, это не любо, и мнѣ не любо, потому что я съ ними одинъ человекъ, и съ меня крестное цѣлованіе долой“.

Изъ этого разсказа слѣдуетъ заключить, что ливонскій магистръ не преувеличивалъ, когда доносилъ въ Пруссію о переговорахъ Витовта съ псковичами и новгородцами. О переговорахъ съ Псковомъ ничего не извѣстно, вѣроятно, псковичи отказались порывать миръ, заключенный съ нѣмцами годъ тому назадъ; новгородцы также не пошли въ союзъ съ Витовтомъ, который и объявилъ имъ войну за это. Войны, однако, никакой не было. Князь Оеодоръ, оставилъ Новгородъ, говоря: изъ за меня съ Витовтомъ нелюбья не держите, и уѣхалъ къ нѣмцамъ. Неудача войти съ псковичами и новгородцами въ союзъ для дѣйствія съ нѣмцами и возможность открытія военныхъ дѣйствій съ новгородцами и побуждали Витовта не порывать съ Орденомъ до поры, до времени.

Вирочемъ, явились и другія обстоятельства, побудившія Витовта вообще удержаться отъ военныхъ дѣйствій. Мы видѣли, что этотъ, сколько дѣятельный, столько же и честолюбивый русско-литовскій князь тяготился связью своихъ обширныхъ владѣній съ Польшею и всегда стремился сдѣлаться вполнѣ независимымъ государемъ. По наружности онъ жилъ въ ладу съ Ягайломъ, но въ сущности не довѣрялъ ему, не желалъ усиленія Польши, и вотъ въ ноябрѣ 1411 г. ливонскій магистръ донесъ въ Пруссію Генриху Плауэну (см. Наперскаго Index № 647), что Витовтъ съ своими боярами и епископами поѣхалъ на свиданіе съ королемъ Сигизмундомъ венгерскимъ и римскимъ, что свиданіе состоялось гдѣ-то на венгерской границѣ и что на съѣздѣ заходила рѣчь о совершенномъ отдѣленіи литовско-русскаго княженія (западной Россіи) отъ Польши и коронованіи Витовта литовскимъ королемъ. Вѣсть эта не могла не быть пріятною Ордену, всячески старавшемуся устранить унию Польши съ Литвою, не могла не встревожить и Ягайла, и польскихъ магнатовъ, очень хорошо сознававшихъ что Польша только и сильна униєю съ русско-литовскимъ княженіемъ. Везъ Витовта Ягайло не хотѣлъ, да и не могъ ничего начинать противъ Ордена, а этимъ обстоятельствомъ и воспользовался великій магистръ, чтобы укрѣпить свое расшатанное положеніе.

1411 годъ прошелъ и Торнскій миръ оставался существующимъ только на бумагѣ: Ягайло и Витовтъ плѣнныхъ не выпускали, удостовѣренія, что Жмудь, послѣ ихъ смерти, ойдетъ къ Ордену не выдавали и спорные пункты о границахъ оставались не рѣшенными. Великій магистръ не терялъ времени и съ 1412 г. достигъ таки многихъ полезныхъ для себя результатовъ: при помощи городовъ Любека, Вуцда и

Ростока ему удалось усилить гарнизоны въ орденскихъ крѣпостяхъ, удалось также рѣшительно преклонить на свою сторону короля венгерскаго Сигизмунда (въ то время же бывшаго и королемъ римскимъ) заключить съ нимъ оборонительный союзъ (см. Фохта VII, 164), въ силу котораго Сигизмундъ обязуется явиться съ войскомъ на помощь Ордену, вслучаѣ еслибы Ягайло несправедливо началъ войну съ нимъ. За оказанную помощь Орденъ заплатитъ Сигизмунду 375000 венгерскихъ гульденовъ и получить за то Добринскую и Куявскую земли. Король Сигизмундъ лично свидѣлся послѣ Пасхи въ Люблинѣ съ Ягайломъ и здѣсь оба они условились, чтобы всѣ споры между Польшею и Орденомъ отдать на судъ римскаго короля и князей-избирателей (курфирстовъ). Впредь до рѣшенія ни Польша, ни Орденъ, а также ни Витовтъ, ни магистръ ливонскій не начнутъ между собою никакихъ военныхъ дѣйствій. Вслѣдствіе такого соглашенія, Сигизмундъ въ маѣ 1412 г. прислалъ гонца въ Маріенбургъ сказать великому магистру, чтобы онъ отправилъ своихъ уполномоченныхъ чрезъ двѣ недѣли послѣ Троицы въ Офенъ (Буду), гдѣ и состоится улаженіе всѣхъ споровъ. Великій магистръ не замедлилъ снарядить и отправить къ Сигизмунду въ Офенъ уполномоченныхъ, лучше сказать, отправилъ цѣлое посольство, состоявшее изъ высшихъ сановниковъ Ордена. Въ главѣ этого посольства былъ поставленъ архіепископъ рижскій Іоаннъ Валенродъ. Послы еще были въ дорогѣ, какъ великій магистръ получилъ извѣстіе, что Витовтъ внезапно вступилъ въ орденскія земли у Рагнита и началъ здѣсь отстраивать крѣпость Веллону, а поляки вторглись въ орденскія земли Югансбурга, пережгли здѣсь деревни и позабирали плѣнныхъ, что Ягайло и Витовтъ, вступивъ въ связи съ язычниками, рѣшились еще въ этомъ году вступить въ Пруссію съ тѣмъ, чтобы совершенно изгнать отсюда Орденъ. Обо всемъ объ этомъ великій магистръ сообщилъ чешскому и римскому королю, предписалъ ливонскому магистру принять всѣ мѣры для отраженія вторженія Витовта и распорядился, чтобы во всѣхъ городахъ и сельскихъ церквахъ, въ соборахъ и монастыряхъ служить молебны о мирѣ и тишинѣ, ходить процессіями, а въ церкви главнаго орденскаго дома чтобы богослуженіе совершалось денно и ночью впредь до возвращенія пословъ.

По прибытіи въ Офенъ, орденское посольство представило Сигизмунду жалобу на Ягайла и Витовта въ 43 пунктахъ. Сущность жалобы состояла въ томъ, что Торнскій миръ Ягайло и Витовтъ не соблюдаютъ, плѣнныхъ не только не возвращаютъ, но многихъ перебили и иныхъ услали въ отдаленныя мѣстности; грамоты на уступку Жмуди не выдаютъ; захватываютъ орденскія земли; не хотятъ подчиняться папскому приговору; пусть все это разсудитъ римскій король и имперскіе князья-избиратели.

Польскіе уполномоченные, прибывшіе въ Офенъ, со своей стороны представили возраженія болѣе чѣмъ въ 80 пунктахъ: Ягайло и Витовтъ

ни въ какіе союзы съ язычниками или татарами съ цѣлію изгнанія Ордена не входили и не входятъ; Орденъ неправильно владѣеть королевскими имѣніями и ленами; не отпускаетъ польскихъ плѣнныхъ; подстрекаетъ королевскихъ вассаловъ къ неповиновенію и отпаденію; опустошаетъ Витовтовы земли; не сдаетъ Витовту Мемеля, принадлежащаго къ Жмуди, и пр., и пр.

Сигизмундъ не торопился рѣшеніемъ. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ выгадываетъ, нельзя-ли чего добыть съ Ордена, тянулъ переговоры и только 24 августа въ Офенѣ далъ приговоръ: торговые пути, водные и сухопутные, между Пруссіею и Польшею, остаются свободными по старинѣ; Торнскій миръ долженъ быть сохраненъ во всѣхъ пунктахъ и Ягайло долженъ выдать Ордену грамоту на Жмудь въ теченіи шести мѣсяцевъ; Орденъ долженъ заплатить Ягайлѣ всѣ недоплаченные еще деньги и впредь до окончанія платежа Неймаркъ съ Дризеномъ останутся въ видѣ залога въ рукахъ Ягайла; кто нарушитъ эти пункты платить 10000 марокъ серебра пени, изъ которыхъ треть поступитъ въ папскую, треть въ имперскую кассу, а треть будетъ предоставлена той сторонѣ, которая сохранитъ миръ; всѣ пограничные споры рѣшить уполномоченный, назначенный Сигизмундомъ; всѣ епископскія имѣнія отдаются епископамъ по принадлежности, а устранившиеся епископы возвращаются на свои мѣста.

Такое рѣшеніе ни мало не удовлетворило ни Ягайла съ Витовтомъ, ни Ордена. Великій магистръ былъ недоволенъ, что враждебные ему епископы воротятся къ своимъ мѣстамъ, что приговоръ данъ однимъ Сигизмундомъ, а не совмѣстно съ князьями-избирателями, что Неймаркъ съ Дризеномъ отходятъ къ Польшѣ. Ягайло и Витовтъ были недовольны, что притязанія ихъ на орденскія земли не приняты во вниманіе, Мемель не отошелъ къ Жмуди и пр. Обѣ стороны остались недовольными и потому было мало надежды, что Сигизмундово рѣшеніе примиритъ Орденъ съ Ягайломъ и Витовтомъ.

Какъ бы то ни было, но великому магистру приходилось добывать денегъ, во что бы то ни стало, ибо приходилось платить Ягайлѣ и платить жалованье наемнымъ солдатамъ. Ему нужно было имѣть не менѣе 110000 марокъ, сумму для того времени весьма значительную. Но откуда и какъ получить? Другаго средства не было, какъ обложить податью всѣхъ безъ исключенія жителей, не исключая духовенства и монаховъ, обратъ отъ командоровъ и орденскихъ домовъ всѣ деньги, все серебро и золото, изъ всѣхъ церквей взять серебряные сосуды, но все это доставило не болѣе 60000 марокъ. Пришлось прибѣгать къ иностраннымъ займамъ, брать изъ орденскихъ кассъ другихъ провинцій. Всѣ эти поборы возбуждали, конечно, неудовольствіе и въ городахъ и между дворянами землевладѣльцами и между орденскою братіею, которая и безъ того была недовольна великимъ магистромъ за его старанія, чтобы орденскій уставъ былъ со-

блюдаемъ во всей строгости. Онъ требоваль повиновения и строго наказываль орденскихъ рыцарей за распутство, за измѣну, за побѣги. Строгости, однако, мало помогали: Орденъ уже отжилъ свой вѣкъ и разложение его замѣчалось всюду.

Между тѣмъ въ Пруссію прибылъ вмѣстѣ съ нотаріусомъ Ягайла посланникъ короля римскаго, *Бенедиктъ Макра*, ученый юристъ и лиценціатъ обоихъ правъ. Оба они обязаны были совмѣстно привести въ исполненіе Сигизмундово рѣшеніе, состоявшееся въ Офенѣ, и рѣшить пограничные споры мирнымъ путемъ. Великій магистръ принялъ пословъ съ большою честію и тотчасъ же назначилъ своихъ сановниковъ, въ томъ числѣ и орденскаго маршала Михаила Штернберга, чтобы они вмѣстѣ съ уполномоченнымъ Сигизмунда и Ягайла объѣхали границу и лично убѣдились, на сколько неправъ Витовтъ присвоеніемъ себѣ Веллоны. Бенедикту поручено было также ходатайствовать, чтобы Витовтъ отпустилъ находившихся у него орденскихъ плѣнныхъ. Въ ноябрѣ 1412 г. Макра отправился къ жмудской границѣ, но поѣздка эта не имѣла никакихъ практическихъ результатовъ. Пошли споры и пререканія. Макра побываль въ Трокахъ у Витовта, назначилъ съѣздъ спорившимъ сторонамъ въ Ковнѣ, но съѣздъ не состоялся. Макра уѣхаль во свояси, ничего не достигнувъ, но передъ отъѣздомъ выдалъ Витовту удостовѣреніе, что Велона и Хризмемель принадлежать къ Жмуди (см. Кромера *Index Arch. Cracov. № 139*). Не порѣшивъ спора, великій магистръ заплатилъ, однако, 39400 копъ грошей Ягайлѣ, 5000 копъ грошей Витовту, которые съ своей стороны въ январѣ 1413 г. выдали Ордену подтвержденіе, что Жмудь, послѣ ихъ смерти, перейдетъ подъ орденскую власть. Великій магистръ, однако, никакъ не могъ удовлетвориться выданнымъ ему документомъ, ибо въ немъ было выражено условіе, что переходъ Жмуди подъ орденскую власть долженъ совершиться безъ нарушенія правъ на этотъ край третьяго лица. Что было толку въ этомъ документѣ, когда великій магистръ узналъ, что архіепископъ Гнѣзненскій имѣеть полномочіе протестовать противъ документа отъ имени дочери короля Ягайла, Ядвиги, и когда узналъ, что жена Витовта и дочь Софія протестовали уже противъ передачи Жмуди въ качествѣ наслѣдницъ послѣ Витовта. Какая же это передача, если наслѣдники и Ягайла, и Витовта протестуютъ противъ нея и, конечно, въ свое время не упустятъ поддержать силою оружія свои протесты?

Между тѣмъ въ Пруссіи, въ то самое время, когда туда прибылъ Макра и шли споры и пререканія о приведеніи въ исполненіе приговора короля Сигизмунда, совершилось важное по своимъ послѣдствіямъ нововведеніе, именно учрежденіе *земскаго совѣта*.

Грюнвальдское побоище подорвало силы и средства Ордена до такой степени, что, дѣйствуя Ягайло и Витовтъ рѣшительнѣе, паденіе Ордена совершилось бы еще въ 1410 г., — но въ томъ то и дѣло,

что ни рѣшительности, ни единодушія между двоюродными братьями, въ рукахъ которыхъ явились судьбы Польши и Литвы, не было. Витовтъ не желалъ усиленія Польши, считая таковое не соответствующимъ интересамъ своего русско-литовскаго княженія, дѣйствовалъ не съ такою энергіею, какъ бы слѣдовало, и тѣмъ далъ возможность оправиться Ордену. Генрихъ Плауенъ искусно воспользовался обстоятельствами и заключилъ Торнскій миръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно видѣлъ, что Тевтонскому ордену не сдобровать, если во время не принять мѣръ для спасенія его самостоятельности и владѣній, добытыхъ съ такими трудами. Финансовое иоложеніе Ордена было въ самомъ печальномъ положеніи: иноземные гости, приводившіе съ собою военныя дружины для войнъ съ Литвою и Польшею, перестали являться, приходилось нанимать солдатъ, а какъ нанимать, когда орденская касса, нѣкогда весьма богатая, опустѣла, а города и дворяне-землевладѣльцы не хотѣли принимать дѣятельнаго участія въ орденскихъ дѣлахъ, ни мало не участвуя въ управленіи страню. Орденъ въ Пруссіи стоялъ совершеннымъ особнякомъ — безъ всякой связи съ образовавшимися съ теченіемъ времени сословіями, т. е. городами и землевладѣльцами. Сословія же эти, по мѣрѣ своего развитія, преслѣдуя свои собственные интересы и выгоды, становились явно во враждебныя отношенія къ Ордену, поддерживать который имъ не было даже и разсчета. Великій магистръ наложилъ общую на всю страну подать, города и дворяне-землевладѣльцы съ крайнею неохотою вносили налогъ, отказывались помогать. Какъ же быть, какъ же привлечь къ общности дѣйствій всю страну и ея сословія? Великій магистръ созвалъ въ Эльбингъ на совѣщаніе орденскихъ сановниковъ, въ томъ числѣ и ливонскаго магистра. Здѣсь то и была подана великимъ магистромъ мысль объ учрежденіи въ Пруссіи *земскаго совѣта*. Было предположено въ составъ совѣта великаго магистра и сановниковъ включить 20 лицъ изъ знатнѣйшихъ дворянъ-землевладѣльцевъ и 27 бюргеровъ изъ городовъ, на вѣрность которыхъ Орденъ могъ вполне надѣяться. Включенные въ совѣтъ дворяне и бюргеры принимаютъ участіе въ управленіи страню въ качествѣ постоянныхъ присяжныхъ совѣтниковъ, споспѣшествуя какъ пользамъ Ордена, такъ и благосостоянію и пользамъ своихъ сословій въ странѣ. Безъ вѣдома и согласія этихъ новыхъ совѣтниковъ Орденъ не долженъ былъ совершать никакихъ важныхъ дѣлъ, заключать, на примѣръ, союзовъ, объявлять войну. Вслучаѣ, если великій магистръ, сановники и совѣтники вынуждены будутъ наложить на страну подати или сборы, то такое наложеніе не должно было совершаться безъ вѣдома и согласія дворянъ-землевладѣльцевъ и городовъ. Безъ суда никто не могъ быть иреданъ смертной казни. Всякія жалобы на умаленіе привилегій сословій, на какія-бы то ни было убытки, причиняемыя или Орденомъ, или его сановниками, или дворянами, или городекими бургомистрами, должны

быть вносимы въ общее собраніе земскаго совѣта, которое имѣеть быть созываемо въ Эльбингѣ одинъ разъ въ году, и такія жалобы разсматриваются и рѣшаются магистромъ, сановниками и совѣтниками. Въ этомъ же собраніи великій магистръ вмѣстѣ съ совѣтниками разсматриваетъ предположенія о лучшемъ управленіи странюю и объ устраненіи несовершенствъ и злоупотребленій. Всѣ преимущества и права великаго магистра и его совѣтниковъ, всѣ древніе обычаи остаются нерушимыми.

Учрежденіе земскаго совѣта на этихъ основаніяхъ относятся къ 28 октября 1412 г. (см. Фохта VII, 188) и не безъ основанія предполагаютъ, что совѣтники, т. е. представители дворянъ-землевладѣльцевъ и городовъ, много помогли великому магистру добыть деньги для уплаты Ягайлѣ и на удовлетвореніе неотложныхъ нуждъ Ордена.

Наступилъ 1413 г. Прочнаго мира съ Польшею и Литвою не было, но и открытой войны не объявлялось: великій магистръ готовился къ войнѣ, обращаясь всюду за помощію и нанимая ратниковъ, и, конечно, вступилъ бы въ новую борьбу съ Ягайломъ и Витовтомъ, еслибы не встрѣтилъ противодѣйствія себѣ въ средѣ самой орденской братіи, которая была недовольна имъ едва-ли не съ самаго вступленія его въ должность великаго магистра.

Было уже выше сказано, что Генрихъ Плауэнскій всячески старался ввести порядокъ въ управленіи и въ особенности строго преслѣдовалъ распутство среди орденской братіи, требуя соблюденія устава. Это не нравилось братіи, привыкшей уже къ необузданному образу жизни. Еще болѣе не нравилось, что Генрихъ, въ виду совершеннаго оскуденія орденской кассы, требовалъ отъ орденскихъ сановниковъ бережливости и не исключалъ орденскіе дома отъ внесенія чрезвычайныхъ податей. Орденскимъ сановникамъ не нравилось и учрежденіе земскаго совѣта, ограничивавшаго ихъ произволъ, не нравилось, что великій магистръ требуетъ отъ нихъ исполненія своихъ приказаній и указываетъ имъ ихъ обязанности. Такъ въ 1413 г. онъ писалъ ливонскому магистру (см. Фохта VII, 205), что въ виду скудости орденской кассы, ливонская орденская братія должна оказывать должную помощь Ордену въ Пруссіи; ливонскій магистръ не долженъ начинать войны съ кѣмъ-бы то ни было безъ вѣдома и совѣта великаго магистра, долженъ быть ему послушнымъ и оказывать помощь въ войнахъ; никакого мира безъ вѣдома и согласія великаго магистра ливонскій магистръ заключать не будетъ; онъ долженъ жить въ мирѣ съ архіенископомъ рижскимъ и прочими ливонскими прелатами; голдингенскій командоръ обязанъ поручиться, что все это будетъ исполняемо ливонскимъ магистромъ.

Неудовольствіе противъ великаго магистра возростало болѣе и болѣе и выражалось иногда столь явно, что онъ, боясь за свою личную безопасность, окружилъ себя стражею и видѣлся лишь съ своимъ

братомъ, гданскимъ командоромъ, да съ нѣкоторыми надежными друзьями. Наконецъ дѣла дошли до того, что орденскій маршалъ, Михаилъ Кихмейстеръ Штернбергскій, воспретилъ, однажды, вопреки распоряженія великаго магистра, брату его, Генриху Плауэну, идти въ походъ на герцога Штольпенскаго. Тогда великій магистръ созвалъ въ Маріенбургъ на 14 октября 1413 г. капитулъ. Орденскій маршалъ, войдя въ соглашеніе съ орденскими сановниками и магистрами германскимъ и ливонскимъ, принялъ на себя предсѣдательство въ капитулѣ и предложилъ отрѣшить великаго магистра отъ должности подъ предлогомъ (см. Фохта VII, 216), что онъ, великій магистръ, дѣйствуетъ не по соглашенію съ сановниками, какъ слѣдуетъ по уставу, а единственно по своей волѣ и совѣту чуждыхъ ордену свѣтскихъ людей, т. е. земскихъ совѣтниковъ. Далѣе маршалъ указывалъ, что великій магистръ не исполняетъ постановленій сановниковъ и совѣтниковъ, а поступаетъ по своей волѣ, вопреки орденскихъ законовъ, чѣмъ наноситъ Ордену большой вредъ. Вся страна жалуется на обремененіе податями, а великій магистръ, питая воинственные планы, расточаетъ бесполезно орденскую казну безъ вѣдома сановниковъ, оборанныхъ кругомъ. Онъ допустилъ усилиться разбоямъ и убійствамъ въ странѣ, совѣтуется съ астрологами и колдунами, вовлекаетъ страну въ войну и пр. Однимъ словомъ дѣйствуетъ вездѣ самовластно и самоуправно.

Все это орденскіе сановники объявили великому магистру, за тѣмъ низложили его съ должности, отобрали у него орденскую и магистерскую печати, ключи отъ главнаго дома и назначили ему быть командоромъ въ Энгельсбургѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ было поручено орденскому шпитлеру, Герману Гансу, исполнять должность намѣстника впредъ до выбора новаго великаго магистра.

Низложеніе Генриха Плауэна указываетъ до какой степени уже упалъ Орденъ: сановники низвергли энергичнаго магистра, единственнаго человѣка въ Орденѣ, который не потерялся послѣ Грюнвальдской катастрофы и который въ то время, когда орденская братія разбѣжалась изъ своихъ замковъ и покинула ихъ на произволъ судьбы, успѣлъ задержать Ягайла и Витовта предъ Маріенбургомъ, далъ тѣмъ возможность оправиться Ордену, успѣлъ добыть денежные средства, сформировать войско, и явиться противникомъ Ягайлу и Витовту не безсильнымъ. Крѣпкое единовластіе еще могло бы спасти Орденъ, но сановники именно и не желали сильной власти, они не хотѣли пожертвовать своими личными выгодами общему дѣлу и тѣмъ самымъ ускорили паденіе Ордена, существованіе котораго послѣ Генриха Плауэна есть уже ни что иное, какъ продолжительная агонія военномонашескаго братства, отжившаго, правда, свой вѣкъ.

Устранивъ Плауэна, орденскіе сановники послали извѣстить Ягайла, что „безнокойнаго“ старика уже нѣтъ, что они желаютъ

сохраненія мира. Ягайло въ это время находился въ Литвѣ; онъ отдалъ приказъ пограничнымъ старостамъ и начальникамъ войскъ не тревожить орденскихъ владѣній, но долго, однакоже не отвѣчалъ сановникамъ.

Встревоженные королевскимъ молчаніемъ, они послали въ Литву къ Ягайлѣ двухъ командоровъ, балгскаго и рагнитскаго, которые и заключили съ Ягайломъ и Витовтомъ перемиріе до Пасхи 1414 г., послѣ Пасхи же долженъ состояться съѣздъ для заключенія прочнаго мира между Польшею и Литвою съ одной и будущимъ великимъ магистромъ съ другой стороны.

Въ Литвѣ и Польшѣ между тѣмъ происходили важныя событія. Было уже рассказано (т. I. 413), какъ совершилось соединеніе русско-литовскаго княжества съ Польшею. Польскіе магнаты всячески старались не только скрѣпить это соединеніе, но и ополчить и окатоличить населеніе, какъ Литвы, такъ и всей Западной Россіи, подвластной Витовту. Старанія ихъ не оставались, какъ мы видѣли, тщетными, тѣмъ не менѣе унія все-таки не была такою прочною, какъ бы хотѣлось польскимъ магнатамъ, очень хорошо сознававшимъ, что Польша безъ Литвы и Западной Россіи очень легко можетъ сдѣлаться добычею сосѣдей, что Польша только сильна уніею съ владѣніями русско-литовскаго князя. Тевтонскій Орденъ это ясно видѣлъ и уже испыталъ на себѣ, что такое значить унія и потому всячески старался расторгнуть связь между Польшею и Литвою, разъединить силы Ягайла и Витовта. Такого разъединенія именно и боялись польскіе магнаты и можно вообразить себѣ ихъ смятеніе, когда во время свиданія Витовта съ королемъ Сигизмундомъ (см. выше стр. 37) зашла рѣчь объ объявленіи Витовта русско-литовскимъ королемъ, всегда считавшимъ себя самостоятельнымъ государемъ, независимымъ отъ Польши, хотя и не отрицавшимъ своей вассальной связи съ нею. На этотъ разъ рѣчь о королевскомъ достоинствѣ осталась безъ послѣдствій, но Витовтъ, какъ увидимъ ниже, отнюдь не покидалъ мысли сдѣлаться самостоятельнымъ королемъ, порвавъ унію съ Польшею. Но, однакоже, союзъ съ Ягайломъ былъ для него по отношенію къ внѣшнимъ непріятелямъ столь выгоденъ, что Витовтъ не торопился разрывомъ уніи и но самый 1429 г. ни мало не обнаруживалъ своихъ затаенныхъ намѣреній отдѣлаться отъ Польши и ея пановъ радныхъ. Магнаты между тѣмъ не дремали: пользуясь безхарактернымъ, лѣнивымъ, до страсти любившимъ лишь охоту на дикаго звѣря Ягайломъ, они не упускали случаевъ усилить значеніе шляхетскихъ сеймовъ и пуще всего заботились о скрѣпленіи уніи Польши съ русско-литовскимъ княженіемъ. Съ цѣлю именно такого скрѣпленія они устроили въ сентябрѣ 1413 г. большой съѣздъ на берегахъ Западнаго Буга въ русскомъ мѣстечкѣ Городлѣ (нынѣ мѣстечко Люблинской губерніи). Сюда прибыли Ягайло съ польскими магнатами и Витовтъ съ литовскими

боярами, и здѣсь 2 октября 1413 г. былъ подписанъ съ привѣщеніемъ печатей новый торжественный актъ соединенія Польши съ Литвою. Въ актѣ этомъ повторялось условіе 1401 г. (см. т. I, 437) относительно общаго избранія преемниковъ, какъ Витовту, такъ и Ягайлу. Для сбужденія и рѣшенія вопросовъ, касавшихся обѣихъ государствъ, должны происходить общіе сѣзды, въ Люблинѣ или въ Парчовѣ. Русско-литовское боярство получаетъ не только владѣльческія права и преимущества польской шляхты, но и самыя польскіе гербы. Но тутъ же, въ самомъ актѣ, уже обнаружилось стремленіе магнатовъ ополячить и окатоличить русско-литовское боярство. Такъ постановлялось, что права и преимущества польской шляхты предоставляются боярамъ лишь въ томъ случаѣ, если они будутъ католическаго исповѣданія; бояринъ можетъ давать своей дочери въ приданое часть своихъ земель, но лишь тогда, когда дочь выходитъ замужъ за католика; въ Литвѣ устанавливаются тѣже самыя высшія должности (уряды), какъ и въ Польшѣ (воеводы и каштеляны), но эти уряды могли занимать бояре лишь католическаго исповѣданія (актъ Городельской уніи см. въ „Skarbce“ Даниловича II, №№ 1025 и 1026).

Такъ два отступника отъ православія, Ягайло и Витовтъ, закрѣпостили литовское населеніе русско-литовскаго княженія католической церкви и польскому вліянію. Коренныхъ русскихъ земель и кореннаго русскаго боярства польскіе магнаты не осмѣливались еще задѣвать, но не трудно было видѣть, что окатоличеніе и ополяченіе въ будущемъ непременно постигнетъ ихъ. Впослѣдствіи дѣйствительно и постигло, коренные русскіе князья и бояре не устояли противъ окатоличенія и ополяченія, устоялъ лишь простой русскій народъ въ своей лучшей части, слышать не хотѣвшій о единеніи со своими исконными врагами — папою и полякомъ.

Изъ Городлы въ октябрѣ 1413 г. Ягайло и Витовтъ отправились въ Литву и отгуда въ Жмудь, чтобы окончательно водворить въ сей послѣдней католичество, чего никакимъ образомъ не удавалось сдѣлать ни прусскимъ, ни ливонскимъ орденскимъ рыцарямъ. Двоюродные братья успѣли въ своемъ предпріятіи: оба они были прирожденные литовскіе князья, литовскій языкъ оба они знали, какъ нельзя лучше, и оба не имѣли ни малѣйшей нужды прибѣгать къ насилію противъ народа, считавшаго и признававшаго Витовта своимъ безспорнымъ главою. Дѣйствуя гдѣ убѣжденіемъ, гдѣ ласкою и дарами, Ягайло и Витовтъ достигли своей цѣли: жмудины принимали католичество. Ягайло самъ переводилъ молитвы и ноученія для народа и нерѣдко самъ толковалъ ему правила вѣры на его родномъ языкѣ. Разъѣзжая по краю, отъ деревни къ деревнѣ, Ягайло и Витовтъ въ важнѣйшихъ поселкахъ строили церкви и учреждали приходы. Они основали въ Мѣдникахъ (Ворняхъ) кафедральный соборъ во имя апостоловъ Петра и Павла, учредили въ Жмуди особое епископство и первымъ жмудскимъ

епископомъ назначили Матвѣя Вильнянина. Вмѣстѣ съ тѣмъ для управленія Жмудью назначили особаго старосту, Кезгаило. Совершивъ объѣздъ и крещеніе Жмуди, Ягаило и Витовтъ прибыли въ Вильну, гдѣ и праздновали Рождество Христово.

Жмудь съ этого только времени, съ 1413 г., дѣлается католическою страню. Впрочемъ, древнее язычество не сразу утратило свое значеніе и силу между новокрещенными; языческіе криве и вайделоты долго еще смущали новокрещенцевъ и не разъ поднимали ихъ на истребленіе католическихъ храмовъ и священниковъ. Жмудскимъ князьямъ (державцамъ) были дарованы права и преимущества польской шляхты, вслѣдствіе чего они и явились усердными сторонниками католичества и угнетателями простаго народа, который во время бунтовъ противъ католичества, истребляя церкви и священниковъ, жегъ и грабилъ дворы и имущества державцевъ. Витовту приходилось усмирять эти бунты оружіемъ и многими казнями.

Въ Ливоніи въ это время во главѣ орденской братіи сталъ новый магистръ. Конрадъ Фитингофскій умеръ въ 1413 г. и въ управленіе орденскими дѣлами вступилъ, избранный ливонскимъ магистромъ *Дитрихъ Торкз* (Тюркъ по Руссову). Въ концѣ 1413 г. онъ изъ Риги выѣхалъ въ Маріенбургъ для участія въ выборахъ новаго великаго магистра. Сюда прибылъ германскій провинціальный магистръ Конрадъ Эгофштейнъ и важнѣйшіе сановники и командоры всего Ордена. Въ первыхъ числахъ января 1414 г. открылся капитуль, на который, по предварительному совѣщанію намѣстника и магистровъ между собою, былъ призванъ и бывший великій магистръ Генрихъ Плауенъ. Онъ съ достоинствомъ и хладнокровіемъ выслушалъ взводимыя на него капитуломъ обвиненія, открыто оправдывался въ нихъ и за тѣмъ самъ сложилъ съ себя должность великаго магистра, съ которой былъ смѣщенъ. 9 января 1414 г. происходилъ выборъ, единогласно выпавшій на орденскаго маршала *Михаила Штернбергскаго*, по прозванію *Кихмейстера**). О своемъ выборѣ и вступленіи въ должность онъ не замедлилъ увѣдомить Ягаила и Витовта, испрашивая ихъ дружбы къ себѣ и Ордену, но онъ скоро убѣдился, что о дружбѣ

*) Михаилъ Кихмейстеръ Штернбергскій, франконецъ родомъ, былъ не новичекъ въ Пруссіи. Въ 1396 г. онъ исполнялъ должность попечителя въ Растенбургѣ, потомъ былъ товарищемъ балгскаго командора. При первомъ занятіи Жмуди онъ былъ назначенъ туда фохтомъ и исполнялъ эту должность въ теченіи четырехъ лѣтъ. По отпадении Жмуди, онъ удалился въ Неймаркъ, гдѣ былъ фохтомъ, по въ 1408 г. снова былъ назначенъ въ Жмуди фохтомъ и пробылъ здѣсь два года. Въ Грюнвальдскомъ сраженіи онъ не участвовалъ, но въ томъ же 1410 г. во время стычки съ поляками попался въ плѣнъ. По освобожденіи изъ плѣна, въ ноябрѣ 1410 г. онъ былъ назначенъ Генрихомъ Плауеномъ на должность орденскаго маршала, которую я исполнялъ до выбора въ великіе магистры. Человѣкъ не безъ способностей. но большой интриганъ, онъ враждовалъ съ Генрихомъ Плауеномъ и былъ главнымъ виновникомъ его низложенія.

и миръ между Орденемъ и Польшею и Литвою не можетъ быть и рѣчи. Великій магистръ узналъ, что Ягайло ни мало не удовольствовался низложеніемъ своего врага, Генриха Плауена, но обратился къ папѣ Іоанну XXIII и къ римскому королю, Сигизмунду, находившемуся въ это время въ Кремонѣ, съ новыми жалобами на Орденъ: во время перемирія орденская братія нападаетъ по дорогамъ на польскихъ купцовъ и грабитъ ихъ товары; польскихъ женщинъ грабитъ и умерщвляетъ, убиваетъ даже грудныхъ дѣтей, выбрасывая тѣла на съѣденіе звѣрямъ; изъ пограничныхъ мѣстечекъ польскихъ похищаетъ честныхъ женщинъ, увозитъ въ свои конвенты и тамъ безчеститъ ихъ. Орденъ захватилъ имѣнія Гнѣзненской и Куявской церквей въ Пруссіи, не уважаетъ ничьего спокойствія, во время перемирія производитъ набѣги и грабежи (см. Длугоша, кн. X 1, 349). Ягайло и Витовтъ просятъ короля и папу подвергнуть Орденъ наказанію. Король Сигизмундъ, вслѣдствіе этой жалобы, предложилъ обѣимъ сторонамъ снова явиться къ 10 апрѣля 1414 г. въ Буду, гдѣ онъ разберетъ всѣ жалобы и дастъ рѣшеніе имъ.

Ничего, однако, изъ этаго приглашенія не вышло: великій магистръ въ Буду не поѣхалъ, отговариваясь краткостію срока, и вмѣсто того тотчасъ послѣ Пасхи, когда истекъ срокъ перемирія, прислалъ къ Ягайлу въ Грибовъ (близъ Калиша) посольство, въ главѣ котораго находился архіепископъ рижскій, Іоаннъ Валенродъ, для переговоровъ о заключеніи мира. Ничего не вышло и изъ переговоровъ: обѣ стороны ни въ чемъ не могли согласиться между собою: поляки домогались чтобы Поморье, Холмина и окрестности Нешавы до рѣки Кодавы были присоединены къ Польшѣ, чтобы всѣ пострадавшіе отъ орденскихъ набѣговъ были вознаграждены; чтобы Жмудь предоставить Витовту и пр. Орденъ, конечно, не соглашался. Переговаривались дней девять и разошлись ничего не достигнувъ; перемиріе, однако, продлили до Иванова дня.

Ягайло и Витовтъ начали вооружаться, стягивать войско со всѣхъ подвластныхъ имъ земель, чтобы окончательно сокрушить Орденъ. Они объявили войну Ордену 18 іюля 1414 г. и съ большими силами вторглись въ Пруссію. Нѣтъ сомнѣнія, что соединенное польско-литовское войско, подкрѣпленное татарами, сокрушило бы орденскія силы, тѣмъ болѣе, что великій магистръ не располагалъ достаточнымъ количествомъ войскъ для отраженія нападенія. Положеніе его было весьма печальное: извнѣ помощи не было, многіе германскіе князья были недовольны низложеніемъ Генриха Плауена, въ самой средѣ орденской братіи, не было единодушія, потому что многіе братья стояли на сторонѣ низложеннаго Генриха и задумывали возвратить ему достоинство магистра. Орденъ становился на край гибели, и тѣмъ не менѣе не иогибъ. Онъ спасся тѣмъ, что Витовтъ вовсе не желалъ усиленія Польши, которое послѣдовало бы непременно, если бы орденскія вла-

дѣнія перешли къ Ягайлу. Интересамъ русско-литовскаго княженія не соотвѣтствовало чрезмѣрное увеличеніе Польши, Витовтъ довольствовался опустошеніемъ орденскихъ владѣній, но никакъ не хотѣлъ, чтобы они попали въ руки къ Ягайлѣ. Въ рѣшительную минуту, когда соединенное польско-литовское войско, овладѣло уже чуть-ли не всею Пруссією, когда оставалось нанести послѣдній ударъ, онъ удалился съ театра войны, оставилъ Ягайла одного, а тутъ заступился за Орденъ и король римскій Сигизмундъ. Онъ прислалъ Ягайлу предложеніе прекратить войну и весь споръ внести на разсмотрѣніе и рѣшеніе предстоящаго Констанцскаго собора, и такое же предложеніе прислалъ великому магистру. Вмѣстѣ съ тѣмъ прибылъ къ Ягайлу, осаждавшему Страсбургъ (Бродницу) и папскій легатъ епископъ Гвиллеръ Лозанскій, съ подобными же предложеніями. Начались переговоры и 7 октября 1414 г. воюющія стороны заключили между собою перемиріе на одинъ годъ времени съ условіемъ внести спорные пункты на рѣшеніе Констанцскаго собора, которому обѣ стороны и подчиняются.

Война тянулась три мѣсяца; орденскія владѣнія подверглись жестокому опустошенію, но тѣмъ дѣло и кончилось. Обѣ стороны остались при томъ, чѣмъ владѣли до войны; Ягайло выступилъ изъ Пруссіи и обѣ стороны начали готовиться къ отправкѣ своихъ депутатовъ на соборъ, открытіе котораго должно было послѣдовать въ Конставцѣ 1 ноября 1414 г.

Истроенія въ католической церкви къ началу XV ст. дошли до степени, сколько огорчавшей, столькоже и соблазнявшей вѣрующихъ католиковъ: церковь имѣла не одного, а трехъ папъ, непризнававшихъ другъ друга и враждовавшихъ между собою; прелаты и нисшее духовенство вели не христіанскій, распутный образъ жизни; нищенствующіе монашескіе ордена (доминиканцы, францисканцы) враждовали съ монахами регулированными и свѣтскимъ духовенствомъ; въ Чехіи раздавались уже громкія голоса протеста противъ злоупотребленій католичества. Папа Юаннь XXIII къ явному соблазну католиковъ велъ до того зазорную и безпутную жизнь, что король римскій Сигизмундъ однажды въ торжественномъ собраніи въ Лоди, когда въ облаченіи дьякона (то было право германскаго императора) стоялъ у пышнаго папскаго престола, вынужденъ былъ серьезно просить папу прекратить его отвратительный образъ жизни. Кто же былъ въ состояніи устранить непорядки, ввести необходимыя преобразованія въ церковной дисциплинѣ? Конечно, только соборъ, ибо одинъ только соборъ могъ стать выше папы.

Независимо нестроенія церковнаго, въ политическихъ отношеніяхъ католическихъ державъ явилась масса усложненій, требовавшихъ

улаженія, но кому было уладить ихъ, если не собору, предъ авторитетомъ и приговоромъ котораго долженъ преклониться самъ папа.

Давно уже въ католическомъ мірѣ высказывались требованія созванія собора, но теперь, когда появилось трое папъ, когда въ Чехіи раздалась проповѣди Іоанна Гуса, Іеронима, требовавшія церковной реформы, когда реформаторскія проповѣди, коснувшись самой сути католичества, начали находить себѣ многихъ приверженцевъ, медлить и откладывать соборъ было уже нельзя. Папа Іоаннъ XXIII и король римскій Сигизмундъ въ ноябрѣ 1413 г. объявили, наконецъ, созваніе собора въ Констанцѣ на 1 ноября 1414 г. Собору этому предстояло разрѣшить множество первостепенной важности вопросовъ, неудивительно поэтому, что въ Констанцѣ къ назначенному сроку съѣхалось множество духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, составившихъ многочисленное собраніе. Изъ разныхъ странъ прибыли 30 кардиналовъ, 4 патриарха, 33 архіепископа, 150 епископовъ, нѣсколько сотъ прелатовъ и докторовъ, 4 курфирста, 24 герцога и князя, 78 графовъ и 676 бароновъ и дворянъ. Прибыли также многочисленныя депутаціи отъ городовъ, корпорацій, различныхъ духовныхъ учрежденій и монастырей. Общее число иностранцевъ, прибывшихъ на соборъ, простиралось до 50 тысячъ человѣкъ.

Великій магистръ немедленно же по заключеніи перемирія съ Ягайломъ и Витовтомъ нарядилъ депутацію въ Констанцѣ. Во главѣ депутаціи былъ поставленъ архіепископъ Іоаннъ Валенродъ Рижскій; членами были: германскій провинціальныи магистръ Конрадъ Эглофштейнскій, орденскій трапиръ и христбургскій командоръ, орденскій прокураторъ Петръ Вормдигъ, соборный пробстъ эрмландскій и многіе совѣтники и уполномоченные. Этой депутаціи, лучше сказать, многочисленному посольству (въ свитѣ архіепископа было 180 всадниковъ) великій магистръ вручилъ письма къ королю Сигизмунду, такъ и германскимъ князьямъ съ изложеніемъ бѣдственнаго положенія Ордена и просьбою о помощи Ордену, какъ твердому оплоту христіанства.

Ягайло и Витовтъ также отправили въ Констанцѣ депутатовъ съ своей стороны. Та были: архіепископъ Николай Гнѣзненскій; Іоаннъ Куявскій, Іаковъ Плоцкій, Ласкарисъ Познанскій епископы; Янушъ изъ Тулискова, каштелянъ Калишскій, Завиша Черный изъ Грабова и другіе.

Папа Іоаннъ XXIII прибылъ въ Констанцѣ въ октябрѣ 1414 г. и 5 Ноября открылъ соборъ подъ своимъ предсѣдательствомъ. Сигизмундъ въ это время находился въ Ахенѣ, гдѣ 8-го ноября короновался германскою короною. Онъ прибылъ на соборъ только на Рождество 1414 г. Главнымъ и первымъ предметомъ совѣщаній были: возстановленіе единства церкви, преобразование ея во главѣ и членахъ и прекращеніе спора о защищаемомъ Іоанномъ Гусомъ ученіи Уиглсфа, потрясавшимъ въ Чехіи государство и церковь и грозившимъ потрясе-

ніями во всей Германіи. Прежде всего, конечно, слѣдовало бы рѣшить вопросъ, котораго изъ трехъ папъ (Бенедикта, Григорія или Іоанна) признать главою церкви и не должны ли всѣ трое сложить съ себя папское достоинство, но папѣ Іоанну XXIII удалось, при помощи нѣмецкихъ и англійскихъ богослововъ, провести рѣшеніе, чтобы соборъ прежде всего занялся обсужденіемъ спора чеховъ о чистотѣ вѣры ихъ національныхъ богослововъ, Іоанна Гуса и Іеронима. Процессомъ Гуса и началъ свои дѣйствія соборъ. Процессъ, какъ извѣстно, кончился тѣмъ, что и Гуса и его книги предали сожженію 6-го іюля 1415 года.

Констанцскій соборъ продолжался по 21 апрѣля 1418 г. Онъ имѣлъ 45 засѣданій и въ сущности далеко не оправдалъ ожиданій, возлагавшихся на него католиками. Правда, соборъ низложилъ трехъ папъ, возстановилъ единство папской власти избраніемъ 11 ноября 1417 г. папою кардинала Оттона Колонны, который и вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Мартина V, но для католической церкви въ этомъ было мало проку, потому что новый папа тотчасъ же возобновилъ всѣ злоупотребленія своихъ предшественниковъ, со взятками и поборами. Главной задачей собора была церковная реформа, но никакой реформы достигнуто не было: италіянцы не хотѣли никакой реформы, а съ прочими четырьмя народами (нѣмцы, французы, англичане, испанцы) Мартинъ V заключилъ весьма двусмысленные конкордаты, безъ всякаго ручательства, что условія будутъ исполнены. Предавъ казни Іоанна Гуса и Іеронима Пражскаго соборъ не только не успокоилъ волненія въ Чехіи, но вызвалъ такъ называемыя гуситскія войны, замѣчательныя своимъ ожесточеніемъ и свирѣпостію. Обманулись католики въ своихъ ожиданіяхъ церковныхъ реформъ, въ обузданіи наглыхъ злоупотребленій папъ, кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ и безконечнаго множества абатовъ, потому что соборъ никого не обуздалъ, но обманулись также и всѣ тѣ, которые думали, что соборъ въ состояніи будетъ уладить споры и политическія отношенія между государствами, выславшими на соборъ своихъ депутатовъ и пословъ

Архіепископъ Іоаннъ Валенродъ Рижскій, прибывъ съ прочими членами посольства отъ Тевтонскаго ордена въ Констанць къ сроку, назначенному для открытія собора, скоро убѣдился, что безъ денегъ и подкуповъ онъ ничего не добьется, тѣмъ болѣе, что соборъ съ самаго же своего открытія занялся процессомъ Іоанна Гуса, отклонивъ на время разсмотрѣніе прочихъ вопросовъ. Архіепископъ не замедлилъ донести великому магистру, что польскіе послы, задаривая пана Іоанна XXIII, короля римскаго Сигизмунда, кардиналовъ и князей, вездѣ снискали себѣ друзей и приверженцевъ, что ему, архіепископу, съ пустыми руками, нечего надѣяться достигнуть чего либо добраго. Великій магистръ отвѣчалъ (см. Фохта VII, 268), что у него нѣтъ

пи денегъ, ни подарковъ, потому Ордену остается лишь возложить упование на Бога.

Между тѣмъ, не смотря на заключенное перемиріе между Орденомъ и Польшею, враждебныя дѣйствія на границахъ не стихали. Такъ, сотни двѣ польскихъ вооруженныхъ людей вторглись изъ Мазовіи въ орденскія владѣнія, ограбили земли мили на четыре, увели плѣнныхъ. Чтобы положить конецъ такимъ вторженіямъ, ливонскій магистръ Дидрихъ Торкъ отправился въ Троки къ Витовту, гдѣ находился и Ягайло, и предложилъ устроить съѣздъ 15 іюля 1415 г. для переговоровъ. Согласіе на съѣздъ было дано, но Торкъ не дожидъ до съѣзда. Онъ умеръ въ первой половинѣ 1415 г.; должность ливонскаго магистра занялъ *Зифертъ Ландеръ Шпангеймскій*, человекъ, по современнымъ извѣстіямъ, своевольный, не уважавшій ни чести, ни нравственности. Онъ и поѣхалъ въ Троки на условенный съѣздъ, изъ котораго, впрочемъ, ровно ничего не вышло: великій магистръ заявилъ, что, въ ожиданіи рѣшенія спора Констанцскимъ соборомъ, онъ не согласенъ ни на какія уступки.

Срокъ перемирія, заключенному между Орденомъ и Польшею, истекалъ 7 октября 1415 г.; военныя дѣйствія, однако, не возобновились: Ягайло получилъ отъ своихъ пословъ изъ Констанца свѣдѣніе, что многіе знатные и сильные германскіе князья, между прочимъ и бургграфъ нюрнбергскій, Фридрихъ Гоэнцоллернъ, держатъ сторону Ордена и вслучаѣ войны окажутъ ему помощь.

Нсизлишне здѣсь привести нѣсколько подробностей объ этомъ бургграфѣ, такъ какъ онъ былъ основателемъ новой линіи курфирстовъ бранденбургскихъ, вполсѣдствіи сдѣлавшихся королями прусскими, а въ наши дни ставшихъ во главѣ Германской имперіи. По золотой буллѣ императора Карла IV, маркграфъ бранденбургскій значился въ числѣ семи князей-избирателей. По смерти въ 1410 г. анти-императора Рупрехта когда императорскаго престола начали домогаться Іодокъ, маркграфъ моравскій, и Сигизмундъ, король венгерскій, бранденбургская мархія принадлежала Сигизмунду, но была заложена Іодоку. Іодокъ умеръ въ 1411 г., а Сигизмундъ былъ окончательно избранъ въ римскіе короли. Бургграфъ нюрнбергскій, Фридрихъ Гоэнцоллернскій, оказалъ Сигизмунду при выборахъ большія услуги и заплатилъ за него долги на сумму до 100 тысячъ гульденовъ. Въ обезпеченіе этой суммы Сигизмундъ предоставилъ Фридриху бранденбургскую мархію въ видѣ залога, и въ томъ далъ ему грамоту отъ 8 іюля 1411 г., которая и была утверждена императоромъ Венцеславомъ. Сигизмундъ, однако, сохранилъ за собою званіе курфирста бранденбургскаго. Онъ вѣчно нуждался въ деньгахъ, и когда въ 1415 г. задумалъ съ Констанцскаго собора ѣхать въ южную Францію для переговоровъ съ королемъ аррагонскимъ и его папою, то хотѣлъ ѣхать не иначе, какъ въ сопровожденіи уполномоченныхъ отъ собора лицъ и съ цѣлымъ войскомъ рыцарей. Для такого путешествія требовалось много денегъ, и Сигизмундъ за деньгами обратился къ бургграфу Фридриху, у котораго уже была заложена бранденбургская мархія. Фридрихъ далъ въ займы 250 тысячъ червонцевъ, что съ прежнимъ долгомъ составило сумму въ 400 тысячъ, и за это получилъ отъ Сигизмунда 30 апрѣля 1415 г. грамоту, по которой бранденбургская мархія со званіемъ курфирста и архикамерарія имперіи предоста-

влялась Фридриху и его наследникамъ. Фридрихъ Гоэнцоллернскій такимъ образомъ явился княземъ-избирателемъ и, владѣя браунбургскою мархіею, сдѣлался на столько уже сильнымъ властителемъ, что могъ оказать существенную поддержку Ордену. Формальная передача мархіи Фридриху послѣдовала 18 апрѣля 1417 г.; съ этихъ поръ потомство Фридриха владѣеть Браунбургомъ по настоящее время.

Узнавъ, что Орденъ, вслучаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, не останется безъ союзниковъ и помощи, Ягайло не хотѣлъ рисковать, послалъ въ Констанць на соборъ двухъ новыхъ пословъ съ завѣреніями, что ирбудетъ послушнымъ соборнымъ постановленіямъ, а затѣмъ согласился продолжить перемиріе съ 8 сентября 1416 г. до 12 юля 1417 г.

Между тѣмъ ливонскій магистръ, Зифертъ Ландеръ Шпангеймскій, не переставалъ хлопотать о заключеніи прочнаго мира между Орденомъ и Витовтомъ, ѣздилъ въ Троки къ Витовту, писалъ великому магистру, совѣтуя отказаться отъ всякихъ претензій на Жмудь (см. Наперскаго Index corp. hist. dipl. I, № 729) и покончить споры обоюдными уступками, не ожидая рѣшеній Констанцскаго собора. Витовтъ былъ не прочь помириться съ Орденомъ: „добромъ и дружбою вы у меня больше выиграете, чѣмъ силою и угрозами“, сказалъ онъ однажды Ландеру и согласился на съѣздъ съ великимъ магистромъ. Благодаря хлопотамъ и посредничеству Ландера, согласился па съѣздъ Ягайло и великій магистръ. Положили быть съѣзду чрезъ двѣ педѣли послѣ Михайлова дня на Нѣманѣ, на островѣ подъ Велоной (Велюнь). Сюда въ началѣ октября 1416 г. прибыли великій магистръ со своими сановниками, ливонскій магистръ съ архіепископомъ Рижскимъ, пріѣхавшимъ въ Ригу изъ Констанца, и епископомъ дерптскимъ Дитрихомъ III Резлеромъ. Прибыли Ягайло и Витовтъ въ сопровожденіи своихъ воеводъ и знатныхъ бояръ. Переговоры начались съ 15-го октября чрезъ уполномоченныхъ съ обѣихъ сторонъ — и не повели ровно ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ обѣ стороны съ самаго начала предъявили невозможныя условія. Орденскіе уполномоченные требовали, чтобы за Орденомъ оставались всѣ земли и владѣнія, какія только были добыты его оружіемъ или подарены государями въ прежнія времена; уполномоченные Литвы и Польши потребовали уплаты суммы, кака была назначаема иредъ заключеніемъ иеремирія и уступки половины Судавіи до мазовецкой границы, Жмуди, Дризена и пр. Съѣздъ разѣхался, ровно ничего не достигнувъ и ничего не порѣшивъ, но иначе и не могло быть: обѣ стороны ждали, въ какомъ смыслѣ выскажется по ихъ спорамъ Констанцскій соборъ, рѣшеніямъ котораго онѣ согласились подчиниться.

Ягайло и Витовтъ, послѣ съѣзда подъ Велоной, отправились въ Жмудь, довершили здѣсь крещеніе язычниковъ, которыхъ оказалось еще тысячъ до 30, и изъ Жмуди отправили въ Констанць пословъ

отъ жмудинъ. Жмудскіе послы просили соборъ воспретить Ордену дѣлать нападенія на Жмудь подъ видомъ крещенія язычниковъ, обѣщали быть вѣрными католичеству, просили, чтобы для Жмуди былъ назначенъ особый епископъ и построенъ кафедральный соборъ. Соборъ не имѣлъ ни причинъ, ни поводовъ отказывать жмудинамъ въ ихъ просьбахъ и поручилъ архіепископу львовскому и епископу виленскому устроить въ Жмуди церковную іерархію, построить кафедральный соборъ и посвятить епископа для этой страны.

Жмудское епископство воспріяло свое начало въ 1417 г. Соборъ подчинилъ новое епископство власти апостольской столицы и императора, а за тѣмъ въ томъ же 1417 г. былъ построенъ въ Мѣдникахъ кафедральный жмудскій соборъ и освященъ во имя святыхъ Александра, Евгенія и Оеодора. Всѣ распоряженія по открытію и устройству Жмудскаго епископства впослѣдствіи были утверждены папою Мартиномъ V буллою отъ 11-го сентября 1421 г. (см. Наперскаго Index corp hist. dipl. I, 1000).

Срокъ перемирія истекалъ, а соборъ никакого рѣшенія по улаженію отношеній между Орденомъ и Польшею съ Литвою не давалъ, даже ни разу не выслушалъ пословъ обѣихъ сторонъ. Но пришлось наконецъ и выслушать, чтобы не довести до войны противниковъ. Такое формальное выслушаніе спорнаго дѣла послѣдовало лишь 12-го іюля 1417 г. въ тотъ самый день, когда кончился срокъ перемирія. Король римскій Сигизмундъ лично присутствовалъ въ собраніи кардиналовъ и прелатовъ и прежде всего предложилъ посламъ обѣихъ сторонъ вопросъ: признають-ли они имперію своимъ главою? Польскіе послы отвѣчали, что польскій король и былъ и есть вольный, ни отъ кого независимый король. Тогда Сигизмундъ сказалъ орденскимъ посламъ: на Орденъ многіе жалуются, что онъ не признаетъ никакого права; зовутъ орденцевъ къ императору, они отвѣчаютъ, что принадлежатъ церкви и папѣ; обвиняетъ пана, они говорятъ, что принадлежатъ имперіи. Такъ отвѣчайте прямо и открыто: подчинитесь-ли вы суду церкви, собора и имперіи. Отвѣтъ былъ утвердительный. Тогда Сигизмундъ заявилъ, что, какъ только состоится выборъ новаго папы, состоится и рѣшеніе спора.

Выборъ паны, какъ уже было сказано, состоялся 11 ноября 1417 г. Новый папа Мартинъ V оказался доброжелателемъ и Ордена и архіепископа Рижскаго, подвигнутый къ тому „почетными подарками“, какъ писали въ тѣ времена. Какъ ни скудны были орденскія средства, но Орденъ поднесъ папѣ подарковъ на 1000 червонцевъ. Подарки подѣйствовали и при посредствѣ Мартина V и Сигизмунда перемиріе между Орденомъ съ одной и Польшею и Литвою съ другой стороны было продолжено снова на годъ, по 12 іюля 1419 г., съ условіемъ, что спорныя земли будутъ сданы королю Сигизмунду впредь до рѣшенія вопроса о нихъ.

Перемиріе это оказалось нужнымъ Витовту. Онъ былъ не мало встревоженъ бѣгствомъ Свидригайла и бунтомъ въ Жмуди.

Было уже рассказано, что Свидригайло Ольгердовичъ за сношенія съ Орденомъ былъ посаженъ подъ стражу въ Кременецкій замокъ на Вольты (см. томъ II, 453). Здѣсь его содержали не слишкомъ строго и комендантъ замка, Конрадъ Франкенбергъ, не препятствовалъ навѣщать узника разнымъ гостямъ. Сторонникъ Свидригайла, Даніилъ (Дашко), сынъ князя острожскаго Оедора, и одинъ изъ пинскихъ князей, Александръ Носъ, въ ночь на свѣтлое Воскресенье 1418 г. подѣхали къ воротамъ замка. Соумышленники Дашка отворили ворота, и оба князя ворвались со своими дружини ми въ замокъ, убили Франкенберга и освободили Свидригайла. Побѣгъ этотъ, впрочемъ, важныхъ послѣдствій не имѣлъ: Свидригайло ушелъ въ Молдавію, оттуда пробрался въ Венгрію къ королю Сигизмунду, который и помирилъ бѣглеца, какъ съ Ягайломъ, такъ и съ Витовтомъ. Свидригайлѣ дали въ удѣлъ Брянскъ и Новгородъ-Сѣверскъ, гдѣ онъ и оставался спокойно до кончины Витовта.

Несравненно опаснѣе были бунты въ Жмуди. Недовольные новыми порядками и подстрекаемые жрецами, новокрещенные жмудины собрались массами, перебили священниковъ, повыгнали церкви, начали грабить и разорять дворы и имущества знатныхъ жмудинъ, сторонниковъ соединенія съ Польшею. Витовтъ началъ усмирять бунтъ сплюю. Повстанцы, отступая предъ войскомъ Витовта, разорили нѣкоторыя земли Мемельскаго командора, ограбили и выгнали Либаву, но уже, конечно, не могли держаться противъ Витовта, который осилилъ наконецъ бунтъ, переказнилъ повстанцевъ и возстановилъ спокойствіе въ Жмуди.

Устроивъ перемиріе, папа предложилъ враждующимъ сторонамъ съѣхаться для заключенія мира. Съѣздъ состоялся на томъ же мѣстѣ подъ Велоной, гдѣ происходилъ въ прошломъ году. Сюда прибыли Ягайло со своимъ дворомъ и сенаторами, Витовтъ съ боярами и великій магистръ въ сопровожденіи своихъ сановниковъ. На съѣздъ прибыли, по приглашенію великаго магистра, архіепископы Кельнскій и Рижскій, епископъ Дерптскій, провинціальныя магистры Ливонскій и Германскій и представители ганзейскихъ городовъ. Первоначально были сданы, согласно условій перемирія, королю римскому Сигизмунду спорныя волости, за тѣмъ уполномоченные обѣихъ сторонъ начали съ 15 октября договариваться о заключеніи мира. Переговоры снова не привели ни къ какимъ результатамъ: обѣ стороны разошлись, ничего не порѣшивъ и ничего не достигнувъ.

Въ слѣдующемъ 1419 г. папа ирислалъ своихъ легатовъ, епископовъ Іакова Сполетскаго и Фердинанда Лукскаго, посредниками для заключенія мира между Орденомъ и Польшею. Уполномоченные съѣхались въ Гнѣвковѣ Куявскомъ, но скоро разѣхались, ничего не достигнувъ. Очевидно, что только оружіе могло рѣшить споръ, тѣмъ не менѣе обѣ стороны, по предложенію короля Сигизмунда, заключили перемиріе еще на одинъ годъ, до 13 іюля 1420 г. Сигизмундъ обѣщаль лично пріѣхать въ началъ 1420 г. на мѣсто и порѣшить споръ. Онъ дѣйствительно ирѣхаль 6 января 1420 г. въ Бреславъ (Вроцлавъ), гдѣ уже ждали его уполномоченные обѣихъ сторонъ и папскіе

легаты. Зѣсь вскорѣ послѣ прибытія Сигизмундъ объявилъ свое рѣшеніе (см. Фохта VII, 366): Всѣ дороги должны быть свободны для подданныхъ обѣихъ сторонъ, въ особенности для купцовъ; Торнскій миръ долженъ быть сохраненъ во всѣхъ его пунктахъ; Жмудъ остается въ пожизненномъ владѣніи Ягайла и Витовта. Давая такое рѣшеніе, Сигизмундъ опредѣлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что должно оставаться за Орденомъ и что должно отойти къ Ягайлѣ и Витовту. Все это до такой степени явно клонилось въ пользу Ордена, что Ягайло и Витовтъ отказались признать приговоръ Сигизмунда. Начались опять нескончаемые переговоры и переписка, но уже съ Сигизмундомъ, а между тѣмъ срокъ перемирія кончился. Ягайло не замедлилъ открыть военныя дѣйствія, Витовтъ, однако, не трогался, и война не приняла обширныхъ размѣровъ. Подъ Велоной въ третій разъ состоялся съѣздъ. Перемиріе было продолжено еще на годъ времени и военныя дѣйствія опять стихли.

1421 г. прошелъ безъ войны. Ни Ягайло, ни Витовтъ не принимали ничего противъ Ордена; все же вниманіе Сигизмунда и германскихъ князей было въ это время обращено на Чехію, гдѣ гуситскія войны, начавшіяся съ 1419 г. не мало не стихали, угрожая охватить всю Германію. Гдѣ ужъ тутъ и кому въ Германіи было заниматься улаженіемъ отношеній между Орденомъ и Польшею съ Литвою? Папа Мартинъ V, однако, въ началѣ 1422 г. сдѣлалъ попытку къ тому: послалъ въ Глогау доктора правъ Антонія Зенона Медиоланскаго въ качествѣ папскаго нунція, дабы онъ тутъ ознакомился съ положеніемъ дѣлъ и отношеніями Ордена къ Польшѣ, а за тѣмъ отправился въ Литву или Жмудъ, чтобы тамъ на мѣстѣ разузнать сущность споровъ между Витовтомъ и Орденомъ. Сигизмундъ провѣдалъ о назначеніи Зенона и, нежелая папскаго вмѣшательства, писалъ великому магистру, чтобы онъ, безъ вѣдома и согласія его, Сигизмунда, не заключалъ мира съ Ягайломъ и Витовтомъ, не ѣздилъ бы и на съѣздъ къ нимъ. Послѣ этого какой же могъ быть успѣхъ папскаго посредничества?

Среди запутавшихся до крайности отношеній Ордена къ Польшѣ и Литвѣ, великій магистръ Михаилъ Книхмейстеръ Штернбергскій, за болѣзнію и преклонностію лѣтъ, сложилъ съ себя должность, желая провести послѣдніе свои дни въ удаленіи отъ дѣлъ*). Созванный провинціальными магистрами, ливонскимъ и германскимъ, орденскій капитуль въ Мариенбургѣ избралъ 10 марта 1422 г. на должность великаго магистра орденскаго трапира *Паула Русдорфа*. По отзывамъ со-

*) Штернберга назначили командоромъ въ Гданскъ, гдѣ онъ и умеръ 20 января 1424 г. Преслѣдуемый имъ, бывшій великій магистръ, Генрихъ Плауэнъ, былъ освобожденъ изъ заточенія въ Бранденбургъ. Его водворили на жительство въ Дехштатъ, гдѣ онъ и умеръ въ концѣ декабря 1429 г.

временниковъ это былъ благочестивый, острого ума человекъ, но онъ вступилъ въ управленіе дѣлами, когда уже никакія силы не могли удержать отъ распадѣнія Орденъ, самое существованіе котораго въ Пруссіи сдѣлалось уже совершенно безцѣльнымъ.

Между тѣмъ папскій нунцій, Антоній Зенонъ, прибылъ въ Глогау. Онъ предложилъ великому магистру, Ягайлу и Витовту прибыть на съѣздъ въ Раценжѣ. Съѣздъ хотя и состоялся, но кончился безъ всякихъ результатовъ. Тогда Ягайло и Витовтъ, видя, что переговорами ничего не достигнешь, въ послѣднихъ числахъ іюля 1422 г. со сто тысячнымъ войскомъ вторглись въ прусскія орденскія владѣнія и подвергли ихъ жестокому опустошенію. Тутъ только великій магистръ, не получая ни откуда помощи, не надѣясь уже на посредничество Сигизмунда, запросилъ мира и отправилъ пословъ съ мирными предложеніями къ Ягайлѣ, стоявшему въ это время лагеремъ у озера Мельно, близъ Радзына и Рагозна. Ягайло согласился помириться и послѣ многихъ переговоровъ между уполномоченными орденскими и польско-литовскими миръ состоялся 17 сентября 1422 г. на слѣдующихъ условіяхъ (см. Фохта VII, 447): всѣ споры прекращаются и вновь возбуждаемы быть не должны; всѣ имѣнія польскаго духовенства въ орденскихъ земляхъ остаются при ихъ прежнихъ правахъ, обычаяхъ, принадлежностяхъ и доходахъ. Орденъ уступаетъ Польшѣ Нессаускую (Нешавскую) землю съ волостями Орловымъ, Мориномъ, Нейендорфомъ и замкомъ Нессау, который долженъ быть разрушенъ къ Иванову дню слѣдующаго года, уступаетъ также половину Вислы съ островами и таможенными доходами, начиная отъ устья рѣки Древенць до старой поморской границы и Быдгоща, съ половиною пошлинъ на переправѣ чрезъ Вислу у Торна. Границы между Польшею, Поморьемъ и Неймаркомъ должны быть опредѣлены такимъ образомъ, чтобы Польша и Мазовецкое княжество остались при старыхъ границахъ, документально признаваемыхъ Орденомъ. Жмудь и Судавія въ опредѣленныхъ съ точностію границахъ уступаются Ягайлѣ и Витовту. Торговля между Польшею, Пруссіею, Моравіею и Литвою должна быть свободною. Всѣ бѣглецы должны быть выданы съ обѣихъ сторонъ; бѣглецы преступники не будутъ покровительствуемы, а наказываемы. Всѣ документы на владѣніе Нессаускою землею, а также документы Торнскаго мира, декреты Сигизмунда, состоявшіеся въ Будѣ и Бреславѣ, документы, коими король польскій отрекался отъ Жмуди, Судавіи и Ливоніи, должны быть переданы Ягайлѣ. Всѣ орденскія привиллегіи, противорѣчащія этому договору, признаются уничтоженными. Поморье, Холмская и Михелауская земли остаются за Орденомъ. Приговоры папскаго третейскаго судьи и Поморья будутъ выданы великому магистру для уничтоженія. Всѣ измѣнники Ордена будутъ изгнаны изъ Польши и впредь нигдѣ въ королевскихъ земляхъ терпимы быть не должны. Договаривающіяся стороны не будутъ требовать другъ отъ

друга какихъ либо вознагражденій за военныя издержки. Въ заключеніи договора было сказано: что, буде, которая сторона объявить войну другой, то подданные стороны, нарушающей миръ, не должны оказывать ей послушанія или давать помощь, и сторона эта обязуется обезпечить своимъ подданнымъ письменно поводы къ сопротивленію и непослушанію. Всѣ будущіе короли польскіе, великіе князья литовскіе и великіе магистры орденскіе должны принять на себя обязанность сохранять этотъ договоръ свято и нерушимо. Договоръ долженъ быть скрѣпленъ печатами.

Такова была сущность мирнаго договора, заключеннаго у озера Мельно. Условія этого договора были довольно невыгодны для Ордена, противъ нихъ возставали и въ самой Пруссіи, и при дворѣ Сигизмунда, но въ сущности, что было дѣлать Русдорфу противъ преобладающихъ силъ Ягайла и Витовта? Продолжать войну безъ союзниковъ и средствъ было невозможно, а именно союзниковъ и прямой помощи ни откуда не являлось. Русдорфъ, однако, пытался, нельзя-ли будетъ добиться какихъ либо отмінъ въ договорѣ, медля ратификаціею (т. е. привѣщеніемъ большой орденской печати къ договору), входилъ въ сношенія съ Сигизмундомъ, но ничего не помогало. Когда Витовтъ изъ Вильны потребовалъ яснаго и положительнаго отвѣта, желаетъ-ли, или не желаетъ Орденъ соблюдать договоръ, заключенный у озера Мельно, то Русдорфу ничего не оставалось дѣлать, какъ покориться обстоятельствамъ. Онъ просилъ Витовта назначить сѣздъ для ратификаціи договора. Сѣздъ состоялся въ началѣ мая 1423 г. на старомъ мѣстѣ подъ Велоней. Это былъ уже четвертый по порядку сѣздъ. Орденскіе уполномоченные старались всячески отмінить нѣкоторыя условія, включить новыя, но все было напрасно: Витовтъ твердо стоялъ на неприкосновенности условій договора и великому магистру ничего не оставалось, какъ ратифицировать договоръ и исполнять его условія.

Съ этихъ только поръ стихли военныя дѣйствія между Орденомъ, Польшею и Литвою. Миръ у озера Мельно прекратилъ пограничныя споры и набѣги и далъ наконецъ возможность пограничнымъ литовскимъ и прусскимъ жителямъ хоть нѣсколько успокоиться отъ войнъ и сопряженныхъ съ ними бѣдствій.

Витовтъ къ этому времени явился едва-ли не могущественнѣйшимъ изъ всѣхъ современныхъ ему европейскихъ государей. Его владѣнія раскинулись на всемъ пространствѣ Западной Россіи отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ Занаднаго Буга до Оки. Здѣсь онъ былъ почти самодержавнымъ властителемъ, но его вліяніе простиралось и далѣе на Русь Сѣверную и Восточную. Татары крымскіе и черноморскіе оказывали почтеніе и страхъ предъ его именемъ, въ чемъ убѣдился посланецъ англійскаго короля Генриха V, Ланнуа, посѣтив-

шій въ 1421 г. Витовтовы владѣнія. Онъ нашель Витовта въ Кременцѣ, окруженнымъ многочисленною свитою, въ которой находились русскіе князья и княгини, русскіе и литовскіе бояре и татарскіе вельможи, а также нсковскіе и новгородскіе послы. И этотъ столь честолюбивый человѣкъ все-таки долженъ былъ считать себя никѣмъ инымъ, какъ вассаломъ Польши, прицѣпившейся, какъ мы видѣли, къ русско-литовскому княженію, благодаря Ягайлѣ. Витовтъ на дѣлѣ и фактически былъ самостоятельнымъ русско-литовскимъ государемъ, онъ и слышать не хотѣлъ о какихъ бы то ни было данническихъ отношеніяхъ къ Польшѣ, но юридически на основаніи договоровъ, Городельскаго на примѣръ, онъ все-таки не могъ отрицать своихъ вассальныхъ отношеній къ Польшѣ и не могъ не сознаваться, что въ силу договоровъ онъ, самостоятельный государь громаднаго русско-литовскаго княженія, есть лишь намѣстникъ польскаго короля. Союзъ съ Ягайломъ былъ выгоденъ Витовту, онъ и не норовялъ союза, но тяготился имъ и давно уже помышлялъ отдѣлиться отъ Польни (см. выше стр. 37). Да и какого добра онъ могъ ожидать для русско-литовскаго княжества отъ уніи съ Польшею? Благодаря позатливости и слабости Ягайла, въ Польшѣ явно утверждалось правленіе магнатовъ, а польскіе магнаты глядѣли на Литву и Западную Русь, какъ на свои прибрѣтенія, на свою добычу, слѣд. русско-литовское княжество при уніи съ Польшею въ будущемъ должно было занять положеніе не только второстепенное, но и подчиненное. Витовтъ, однако, не норовялъ союза съ Ягайломъ, въ борьбѣ съ Орденомъ онъ дѣйствовалъ съ нимъ за одно, но дѣйствовалъ лишь на столько, на сколько требовали интересы и выгоды русско-литовскаго княженія. Витовтъ въ союзѣ съ Ягайломъ могъ бы добить Орденъ, но именно этого онъ и не хотѣлъ: добить Орденъ это значило бы усилить Польшу, а усиленіе Польши и ея магнатовъ было невыгодно для русско-литовскаго княженія. Вотъ причина, гдѣ слѣдуетъ искать объясненія, почему Орденъ уцѣлѣлъ послѣ Грюнвальдскаго побоища: Витовтъ не хотѣлъ его наденія, не хотѣлъ усиленія Польши и, когда добился отреченія Ордена отъ Жмуди, то уже не только не дѣйствовалъ во вредъ Ордену, напротивъ послѣ четвертаго съѣзда подъ Велоной въ 1423 г. явился большимъ другомъ Ордена, принималъ дружественно пословъ великаго магистра, посылалъ щедрые подарки въ Маріенбургъ къ великому магистру, обѣщая при первомъ же свиданіи съ Ягайломъ уладить все, что подлежало улаженію по договору, заключенному при озерѣ Мельно (см. Фохта VII, стр. 465).

Орденъ всегда стремился порвать союзъ между Витовтомъ и Ягайломъ, порвать унію Литвы съ Польшею, но усилія его въ томъ оказывались тщетными. По смерти 16 августа 1419 г. Венцеслава, императора германскаго и короля чешскаго, обстоятельства сложились такимъ образомъ, что и Сигизмундъ, король римскій и венгерскій,

• началъ поддерживать Витовта въ его стремленіяхъ къ полному отдѣленію отъ Польши. Дѣло въ томъ, что гусситы предложили чешскую корону Витовту. Витовтъ отклонилъ предложеніе, но на помощь гусситамъ послалъ одного изъ внуковъ Ольгерда, Сигизмунда Корибутовича, сына Дмитрія Корибута, со значительнымъ отрядомъ войска. Молодой Сигизмундъ Корибутовичъ съ русско-литовскимъ войскомъ прибылъ въ Моравію и въ 1422 г. овладѣлъ Прагою. Сигизмунду, какъ королю чешскому, было чрезвычайно важно отвлечь Витовта отъ поддержки гусситовъ и удалить изъ Чехіи Корибутовича. Онъ началъ поощрять стремленія Витовта къ полной самостоятельности и, какъ на средство къ тому, указалъ на ирѣобрѣтеніе королевскаго достоинства и вѣнца. Витовту въ это время было уже болѣе 80 лѣтъ отъ роду; онъ не оставлялъ послѣ себя мужскаго потомства, оба его сына отъ перваго брака были отравлены рыцарями въ Пруссіи еще въ 1392 г. (см. томъ II, 427), а поздній его бракъ съ третьею женою, княжною Ольшанскою, Юліаною, былъ бездѣтенъ, тѣмъ не менѣе онъ рѣшился добиваться королевскаго вѣнца, но, однакоже, до поры до времени не обнаруживалъ свои намѣренія. Между тѣмъ Ягайло, овдовѣвши въ третій разъ, по совѣту Витовта, вступилъ въ четвертый бракъ съ русскою княжною Софіею Ольшанскою, юною племянницею Юліаны Ольшанской. Бракъ состоялся въ 1422 г., при чемъ Софья отрелась отъ православія и сдѣлалась католичкою. Коронаваніе молодой королевы Софіи происходило въ Краковѣ 12 февраля 1424 г. На коронаціонныя празднества прибылъ въ Краковъ императоръ Сигизмундъ съ своею супругою Варварою, король датскій Эрихъ, князь Сигизмундъ Корибутовичъ, легатъ папскій кардиналъ Бранди и много др. знатныхъ особъ. Витовтъ, однако, на коронацію не поѣхалъ, а отправилъ въ Краковъ лишь своихъ пословъ. Послѣ празднествъ, императоръ совѣщался съ Ягайломъ и Эрихомъ о текущихъ дѣлахъ, при чемъ постановили, не оказывать никакой помощи гусситамъ, не помогать Корибутовичу. 17 февраля 1425 г. у 76-лѣтняго Ягайлы родился сынъ, нарѣченный Владиславомъ. Шляхта и духовенство, созванные Ягайломъ осенью того-же 1425 г. на сеймъ въ Брестъ-Литовскомъ, признали новорожденнаго Владислава наслѣдникомъ Ягайловой короны, и за то шляхтичи получили новыя права и преимущества, подтвержденные на Лэнчицкомъ сеймѣ въ слѣдующемъ 1426 году. Податливый Ягайло соглашался на все, не подозрѣвая, конечно, къ чему приведетъ Польшу чрезмѣрное увеличеніе правъ шляхты.

Престарѣлый Витовтъ не иротиворѣчилъ объявленію Владислава наслѣдникомъ Ягайловой короны, но отнюдь не покидалъ мысли о королевскомъ вѣнцѣ для самаго себя и порваніи уніи съ Польшею. Осуществить эту мысль нельзя было безъ участія императора и папы, по обстоятельствамъ долго складывались неудобно для того, чтобы устроить общій съѣздъ подъ благовидными предлогами. Въ 1426 г.

Витовту пришлось воевать съ псковичами, въ 1428 г. съ новгородцами, и только послѣ замиренія явилась возможность начать дѣло о королевской коронѣ. Ягайло зналъ замыслы Витовта ни мало не противорѣчилъ имъ, но и не соглашался безъ согласія польскихъ пановъ на ихъ осуществленіе. Большой съѣздъ Витовтъ назначилъ на 6 января 1429 г. въ своемъ любимомъ мѣстопребываніи, волюпскомъ городѣ Луцкѣ. Были разсланы заблаговременно многочисленныя приглашенія на съѣздъ, императору Сигизмунду прежде всего. Прелогомъ къ съѣзду были обсужденіе молдавскихъ дѣлъ, дѣлъ чешскихъ, т. е. гусситскихъ войнъ, предположеніе объ общей войнѣ съ турками, наконецъ вопросъ о соединеніи церквей.

Къ назначенному сроку въ Луцкѣ начали прибывать участники съѣзда. Прибылъ Ягайло съ блестящею свитою своихъ вельможъ и со многими духовными особами, во главѣ которыхъ находились архіепископъ гнѣзненскій и епископъ краковскій, Збигнѣвъ Олесницкій, главный руководитель королевской канцелярїи и пановъ радныхъ. Прибылъ внукъ Витовта, великій князь московскій Василій Васильевичъ съ митрополитомъ Фотіемъ и многими русскими князьями, сѣверскими, рязанскими и др.; прибыли также король датскій Эрихъ XIII, великій магистръ Павелъ Русдорфъ съ орденскими сановниками; прибыли ханъ Перекопской орды, молдавскій господарь, папскій легатъ Андрей доминиканецъ, визаптійскіе послы. Общее число гостей и ихъ свиты простиралось до 15000 человекъ. Размѣститься имъ всемъ въ Луцкѣ не было никакой возможности, они размѣстились по окрестнымъ селамъ и деревнямъ. Образовался съѣздъ небывалый еще по своей многочисленности. На продовольствіе съѣхавшагося народа, по свидѣтельству лѣтописцевъ (Быховець, Даниловичъ, Длугошъ, Стрыйковскій), еженедѣльно выходило 700 бочекъ сычанаго меду, кромѣ винъ мускатнаго, мальвазійскаго и др. напитковъ, 700 яловиць, 700 барановъ и вепрей, по 60 зубровъ, по 100 лосей, кромѣ разныхъ другихъ мясъ и всякой дичи. Все это шло отъ Витовта, и изъ этого одного уже можно видѣть, на сколько былъ богатъ русско-литовскій князь и сколько ему стоилъ съѣздъ.

Императоръ Сигизмундъ, по своей привычкѣ опаздывать, опоздалъ на съѣздъ и вмѣсто 6 прибылъ въ Луцкѣ 22 января (см. Фохта VII, 523) со своею супругою Варварою и съ многочисленною свитою вельможъ угорскихъ, чешскихъ и нѣмецкихъ. Само собою разумѣется, что для встрѣчи императора Ягайло и Витовтъ не щадили пышности и торжественности. Ягайло и Витовтъ со свитами, мѣстные епископы православный, католическій и армянскій съ духовенствомъ и хоругвями, а также еврейскій раввинъ вышли на встрѣчу Сигизмунду. Онъ поклонился святынѣ, которую держалъ латинскій епископъ, за тѣмъ при звонѣ колоколовъ, при звукѣ трубъ и литавръ въѣхалъ въ Луцкѣ. Недѣли съ двѣ продолжались увеселенія и пиршества, до

которыхъ Сигизмундъ былъ большой охотникъ, наконецъ приступили и къ дѣловымъ занятіямъ.

Сигизмундъ предложилъ во первыхъ лишить Молдавію самостоятельности и раздѣлить ее между Польшею и Венгріею подъ предлогомъ, что молдавскій воевода не оказалъ помощи въ войнѣ съ турками. Такому предложенію воспротивились польскіе магнаты на томъ основаніи, что молдавскій воевода призналъ себя вассаломъ Польши. За тѣмъ зашла рѣчь о гусситахъ. Сигизмундъ требовалъ, чтобы гусситы не были поддерживаемы ни изъ Польши, ни изъ Литвы. Ему отвѣчали, что ни Польша, ни Литва помощи гусситамъ никакой не оказываютъ, а если частныя лица со своими людьми и являются къ гусситамъ, то противъ такихъ выходовъ принимаются по возможности мѣры. О войнѣ съ турками польскіе дипломаты отвѣчали, что желаютъ успѣха христіанскому оружію, но не желаютъ навлечь на Польшу всѣ турецкія силы. Возникла рѣчь и о соединеніи церквей, но ничего изъ этихъ рѣчей не вышло. Тогда по почину Сигизмунда начались переговоры по самому главному предмету сѣзда, о королевскомъ вѣнцѣ для Витовта. Ягайло не противорѣчилъ, соглашался на предоставленіе брату королевскаго титула, но заявилъ, что ничего не предприметь безъ согласія пановъ радныхъ. Вопросъ о титулѣ вслѣдствіе этого и былъ внесенъ на обсужденіе польскихъ пановъ радныхъ. Архіепископъ Альбертъ Ястржембецъ гнѣзненскій говорилъ долго, осыпалъ похвалами и Ягайла и Витовта, но прямо и открыто своего мнѣнія не высказалъ. Не такъ поступилъ епископъ краковскій Збигнѣвъ Олесницкій, тотъ самый, который въ Грюнвальдскомъ бою, находясь въ свитѣ Ягайла, спасъ ему жизнь, умертвивъ нѣмецкаго рыцаря, бросившагося было на Ягайла. Въ одушевленной рѣчи онъ возсталъ противъ проекта коронованія Витовта, какъ явно нарушающаго пре шествовавшіе договоры объ уніи Литвы съ Польшею. Ягайло, говорилъ Олесницкій, принялъ королевскій титулъ и вступилъ въ бракъ съ Ядвигаю съ условіемъ, что Литва и Русь соединятся съ Польшею. И Ягайло, и Витовтъ подтвердили это условіе на городельскомъ въ 1413 г. сеймѣ съ согласія и совѣта того самаго Сигизмунда, который нынѣ желаетъ разъединить Литву съ Польшою и тѣмъ ослабить ихъ. Съ какой же стати и для чего теперь разъединяться?

Олесницкій былъ, конечно, правъ: всѣ предшествовавшіе договоры и обѣщанія подтверждали его слова. Онъ возсталъ противъ предоставленія Витовту королевскаго титула, какъ нарушающаго унію Литвы съ Польшею. Мнѣніе Олесницкаго поддержалъ Янъ Тарновскій, а за тѣмъ и прочіе паны радные рѣшительно высказались противъ коронованія Витовта. Но иначе и быть не могло: коронованіе Витовта уничтожило бы всякую унію и превратило бы Польшу въ сущее ничтожество. Безъ русско-литовскаго княжества Польша сдѣлалась бы легкою добычей сосѣдей. Витовтъ выслушалъ мнѣнія пановъ

радныхъ, но сказалъ своимъ приближеннымъ: „Что я разъ задумалъ и на что рѣшился, то и исполню“.

Паны радные знали Витовта, знали, что это не Ягайло, который не выходилъ изъ ихъ воли, а потому, боясь энергичнаго русско-литовскаго князя, и чтобы положить конецъ дальнѣйшимъ переговорамъ о коронованіи, внезапно оставили Луцкъ. Ягайло, напуганный угрозами своихъ пановъ радныхъ, въ слѣдующую же ночь поѣхалъ за ними, не простясь даже съ хозяиномъ. Этотъ поступокъ разстроилъ весь съѣздъ. Сигизмундъ вскорѣ уѣхалъ изъ Луцка, условившись съ Витовтомъ о новомъ, но уже коронаціонномъ съѣздѣ; разъѣхались и прочіе гости, приглашенные прибыть въ Вильну на коронацію въ слѣдующемъ же 1430 г. къ 8 сентября.

Луцкій съѣздъ кончился ничѣмъ и польскіе магнаты начали употреблять всѣ усилія, чтобы отклонять Витовта отъ его намѣренія короноваться, но все было тщетно. Напрасно папа Мартинъ V, принявшій сторону поляковъ, совѣтовалъ Витовту оставить коронованіе, напрасно Ягайло предлагалъ сложить съ себя польскую корону въ пользу Витовта. Русско-литовскій великій князь не слушалъ папы, отклонилъ предложеніе Ягайла и твердо стоялъ на своемъ. Очевидно, онъ вполне уразумѣлъ, какія бѣды и несчастія ждутъ русско-литовское княженіе въ будущемъ, если оно не порветъ уніи съ Польшею и останется въ подчиненномъ къ ней отношеніи. Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что западно русскіе бояре и остатки русскихъ князей, составлявшихъ въ то время еще сильную православную партію, утверждали Витовта въ его намѣреніи короноваться, чтобы порвать связи съ католическою Польшею, исконнымъ врагомъ русско-православнаго народа.

Въ 1430 г. къ назначенному сроку начали съѣзжаться въ Вильну князья съ такимъ же блескомъ и приблизительно въ томъ же составѣ, какъ было въ Луцкѣ. Пріѣхалъ по просьбѣ Витовта и Ягайло со своими панами радными и Збигнѣвомъ Олесницкимъ. Витовтъ подкупомъ преклонилъ на свою сторону многихъ пановъ, но Олесницкій остался непреклоннымъ. Витовтъ, однако, не смотрѣлъ на это и приготовился къ коронованію. Всѣ съѣхались и ждали прибытія торжественнаго посольства императора Сигизмунда, которое должно было привести корону и др. королевскія регаліи. Ожиданія были напрасны, ибо поляки провѣдали объ императорскомъ посольствѣ заранѣе и не пропустили пословъ чрезъ великую Польшу. Императорскіе послы, (нѣсколько имперскихъ князей съ архіепископомъ магдебургскимъ во главѣ), будучи не въ силахъ пробиться въ Вильну, оставались въ Бранденбургіи въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій императора. Время между тѣмъ уходило и виленскіе гости, прождавъ напрасно много дней, начали разъѣзжаться. Съѣздъ оканчивался, какъ и луцкій, ровно ничѣмъ. Это обстоятельство до крайности огорчало Витовта; онъ заболѣлъ какимъ то вередомъ между плечами, поѣхалъ въ Троки,

дорогою упалъ съ коня отъ слабости, чѣмъ еще болѣе усилилъ болѣзнь. По прибытіи въ Троки онъ слегъ и черезъ двѣ недѣли, 27 октября 1430 г., скончался на 86 году отъ рожденія

„Послѣ Гедимина и Ольгерда, Витовтъ, говоритъ нашъ историкъ (см. Исторія Россіи Иловайскаго II, 225), былъ третьимъ и послѣднимъ въ ряду главныхъ объединителей Литвы и Западной Руси, вознесшимъ русско-литовское государство на высшую степень могущества и величія. Онъ еще болѣе, чѣмъ его предшественники, подвинулъ впередъ собственно внутреннее объединеніе разныхъ областей этого государства совершеннымъ ослабленіемъ удѣльной системы. Удѣльныхъ князей литовскихъ и русскихъ онъ держалъ въ строгомъ подчиненіи, нерѣдко перемѣщалъ ихъ изъ одной области въ другую; а нѣкоторыхъ русскихъ князей и совсѣмъ устранилъ отъ ихъ удѣловъ и замѣнилъ своими намѣстниками и воеводами. Но, ослабляя княжескій элементъ въ Западной Руси и тѣснѣе сплачивая ее съ католическою Литвою, онъ тѣмъ самымъ облегчалъ здѣсь будущіе успѣхи польско-литовской уніи, противъ которой боролся въ послѣдніе годы своей жизни. Самъ нѣсколько разъ перемѣнивъ исповѣданіе, Витовтъ естественно отличался вѣротерпимостію. Стремясь возвести русско-литовское княжество на степень самостоятельнаго королевства, онъ какъ бы предвидѣлъ, какія бѣды впослѣдствіи произойдутъ изъ подчиненныхъ отношеній этого княжества къ Польшѣ съ ея католическою нетерпимостію“.

Со смертію Витовта открылось Ордену широкое поле къ вмѣшательствамъ въ дѣла русско-литовскаго княжества. Обратимся теперь къ Ливоніи.

IV. Ливонскій Орденъ и Рижскіе архіепископы до Валкснаго соглашенія.

Архіепископъ Валенродъ на Констанцскомъ соборѣ. — Назначеніе римскимъ архіепископомъ Іоанна Габунди. — Магистръ Зифертъ Ландеръ Шпангеймскій. — Приемъ новаго архіепископа. — Отмѣна Бонифаціевыхъ буллъ объ одѣянніи. — Архіепископъ Геннингъ Шарфенбергъ и магистръ Циссе Рутенбергъ. — Миръ съ сосѣдями. — Новая булла Мартина V. — Эвель. — Виеское епископство, — Дерптское епископство. — Нападеніе Витовта на Псковъ. — Третьейскій судъ въ Валкѣ. — Свѣздъ въ Вольмарѣ. — Паца Евгеній VI и утвержденіе имъ Вольмарскаго соглашенія. — Базельскій соборъ. — Магистръ Керсдорфъ. — Свѣздъ въ Валкѣ и торжество архіепископа.

(1416—1436).

Источники: Кальмейеръ: *Geschichte der Habits-Veränderungen des Rigischen Domcapitels.*

Наперскій: *Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Estoniae et Curoniae.*

Отто Рутенбергъ: *Geschichte der Ostseeprovinzen Liv-, Esth- und Kurland,* томъ II.

Рихтеръ: *Geschichte der deutschen Ostseeprovinzen,* II, гл. III.

Въ то самое время, когда прусская отрасль Тевтонскаго ордена послѣ Грюнвальдской катастрофы видимо клонилась къ упадку и разложенію, не зная ни вишняго, ни внутренняго мира, ливонская отрасль Ордена не падала, не разрушалась. Орденская братія въ Ливоніи не раздѣлялась на партіи, какія замѣчались въ Пруссіи, но здѣсь и не существовало причинъ, какія бы обусловливали раздѣленіе на партіи. Въ Пруссіи уже со временъ великаго магистра Валенрода орденская братія начала дѣлиться на два враждебные между собою лагеря: верхне и ниже германцевъ. Послѣдовавшія за Грюнвальдскою катастрофою событія усилили такое раздѣленіе: одни рыцари держали сторону Генриха Плауэна, другіе его соперника Кихмейстера. Братіи изъ высшаго дворянства не хотѣла смѣшиваться съ братіею, происшедшею изъ дворянства низшаго, а со временъ Книпроде появляется и религіозная рознь: партія Плауэна начала держаться ученія гуситовъ, партія ей враждебная стояла за Римъ и папу. Эта-то рознь среди самой братіи и обусловливала главнѣйшимъ и существеннѣйшимъ образомъ безсиліе всего орденскаго управленія въ Пруссіи.

Въ Ливоніи подобнаго дѣленія не было. Въ составѣ ливонской орденской братіи преобладали ниже-германцы до такой степени, что розни по происхожденію и не могло быть, о религіозной же розни и помина не было. Не было партій, не возникало и раздоровъ, а это именно и придавало силу и значеніе Ордену въ Ливоніи несравненно большую, чѣмъ тотъ же Орденъ имѣлъ въ Пруссіи.

Мы видѣли, что ливонская орденская братія въ концѣ XIV ст. заняла первенствующее положеніе между ливонскими властителями и видѣли, какія отношенія установились между рижскимъ архіепископомъ и Орденомъ. Ничего прочнаго и нутнаго не обѣщали эти отношенія, и какъ великій магистръ ни старался примирить архіепископа рижскаго съ ливонскимъ магистромъ, но изъ его стараній ничего не выходило: отношенія не улаживались, напротивъ обострялись болѣе и болѣе.

Было уже сказано (стр. 46), что съ 1413 года въ управленіе ливонскими орденскими дѣлами вступилъ Дитрихъ Торкъ. Архіепископомъ рижскимъ оставался Іоаннъ Валенродъ, занимавшій эту каеедру съ 1395 г. Было сказано также, что во главѣ посольства, отправленнаго на Констанцскій соборъ находился этотъ архіепископъ. Католическій міръ возлагалъ на этотъ соборъ чрезвычайныя надежды, много надѣялся на соборъ и Тевтонскій орденъ, по мы уже видѣли, какъ далеко не оправдались эти надежды.

Архіепископъ, Валенродъ прибывъ на соборъ, скоро снискалъ къ себѣ расположеніе короля римскаго Сигизмунда, но скоро также убѣдился, что безъ денегъ нечего было и думать добиться въ Констанцѣ какой либо пользы для Ордена, или для своего архіепископства. Но и то сказать: до орденскихъ-ли дѣлъ, до споровъ ли рижскаго архіепископа съ ливонскимъ магистромъ было собору, когда католическій міръ

волновался вопросами несравненно важнѣйшими, касавшимися не только церкви, но и самаго католичества. Но вотъ подошло время и послѣдняго акта констанцской драмы, пришлось выбирать новаго папу вмѣсто трехъ низложенныхъ. Всѣ націи, представители которыхъ участвовали въ соборѣ, соглашались на выборъ, за исключеніемъ представителей націи германской, которые настойчиво требовали прежде произвести необходимыя реформы въ церкви, а ужъ послѣ выбирать папу. Чтобы сломить упорство нѣмецкихъ епископовъ, кардиналы прибѣгли къ заманчивой раздачѣ мѣсть и достоинствъ, при чемъ архіепископу Валенроду было обѣщано богатое и спокойное епископство Лютихское, а епископу *Іоанну Габунди* Курскому архіепископство рижское. Средство подѣйствовало: германскіе прелаты согласились выбрать папу, не производя реформъ. Выборъ, какъ мы выдѣли (стр. 50), палъ 11 ноября 1417 г. на Оттона Колонну, который и вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Мартина V.

Имѣются извѣстія (см. *De Wal.* томъ V, 80—87), что Валенродъ какъ только увѣрился, что ему не придется возвращаться въ Ригу, тотчасъ же снялъ съ себя и съ сопровождавшаго его духовенства орденское одѣяніе, заявивъ, что носилъ таковое противъ своей воли, по принужденію, и возложилъ на себя одѣяніе черное августинцевъ.

По закрытіи собора, онъ удалился въ свою епархію въ Лютихъ, и тамъ черезъ годъ времени умеръ. Назначенный вмѣсто Валенрода рижскимъ архіепископомъ, епископъ Іоаннъ Габунди, не былъ орденскимъ братомъ, потому великій магистръ сильно хлопоталъ, чтобы такое назначеніе не состоялось, рекомендуя на рижскую кафедру Эрмеландскаго пробста Каспара Шоувенпфлуга (см. *Index Наперскаго* №№ 687, 829), но ничего не помогло: папа буллою отъ 11-го іюля 1418 г. (см. тамъ же № 3382) назначилъ Габунди архіепископомъ въ Ригу, а орденскому кандидату Шоувенпфлугу въ 1420 г. предоставилъ Эзельское епископство*). Рижскій капитулъ призналъ Габунди своимъ архіепископомъ. Ему совѣтовали вступить въ орденъ, онъ отказался; говорили, что его мѣсто и должность зависятъ отъ великаго магистра, онъ отвѣчалъ: „а я думаю, что зависятъ отъ церкви“. Вопросъ объ одѣяніи и иодчиненіи поднимался такимъ образомъ снова.

Орденскими дѣлами въ Ливоніи въ это время управлялъ Зигфридъ Ландеръ Шнангеймскій, занявшій должность магистра въ 1415 г. по смерти Дитриха Торка. Вскорѣ послѣ вступленія въ должность, Ландеръ въ 1416 г. созвалъ мантагъ въ Ронебургъ и тутъ, подобно своимъ предшественникамъ, Брюнгену и Фитингофу, объявилъ себя

*) Папа Мартинъ V былъ не такой человекъ, чтобы дѣлать что либо даромъ. Имѣются свѣдѣнія, что Габунди за свое назначеніе заплатилъ папѣ порядочныя деньги (пять кванціи на 400 золотыхъ гульденовъ помѣщены въ *Mitth.* III, 82), а Шоувенпфлугъ заплатилъ за предоставленное ему епископство 1300 золотыхъ гульденовъ.

уполномоченнымъ викаріемъ архіепископа и именемъ архіепископа началъ раздавать лены. Такимъ образомъ, по выраженію современниковъ, сынъ (т. е. орденъ) совсѣмъ началъ пожирать свою мать (т. е. церковь). Можно было думать, что такой самовольный и неукротимый человѣкъ, какимъ описываютъ современники Ландера, встрѣтитъ враждебно новаго архіепископа, назначеннаго помимо Ордена, не принадлежавшаго къ Ордену, не желавшаго вступить въ Орденъ, слѣд. и не думавшаго объ исполненіи буллы Бонифація (см. выше стр. 23), но встрѣча однакоже вышла самая дружественная. Габунди осенью 1418 г. прибылъ въ Ригу; его встрѣтили съ подобающею честью, угощали во всѣхъ орденскихъ замкахъ; магистръ согласно Гданскаго договора, передалъ ему главенство надъ Ригую, передалъ также архіепископскія замки и имѣнія. Такое неожиданное дружелюбіе объясняется, однако, очень просто: Орденъ въ Пруссіи въ эти времена находился въ отчаянномъ положеніи; великій магистръ, угрожаемый войною съ Ягайломъ и Витовтомъ, еще прежде приказалъ ливонскому магистру воздерживаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій съ архіепископомъ, дабы ливонская братія могла вслучаѣ нужды прибыть на помощь въ Пруссію. Имѣнія же и замки отдапы были архіепископу безъ споровъ, быть можетъ, и потому, что сборы съ нихъ для папскаго двора были не оплачиваемы за многіе годы, такъ пусть ужъ архіепископъ и вѣдается съ папою.

Новый архіепископъ, конечно, очень скоро разгадалъ причины дружелюбія къ себѣ Ордена и не замедлилъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Ордена, чтобы поставить ливонскую церковь на прежнюю высоту. Обстоятельства складавались очень благопріятно для архіепископа: въ 1420 г. папа Мартинъ V поручилъ охрану Рижской церкви русско-литовскому князю Витовту (см. Index Наперскаго № 971), спорить Ордену съ которымъ было далеко не безопасно.

Разсчитывая на поддержку Витовта, архіепископъ Габунди въ 1422 г., когда Ягайло и Витовтъ вторглись въ прусскія орденскія владѣнія (см. выше стр. 56) и когда былъ заключенъ миръ у озера Мельно, послалъ въ Римъ каноника рижскаго капитула, Арнольда Бринкена, подать панѣ прошеніе объ отмѣнѣ Бонифаціевыхъ буллъ. Тотъ исполнилъ порученіе и подалъ папѣ просьбу (напечатана въ Index Наперскаго № 1063), въ которой были изложены весь вредъ для рижской церкви, проистекающій отъ примѣненія буллъ Бонифація IX, и необходимость отмѣны этихъ буллъ. Бринкенъ дѣйствовалъ въ Римѣ столь ловко и столь тайно, что орденскій прокураторъ Тиргартъ ничего не провѣдалъ о происходившихъ переговорахъ, кончившихся тѣмъ, что Мартинъ V 13 января 1423 г. издалъ буллу, въ силу которой дѣйствіе Бонифаціевыхъ буллъ было пріостановлено впредь до дальнѣйшихъ распоряженій иапы. Орденскій прокураторъ, конечно, употреблялъ всѣ усилія, чтобы оставить порядки по преж-

нему, но ничего не успѣлъ. Архіепископъ, получивъ буллу, немедленно же принялъ канониковъ, которыхъ не принималъ орденъ, и за тѣмъ отмѣнилъ визитаціонное право магистра. Бринкенъ, между тѣмъ, продолжалъ свои дальнѣйшія ходатайства и успѣлъ на столько, что папа въ томъ же 1423 г., 22 декабря, издалъ новую буллу (см. Index № 1110), въ которой формально и окончательно отмѣнялъ буллы Бонифація и разрѣшалъ вновь поступающимъ членамъ рижскаго капитула носить августинское т. е. черное одѣяніе. Ордену ничего не оставалось, какъ подчиниться папскому распоряженію.

Не долго прожили послѣ этой буллы и магистръ и архіепископъ. Оба они умерли въ 1424 г. На мѣсто Габунди, рижскимъ архіепископомъ былъ избранъ рижскій соборный пробстъ *Геннингъ Шарфенбергъ*, а магистромъ былъ назначенъ орденскій братъ *Циссе Орнцъ-Рутенбергскій*.

О смерти магистра Шпангейма Кранцъ (Vandal. XI. 2) рассказываетъ такъ: Была у него любовница, которую онъ задумалъ выдать замужъ за какого то молодого рижскаго купца, но тотъ не хотѣлъ жениться на ней. Тогда эта женщина изъ мщенія обвинила того купца въ кражѣ и магистръ приговорилъ его къ смертной казни. Предъ казню молодой человекъ, чувствуя себя невиновнымъ, воскликнулъ, что чрезъ 13 ночей позоветъ магистра на судъ Божій. Шпангеймъ не обратилъ вниманія на эти слова, но на 14-й день тяжело заболѣлъ и сказавъ: «вижу, кто меня зоветъ», умеръ. Вскорѣ послѣ этого бывшая любовница магистра сама подверглась сильному подозрѣнію въ совершенной кражѣ, ее казнили бы, но она успѣла бѣжать въ Пруссію, переодѣвшись монахомъ. *Fabula vulgatur per omne Livoniae theatrum*, исторія эта извѣстна во всей Ливоніи, говоритъ Кранцъ, но онъ могъ бы прибавить, что эта исторія указываетъ въ какомъ пренебреженіи былъ въ тѣ времена орденскій уставъ, среди орденской братіи, если самъ магистръ, вопреки обѣта чистоты, держалъ любъ внищу и потомъ казнилъ смертію человекъ, нежелающаго брака съ опозоренною женщиною. Если магистръ распутничаетъ, то отчего не распутничать и орденской братіи. Мельхіоръ Фуксъ въ своей «*Rothe Buch inter Archiepiscopia*» (см. *Scriptores ger. Livonicarum* II. 741) рассказываетъ слѣдующій эпизодъ изъ жизни Шпангейма: Въ 1423 г. рижскій бюргеръ, Германъ Клемповъ поставилъ магистру значительное количество соли. Магистру показалось, что при этой поставкѣ Клемповъ его обманулъ на шесть ластовъ соли. Онъ подалъ жалобу на Клемпова въ нисшій судъ города Риги, но судъ призналъ жалобу несправедливою и отклонилъ искъ. Это разсердило магистра. Въ ноябрѣ того же 1423 г. онъ велѣлъ городскому магистрату собраться въ соборной церкви и на церковныхъ хорахъ началъ рѣзко упрекать магистратъ за то, что онъ «изобличеннаго и сознавшагося обманщика» не подвергъ наказанію, и затѣмъ потребовалъ, чтобы магистратъ выдалъ ему Клемпова или, по крайней мѣрѣ, посадилъ въ тюрьму. Магистратъ отвѣчалъ, что ему ничего неизвѣстно о рѣшеніи нисшаго суда, но какъ только дѣло перейдетъ на обсужденіе всего магистрата, то и подобающее ему рѣшеніе не замедлитъ. Этотъ отвѣтъ до того взбѣсилъ магистра, что онъ воскликнулъ: «Вы не изворачивайтесь! Борода у меня еще не совѣшь бѣлая и ногти еще не притупились: ухватю котораго за ухо, почувствуетъ!» За тѣмъ онъ началъ ругать двухъ членовъ магистрата, Зейфрида и Бродгагена, за то, что они будто бы выхлопотали въ Любекѣ оправдательную бумагу для Клемпова. Зей-

фридъ началъ оправдываться; Шпангеймъ велѣлъ ему молчать: «ты не такой человѣкъ, чтобы мнѣ соглашаться съ тобою», сказалъ онъ. «Вы властитель, отвѣчалъ Зейфридъ, и можете говорить что угодно». Отвѣтъ этотъ до того разсердилъ магистра, что онъ выхватилъ мечъ и бросился на Зейфрида, но его сдержали. Между тѣмъ въ городѣ ударили въ штурмовый колоколъ на тревогу, горожане начали сбѣгаться къ собору. Магистръ въ гнѣвѣ поѣхалъ, среди волнушагося народа въ замокъ и принесъ архіепископу, какъ верховному властителю Риги, жалобу на магистратъ. Порѣшили все дѣло передать на разсмотрѣніе предстоящаго ландтага. Ландтагъ собрался въ Валкѣ въ слѣдующемъ же 1424 г., но Шпангейма уже не было въ живыхъ. Дѣло, однако, не было оставлено безъ вниманія: ландтагъ обсуждалъ его и призналъ магистратъ виновнымъ. Въ наказаніе за вину, магистратъ долженъ былъ въ соборной церкви построить алтарь и на содержаніе его вносить по 12 марокъ ежегодно (впослѣдствіи изъ 12 марокъ, 6 уплачивались к мандору динаминдскаго замка).

Новый магистръ, Циссе Рутенбергскій, вступилъ въ управленіе ливонскими орденскими дѣлами съ 1424 г. Ливонскіе властители (Орденъ и епископы) въ это время находились въ мирѣ со всѣми своими сосѣдями. Витовтъ началъ дружить (см. выше стр. 58) Ордену; съ псковичами и новгородцами миръ, заключенный въ 1410 г. (т. II, 448) не только не нарушался, но и былъ неоднократно подтверждаетъ. Имѣются извѣстія, что въ 1417 г. въ Ригу ирѣзжалъ посоль великаго князя московскаго Василія Дмитріевича съ двумя псковскими сановниками, которые и заключили съ Орденомъ договоръ о свободной торговлѣ и не пропускѣ враговъ Ордена черезъ псковскія, а псковскихъ черезъ орденскія владѣнія; въ обидахъ положено чинить управы судомъ, а не мечомъ. Замѣчательно, что въ договорной грамотѣ великій князь Василій Дмитріевичъ назывался великимъ королемъ московскимъ, императоромъ русскимъ (см. Карамзина V, примѣч. 202). Подъ 1420 г. въ 1-ой Новгородской лѣтописи (см. П. С. Р. Л. III, 109) отмѣчено, что осенью этого года прибыли въ Новгородъ послы отъ ливонскаго магистра (местера Силеверста, сказано въ лѣтописи, это Зифертъ или Зигфридъ Шпангеймъ, вельядсній кумендеръ Гостило (это феллинскій командоръ Госвинъ), и сестричичъ местеровъ Тимофей (ревельскій командоръ Дидрихъ), и воевода Ругодивскій (нарвскій фохтъ Германъ), и условились они съ княземъ Константиномъ и со всѣмъ великимъ Новгородомъ устроить съѣздъ, на съѣздѣ же быть магистру, а князю Константину и новгородцамъ послать своихъ бояръ. Съѣздъ состоялся на рѣкѣ Наровѣ. Договаривавшіяся стороны взяли вѣчный миръ, но старинѣ, какъ было при великомъ князѣ Александрѣ Ярославичѣ, говорить лѣтописецъ.

Миръ внѣшній существовалъ, но мира внутренняго не было: отношенія между новымъ магистромъ и новымъ архіепископомъ остались такими же натянутыми, какъ были и при Шпангеймѣ.

Новый архіепископъ, Геннингъ Шарфенбергъ, избранный рижскимъ капитуломъ вопреки желанія Ордена, былъ утвержденъ папою

въ должности и не замедлилъ на первыхъ же порахъ своей дѣятельности показать, что онъ, подобно своему предшественнику, архіепископу Габунди, не будетъ покоренъ Ордену. Прежде всего онъ, по всей вѣроятности, чрезъ соборнаго каноника Бринкена, началъ ходатайствовать предъ папою о разъясненіи, лучше сказать, о расширеніи буллы 1423 г. и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ попытку привлечь на свою сторону прусскихъ епископовъ созданиемъ и для нихъ независимаго отъ Ордена положенія, какимъ они никогда не пользовались. Съ этою цѣлю въ началѣ 1426 г. онъ, по праву архіепископа, разослалъ прусскимъ епископамъ приглашеніе прибыть въ Ригу на провинціальный съѣздъ (синодъ). Великій магистръ Русдорфъ, конечно, разгадалъ къ чему клонится подобное приглашеніе, и потому принялъ мѣры, чтобы прусскіе епископы въ Ригу не ѣздили, задумавъ въ свою очередь ходатайствовать у папы назначенія для Пруссіи особаго архіепископа. Съѣздъ не состоялся: великій магистръ написалъ архіепископу, что прусскіе епископы не могутъ пріѣхать въ Ригу за бѣдностію и совершеннымъ оскуденіемъ, а между тѣмъ 13 Ноября 1426 г. состоялась новая, третья булла папы Мартина V (см. Index Наперскаго № 1218), въ которой уже рѣшительно отмѣнялись всѣ распоряженія Бонифація IX объ одѣяніи духовенства Рижской церкви и разрѣшалось архіепископу ввести старый уставъ и одѣяніе, какъ было до 1394 г. Вслѣдствіе этой буллы, архіепископъ Шарфенбергъ со всѣмъ своимъ канитуломъ возложилъ на себя прежнее черное августинское одѣяніе. Въ Римѣ при тогдашнемъ папскомъ дворѣ ничего бесплатно не дѣлалось: имѣются извѣстія (см. Index Наперскаго № 1258), что полученіе названной буллы обошлось рижскому капитулу въ 14000 червонцевъ, которые пошли на подарки папѣ, кардиналамъ и пр. Сумма для того времени весьма значительная, но булла, во всякомъ случаѣ, стоила, чтобы дать за нее большія деньги: архіепископъ и его капитулъ освобождался отъ всякой зависимости Ордена, пріобрѣталъ вновь право визитаціи и слѣд. надѣялся наверстать съ лихвою розданныя въ Римѣ деньги. Ливонская орденская братія не протестовала противъ этой послѣдней буллы, да и великій магистръ писалъ въ Ригу Рутенбергу пребывать въ покоѣ и противъ архіепископа ничего не предпринимать. Онъ, конечно, надѣялся, что времена переменятся, и если Мартинъ V отмѣнитъ буллы Бонифаціевы, то почему другой папа не отмѣнитъ распоряженія Мартина? При ловкости и за деньги въ Римѣ, вѣдь, можно всего достигнуть.

Хотя открытыхъ протестовъ противъ буллъ Мартина V со стороны ливонской орденской братіи и не было, но они не упустили случаевъ замѣщать открывающіяся вакансіи орденскими братьями — священниками, слѣд. своими сторонниками. при чемъ, конечно, не обходило безъ споровъ и пререканій съ рижскимъ архіепископомъ.

Въ 1419 г., когда рижскую архіепископскую кафедру занялъ Іоаннъ V Габунди, епископомъ въ Дерптѣ былъ Дитрихъ III Резлеръ, эзель-викскимъ

епископствъ былъ Винрихъ Книпроде, ревельскимъ — Арнольдъ Штольтерфотъ; епископомъ куронскимъ — Готшалкъ Шитте. Изъ всѣхъ ливенскихъ епископствъ самое богатое было, по словамъ Грефенталя (см. выше стр. 16). Викъ — эзельское епископство, на это самое богатое епископство и зарились по преимуществу глаза какъ орденской братіи, такъ и рижскаго архіепископа съ его капитуломъ.

Племянникъ великаго магистра Вернера Книпроде, епископъ Винрихъ Книпроде, управляя Эзель-Викской епархіею съ 1385 по 1419 г., проживая большею частію въ Аренсбургѣ на Эзелѣ. У этого епископа былъ племянникъ Вильгельмъ Фаренсбахъ, который и переселился изъ Германіи подъ кровъ своего дяди въ Эзель-викское епископство. Епископъ пожаловалъ племянника леномъ, сдѣлалъ епископскимъ фохтомъ, и ввѣрилъ ему въ управленіе три замка съ причисленными къ нимъ деревнями. Фаренсбахъ оказался большимъ приобрѣтателемъ, конечно, въ свою, а не эзель-викской церкви пользу. Чуть какой ленъ продавался, онъ покупалъ его себѣ, покровительствуемъ дядею. Не давая никому отчета объ управленіи ввѣреннаго ему церковнаго недвижимаго имущества, онъ переселялъ и приписывалъ къ своимъ деревнямъ крестьянъ, водворенныхъ въ церковныхъ имѣніяхъ. Кромѣ того епископъ Винрихъ, вопреки обязательства, даннаго при вступленіи въ должность, отдалъ Фаренсбаху въ пользованіе многія епископскія столовыя имѣнія, части земель которыхъ онъ прирѣзалъ къ своимъ землямъ, и наконецъ на церковныя средства позаводилъ новыя усадьбы съ хорошими постройками. Однимъ словомъ, онъ обогатился на счетъ церковнаго недвижимаго имущества.

По смерти Винриха Книпроде, викъ-эзельскую кафедру въ 1420 г. занялъ *Каспаръ Шоувенпфлузъ*, тотъ самый, котораго Орденъ предлагалъ въ рижскіе архіепископы (см. выше стр. 65) на мѣсто Іоанна Валенрода. Новый епископъ, конечно, не могъ оставить Фаренсбаха въ покоѣ и потребовалъ, чтобы онъ возвратилъ церковныя земли и имѣнія неправильно отошедшія ему во владѣніе, но и Фаренсбахъ былъ не такой человекъ, чтобы добровольно отдать то, что разъ попало ему въ руки. Завязалось цѣлое дѣло: епископъ, видя, что ему самому не совладать со строптивымъ вассаломъ, рѣшился, по совѣту своего капитула, ѣхать въ Римъ и тамъ лично жаловаться папѣ на Фаренсбаха. Онъ и поѣхалъ, поручивъ охрану епископства ливонскому магистру. Фаренсбаха потребовали въ Римъ къ отвѣту, но онъ и не думалъ повиноваться. Тогда на него наложили опалу, предали проклятію, объявили состоящимъ внѣ закона, но и это не помогло: Фаренсбахъ самъ принесъ жалобу шведскому королю, какъ покровителю викъ-эзельскаго епископства, на епископа въ томъ, что епископъ дѣйствуетъ незаконно: вмѣсто свѣтскаго суда предалъ его, Фаренсбаха, суду духовному, которому и дѣла нѣтъ до исковъ гражданскихъ. Епископъ Каспаръ быть можетъ и добился бы въ Римѣ какой нибудь управы на Фаренсбаха, но онъ въ 1423 г. умеръ тамъ, приходилось замѣщать открывшуюся вакансію, и потому дѣло Фаренсбаха оставили до времени въ сторонѣ.

Орденъ предложилъ, а викъ-эзельскій капитулъ въ 1423 г. избралъ викъ-эзельскимъ епископомъ дерптскаго декана *Іоанна Шитте*, орденскаго сторонника, оказывавшаго въ Римѣ услуги Ордену, но въ то же самое время папа назначилъ викъ-эзельскимъ епископомъ монаха *Христіана Кубанда*, пользовавшагося большимъ расположеніемъ и рижскаго архіепископа, и епископа дерптскаго и враждебнаго Ордену (см. Index Наперскаго №№ 1091, 1097). Тогда Шитте и капитулъ начали просить Орденъ о защитѣ ихъ и охранѣ. Великій магистръ, Русдорфъ, посовѣтовалъ капитулу воздержаться отъ протестовъ противъ папскаго назначенія и принять Кубанда тѣмъ болѣе,

что король Эрихъ (преемникъ Маргариты, король датскій, шведскій и норвежскій по Кальмагской униі) уже даль знать великому магистру, что, по папскому иovel'нію, онъ, Эрихъ, беретъ подъ свою охрану и Кубанда и его епископство. Ссориться съ могущественнымъ Эрихомъ Ордену не было расчета, тѣмъ не менѣ великій магистръ обіщалъ хлопотать за Шитте и въ Римѣ у папы и у архіепископа рижскаго и епископа дерптскаго (см. Index Наперскаго №№ 1106, 1108 и 1112). Онъ дѣйствительно и хлопоталъ, и искалъ, но безъ всякаго успѣха Тогда ливонскій магистръ, вопреки совѣтамъ великаго магистра, занялъ викъ-езельское епископство, чтобы этимъ поддерживать орденскаго кандидата Шитте. Великій магистръ, только что помирившійся съ Ягайломъ и Витовтомъ при озерѣ Мельно (см. выше стр. 56), предложилъ и ливонскому магистру, и Шитте воздержаться отъ какихъ либо рѣшительныхъ дѣйствій впродъ до папскаго рѣшенія всего дѣла.

Папа Мартинъ V поступилъ такъ. чтобы угодить и той, и другой сторонѣ: въ 1425 году утвердилъ куронскимъ епископомъ избраннаго куронскимъ капитуломъ орденскаго прокуратора въ Римѣ, *Иоганна Тиргарта*, на мѣсто умершаго Готшалка Шитте, но Кубанда оставилъ епископомъ викъ эзельскимъ. И тотъ, и другой въ 1425 г. изъ Рима отправились къ своимъ мѣстамъ: Тиргартъ въ Куронію, а Кубандъ на островъ Эзель.

До какой продажности и распушенности доходила въ тѣ времена и ливонская орденская братія, и ливонское духовенство указываютъ современные документы, ясно свидѣтельствующіе, что и Орденъ, и духовенство имѣли въ виду лишь стяжанія и личныя выгоды, а отнюдь не благосостояніе покореннаго края и его населенія. Тиргартъ тотчасъ же послѣ своего утвержденія въ должности куронскаго епископа заплатилъ куронскому пробсту (каедральному протоіерею) Теодору Танку 400 марокъ съ обязательствомъ уплачивать ему въ годъ по 20 марокъ съ епископскаго стола т. е. столовыхъ имѣній (см. Index Наперскаго №№ 1169, 1170). Онъ заплатилъ пробсту за голосъ, поданный при его избраніи. Сколько онъ заплатилъ другимъ членамъ капитула неизвѣстно, но уже эта одна уплата указываетъ, что Тиргартъ просто купилъ себѣ епископство, въ надеждѣ наверстать истраченныя деньги доходами со своего епископства. Но гдѣ духовенство думаетъ только о доходахъ, да о наверстаніи убытковъ, тамъ уже оно не можетъ думать о проповѣди, о просвѣщеніи своей паствы, да никогда въ сущности и не думало. Не даромъ вѣрующіе католики настойчиво въ тѣ времена требовали церковной реформы, не даромъ гремѣли рѣчи и противъ папъ, и противъ упадка всякой церковной дисциплины.

Кубандъ, явившійся викъ-езельскимъ епископомъ вопреки желанія ливонской орденской братіи, не могъ уже рассчитывать на какую либо поддержку съ ихъ стороны, да и съ какой стати они бы поддерживали человѣка, враждебнаго имъ. За то поддержку въ нихъ нашелъ Фаренсбахъ, который не только не думалъ возвращать присвоеннаго себѣ, но, соединившись съ морскими разбойниками, въ августѣ 1427 г. напалъ на побережья викъ-езельскаго епископства и ограбилъ все, что ни попадалось ему подъ руку (см. Index Наперскаго №№ 1228, 1231). Кубандъ жаловался великому магистру на грабежъ, причиненный разбойниками, указывалъ, что въ числѣ грабителей находились оба сына Фаренсбаха, указывалъ, что ливонскій маршалъ и феллинскій командоръ не только подають помощь Фаренсбаху людьми, но и даютъ ему деньги подъ заклады церковныхъ имѣній, но его жалоба и угроза обратиться за помощью къ королю Эриху и папѣ остались безъ послѣдствій. Великій магистръ 31 октября 1427 г. писалъ Русдорфу, чтобы онъ примирился съ Кубандомъ, не доводилъ бы дѣло до крайностей, но что значили письма, не подкрѣпленныя оружіемъ. Грабежъ остался безнаказаннымъ, а съ Фаренс-

бахомъ такъ ничего и не подѣлали. Правда, епископъ ревельскій и ревельскій командоръ приняли на себя посредничество помирить его съ Кубандомъ, устроили съѣздъ, представили Фаренсбаху въ наследственное владѣніе имѣніе Геймернъ съ тѣмъ, чтобы онъ, подчинился третейскому рѣшенію земскихъ властителей касательно всѣхъ исковъ на него. Фаренсбахъ, взявъ Геймернъ, согласился на третейскій судъ, который и состоялся, но въ сущности ничего не уладилъ. Тогда Кубандъ, видя, что ему не добиться мира въ епархіи, тайно оставилъ свое епископство, чтобы искать себѣ помощи у Эриха и у папы. Орденъ съ своей стороны началъ хлопотать у короля римскаго Сигизмунда, чтобы онъ содѣйствовалъ низложенію Кубанда. Дѣло запуталось и разрѣшилось только тѣмъ, что въ 1432 г. Кубандъ въ Римѣ умеръ. Какъ только вѣсть о смерти Кубанда дошла въ Ливонію, орденскій кандидатъ Шитте отправился въ Римъ (см. Index № 1297) и здѣсь получилъ утвержденіе на должность викарія-езельскаго епископа.

Орденъ добился таки своего: на богатую епископскую викарія-езельскую кааедру посадили своего приверженца.

Дерптскимъ епископомъ съ 1413 г. былъ Дитрихъ Резлеръ. Онъ не принадлежалъ къ сторонникамъ Ордена, и боясь орденской братіи съ одной, а псковичей съ другой стороны, всячески старался заручиться покровительствомъ какого нибудь сильнаго иноземнаго государя. Лучшаго покровителя какъ Витовтъ ему трудно было сыскать: Витовтъ во нервахъ, былъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ государей въ современной ему Европѣ, во вторыхъ, былъ врагомъ Ордена, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ не прочь овладѣть всею Новгородскою Русью, съд. могъ помочь епископу ипротивъ Ордена, и противъ псковичей, неудивительно потому, если епископъ хлопоталъ заручиться покровительствомъ Витовта. Хлопоты увѣнчались успѣхомъ: Констанцскій соборъ еще въ 1416 г. объявилъ Витовта покровителемъ Дерптской церкви (см. Index Наперскаго № 733). Папа Мартинъ V пошелъ далѣе: въ 1420 г. (см. Index № 971) поручилъ покровительству Витовта всю рижскую церковь, и этимъ сильно стѣснялъ Орденъ въ его борьбѣ съ архіепископомъ: Витовтъ могъ принять сторону покровительствуемой имъ церкви, а борьба съ Витовтомъ была для Ордена и непосильною и опасною. Вотъ одна изъ причинъ, почему Орденъ не протестовалъ противъ папскихъ буллъ, отмѣнявшихъ Бонифаціевы буллы объ одѣяніи.

Витовтъ однако, не вмѣшивался во внутреннія ливонскія дѣла, въ споры Ордена съ епископами, и, кажется, только одинъ разъ помогъ дерптскому епископу въ его распряхъ съ псковичами. Дѣло было въ 1426 г. Хотя псковичи и были въ мирѣ съ нѣмцами, но пограничныя столкновения всетаки происходили. Одно изъ такихъ столкновений, происшедшее въ названномъ году, было на столько сильно, что епископъ дерптскій, не получая никакой помощи отъ магистра, попросилъ Витовта заступиться за него противъ псковичей. Витовтъ, давно уже питавшій замыслы овладѣть Новгородскою Русью, не заставилъ себя долго просить, и, порвавъ миръ съ псковичами, 1 августа 1426 г. предпринялъ осаду Опочки (см. первую Псковскую лѣтопись стр. 203). Двое сутокъ стоялъ онъ подъ Опочкою, но города не взялъ. 5 августа подступилъ къ Вороначу и цѣлыхъ три недѣли осаждалъ городъ, но и тутъ удачи не имѣлъ. Псковичи, однако, прислали просить мира. Витовтъ (не-

вѣрникъ христіанскія вѣры, какъ его постоянно называетъ псковскій лѣтописецъ) сначала упорствовалъ, мира не хотѣлъ давать, но послѣ смягчился (если вѣрить лѣтописцу. то его утратила чрезвычайная буря, разразившаяся ночью), согласился на миръ, если псковичи заплатятъ ему 1000 р., да полпятаста рублевъ за освобожденіе плѣнныхъ, взятыхъ подъ Котельномъ. По всей вѣроятности, не буря побудила Витовта дать миръ. а неудачи отрядовъ, посланныхъ разорять псковскія земли, а, быть можетъ, и посольство, присланное изъ Москвы отъ его внука, князя Василія Васильевича, съ прошлаго 1425 г. сдѣлавшагося московскимъ княземъ по смерти его отца Василія Дмитріевича. Псковичи заплатили деньги, помирились съ Витовтомъ, но съ пограничными нѣмцами продолжали вражду. Въ первой псковской лѣтописи (стр. 205) подъ 1427 годомъ отмѣчено, что въ этомъ году нѣмцы убили шесть человекъ опочанъ бортниковъ, убили на псковской землѣ, а другіе нѣмцы подходили къ Опочкѣ, здѣсь посѣкли и пожгли все на миру и на крестномъ цѣлованіи невѣрные; въ томъ же году нѣмцы на псковской землѣ сѣно скосили, псковичи сожгли это сѣно, поймали семь человекъ чудицевъ и перевѣшали ихъ. Такія мелкія пограничныя стычки продолжались цѣлый годъ, въ 1428 г. псковичи, какъ свидѣтельствуеъ ихъ лѣтописецъ, миръ подтвердили съ магистромъ, съ юрьевичами и со всею землею нѣмецкою, по старому крестному цѣлованію, но безъ Новгорода: новгородцы не помогли ничѣмъ, прибавляетъ лѣтописецъ, съ особенною выразительностію повторяя эту свою неизмѣнную фразу.

Орденъ открыто не возставалъ противъ архіепископа, тѣмъ не менѣе противодействовалъ ему явно и тайно, гдѣ только можно было. Обстоятельство это побудило архіепископа заявить духовенству на провинціальномъ съѣздѣ въ Ригѣ о необходимости послать папѣ жалобу на Орденъ съ описаніемъ всѣхъ несправедливостей, совершенныхъ имъ противъ церкви. Съѣздъ согласился на подачу папѣ жалобы. Положили послать въ Римъ ревельскаго соборнаго декана съ нѣсколькими дерптскими канониками. Къ этимъ лицамъ присоединились нѣсколько молодыхъ людей изъ лучшихъ фамилій въ Ригѣ и Дерптѣ, желавшихъ побывать въ Германіи и Италіи для довершенія своего образованія. Собралось всего 16 человекъ, которые зимою 1426—1427 г и предприняли путь въ Германію. Дорога шла на деревню Ливу, у рѣчки Бартау, протекавшей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ расположена Либава. Какъ только путники подѣхали къ этой деревнѣ, на нихъ напалъ гробинскій фохтъ, Госвинъ Ашенбергъ, съ вооруженными людьми, ограбилъ нутниковъ и потомъ всѣхъ утопилъ въ озерѣ Лива, изъ котораго вытекала рѣчка Бартау, впадавшая въ море. Ашенбергъ самъ увѣдомилъ ливонскихъ епископовъ (см. Арндта, 128) о своемъ поступкѣ, велѣвъ сказать имъ, что онъ перетопилъ путниковъ по собственному почину и желанію, такъ какъ съ измѣнниками и нельзя поступать иначе. Такъ жалоба архіепископа и не дошла до Рима. Общее мнѣніе въ Ливоніи было то, что гнусное преступленіе было совершено не только съ вѣдома магистра Рутенберга, но и по его приказанію, но прямыхъ доказательствъ и уликъ не было, потому подозрѣніе такъ и осталось подозрѣніемъ тѣмъ болѣе, что никакого слѣдствія или до-

знанія и производимо не было. Случай этотъ могъ бы надѣлать большихъ хлопотъ для Ордена, потому что въ Римѣ въ это время находился рижскій пробстъ, большой врагъ Ордена, да и самъ папа былъ не расположенъ къ Ордену, если бы архіепископъ началъ процессъ, но процесса, однако, никакого не начиналось, потому что епископъ эрмландскій написалъ ливонскому магистру, чтобы онъ непременно помирился съ архіепископомъ рижскимъ и его капитуломъ. Самъ же великій магистръ на всякій случай далъ знать въ Римъ орденскому прокуратору (см. Фохта VII, 520), что происшествіе на озерѣ Лива есть частное дѣло гробинскаго фохта, который бѣжалъ и гдѣ находится неизвѣстно, и ливонскому магистру посовѣтовалъ постараться, чтобы архіепископъ не жаловался, не переносилъ дѣла въ Римъ. Ливонскій магистръ вслѣдствіе этого предложилъ архіепископу помириться: пусть третейскій судъ разсудитъ споръ. Архіепископъ согласился на предложеніе: спорящія стороны избрали 24 человекъ судей, которые и собрались въ Валкѣ для обсужденія дѣла и мирнаго рѣшенія его. Архіепископъ самъ облегчилъ третейскимъ судьямъ исполненіе ихъ задачи тѣмъ, что письменно изложилъ великому магистру (см. Фохта VII, 520) причины и поводы, побудившіе его, архіепископа, и рижскій капитулъ снять орденское одѣяніе и выступить изъ Ордена. Избранные судьи (важнѣйшими изъ числа ихъ съ орденской стороны были: орденскій маршалъ Вернеръ Несельроде, ревальскій командоръ Госвинъ Вельмеде и Оттонъ Бракель рыцарь (дворянинъ) изъ Ронебурга; съ архіепископской стороны: трейденскій фохтъ Григорій или Юргенъ Гуцловъ, землевладѣлецъ въ Розенбахѣ Бертрамъ Иксуль и Готшалкъ Пале или Палисъ) 14 августа 1428 г. дали весьма странное рѣшеніе (см. Index Наперскаго № 1250). Они ни мало не коснулись сущности дѣла, но возложили на архіепископа и его капитулъ унизительныя обязанности: во первыхъ, достопочтенный властитель Риги (*reverendissimus dominus Rigensis*, т. е. архіепископъ), его капитулъ должны просить у Ордена (*rogare debeant*) прощенія за перемѣну одѣянія и буде Орденъ пожелаетъ должны заявить, что таковую перемѣну совершили не для безчестія и позора Ордена; рижскіе каноники и ихъ викаріи должны ежегодно въ недѣльникъ послѣ *Laetare* служить заупокойныя обѣдни по умершимъ орденскимъ магистрамъ и братьямъ; полученныя буллы и привиллегіи не должны служить ни въ пользу, ни во вредъ ни той, ни другой сторонѣ: пусть дѣло уладится въ Римѣ. Относительно архіепископскихъ пословъ, утопленныхъ въ озерѣ Лива, ни архіепископъ, ни другіе ливонскіе епископы не должны никуда подавать жалобъ, такъ какъ и великій магистръ, и магистръ ливонскій вполне оправдались; а убытки пусть взыскиваются съ Госвина Ашенберга и его сообщниковъ, буде эти лица отыщутся гдѣ либо (само собою разумѣется, что орденцы приложили стараніе, чтобы ни Госвинъ, ни его сообщники разысканы не были).

Орденъ былъ, конечно, вполне доволенъ такимъ рѣшеніемъ третейскаго суда, но, однакоже, очень хорошо понималъ, что ни архіепископъ, ни его капитулъ добровольно ему не подчинятся; надобно, чтобы папа самъ приказалъ имъ возложить на себя орденское одѣяніе, но именно этого-то Ордену и не удалось достигнуть, какъ ни хлопотали о томъ*) въ Римѣ орденскій прокураторъ и многіе германскіе духовные и свѣтскіе князья. Мартинъ V никакъ не соглашался отмѣнять своихъ буллъ объ одѣяніи, а безъ такой отмѣны что значили рѣшенія третейскихъ судей?

Приходилось ждать перемѣны обстоятельствъ; Ордену, однако, ждать и бездѣйствовать не хотѣлось: онъ вновь устроилъ третейскій судъ, чтобы получить такое рѣшеніе, которое бы еще болѣе благоприятствовало Ордену, чѣмъ предшествовавшее рѣшеніе, состоявшееся въ Валкѣ. Такой судъ съѣхался въ 1430 г. въ Вольмарѣ. Подробностей объ этомъ съѣздѣ и судѣ никакихъ не сохранилось; сохранился только протестъ епископа Дерптскаго, Дитриха III Резлера, противъ постановленій этого суда. Изъ протеста этого (помѣщенъ у Догеля въ его Codex. dipl. V, № 77) узнаемъ, что Орденъ силою и угрозами вынудилъ архіепископскихъ уполномоченныхъ постановить, что архіепископъ и его капитулъ будутъ носить черное одѣяніе августинскихъ регулированныхъ монаховъ лишь пожизненно, избираемые вновь каноники въ члены капитула должны быть представляемы рижскому орденскому командору и въ замкѣ возлагать на себя бѣлое орденское одѣяніе; визитаціи будутъ производиться магистромъ, если архіепископъ и капитулъ промедлятъ оными. Эти то вынужденныя насиліемъ условія соглашенія и были отправлены въ Римъ на папское утверженіе, — отправили не безъ денегъ, конечно, потому что при тогдашнемъ папскомъ дворѣ только деньгами и можно было чего добиться. Орденскій прокураторъ совершенно справедливо писалъ великому магистру (см. Фохта VII, 540), что въ Римѣ кто больше дастъ, тотъ и будетъ правъ.

Въ Германіи въ это время гусситскія войны, начавшіяся съ 1419 г., ожесточились, можно сказать, освирипѣли до крайней степени. Гусситы дѣлали опустошительные набѣги на Силезію, Мейсенъ, Лузацію, Силезію и Франконію. Они, по свидѣтельству современниковъ, не строили ни городовъ, ни крѣпостей, разрушали и жгли всѣ захватываемыя мѣстечки, а сами жили подъ открытымъ небомъ; телѣги, соединенныя цѣпями, составляли ихъ лагерь и укрѣпленія. Они называли себя народомъ божіимъ, подражали дѣленію колѣнъ

*) До какой продажности доходили въ тѣ времена папа и его дворъ и до какой степени они возстановили противъ себя орденскую братію видно изъ писема орденскаго брата Соббе къ магистру Рутенбергу, въ которомъ онъ, между прочимъ, пишетъ: „Бѣдные нѣмцы считаютъ папу земнымъ богомъ; это скорѣе земной дьяволъ, котораго только деньгами преклонить на свою сторону (см. Index Наперскаго № 1268, 1269)“.

израилевыхъ называли Чехію обѣтованною землею жителей Мейсена моавитянами, саксонцевъ эдомитянами, а всѣхъ остальныхъ нѣмцевъ филистимлянами. Этотъ то народъ божій, освирѣпѣвъ въ долготнѣйшей войнѣ, не давалъ пощады филистимлянамъ. Такъ напр. при Аусигѣ они цѣпами избили нѣсколько тысячъ нѣмцевъ. Одно имя таборитовъ наводило ужасъ въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ, а ближайшіе къ Чехіи города спѣшили укрѣпляться. Никогда бы табориты не могли безнаказанно предпринимать отдаленные походы, если бы современная имъ Германія имѣла хоть бы какое либо подобіе единства власти. Германскіе князья и слышать не хотѣли о подчиненіи императору или какому либо закону и вся Германія, время Сигизмунда, представляла собою зрѣлище неурядицъ всякаго рода, по просту хаотическаго безпорядка. Князья собирались на сеймы, на сеймахъ исписывались горы бумаги, принимались рѣшенія, которыхъ никто не исполнялъ. Иногда вооружались, выступали противъ гусситовъ, но нѣмецкія войска, плохо снаряженные, необученныя, разбѣгались при одномъ видѣ гусситовъ. Такъ въ 1427 г. германскіе князья условились сдѣлать общее нападеніе на гусситовъ, собрали войско, назначили сборнымъ пунктомъ городъ Мисъ. Гусситы чуть лишь провѣдали о томъ, сами пошли на Мисъ подъ предводительствомъ Прокопа Большаго. При извѣстии о приближеніи гусситовъ, страхъ такой напалъ на нѣмцевъ, что они предались дикому бѣгству. Гусситы преслѣдовали бѣгущихъ, перебили 12000 чел. народу, овладѣли всѣмъ обозомъ и артиллеріей. Въ началѣ 1430 г. Прокопъ Большой кинулся на Саксонію и Франконію, выжегъ здѣсь болѣе 100 городовъ, угналъ въ Чехію всѣ стада, собралъ большія деньги съ городовъ и владѣній, откупившихся отъ опасностей.

Папа Мартинъ V въ это время находился въ Римѣ. Вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, стремясь лишь къ обогащенію фамиліи Колонна, изъ которой происходилъ, прибѣгая ко всякаго рода поборамъ и вымогательствамъ, онъ унижалъ лишь достоинство папы и вовсе не стоялъ на высотѣ своего призванія. Ему предстояло примирить гусситовъ съ церковью, уничтожить тѣ злоупотребленія церкви, которыхъ даже католическіе богословы (за исключеніемъ италіянцевъ) не отрицали, ради уничтоженія которыхъ созывался Констанцскій соборъ и уничтоженіе которыхъ было уже обѣщано и могло быть исполнено папою. Ничего этого не было сдѣлано Мартиномъ V. Обирая деньги, съ кого только можно было, онъ велъ только безконечные споры со своими же городами и рыцарствомъ, которые также не слушались его, какъ и германскіе города и рыцарство не слушались своего императора Сигизмунда. При закрытіи Констанцскаго собора, онъ обѣщаль новый соборъ въ теченіе ближайшихъ пяти лѣтъ послѣ 1419 г. Исполняя обѣщаніе, онъ въ мартѣ 1423 г. собралъ соборъ въ Павію подъ предлогомъ, что грекамъ, предлагавшимъ соединеніе церквей для изба-

вленія Византіи отъ турокъ, было удобнѣе пріѣхать въ италіанскій соборъ. Когда въ Павіи открылась чума, соборъ перевели въ Сіену. Сюда съѣхалось столь мало высшаго духовенства, что папа закрылъ этотъ соборъ въ 1424 г., а епископы предъ тѣмъ какъ разъѣзжаться постановили, что чрезъ семь лѣтъ высшее духовенство всѣхъ католическихъ государствъ будетъ созвано на *вселенскій* соборъ въ Базель, какъ городъ наиболѣе удобномъ для съѣзда. Когда гусситы усилились до того, что начали угрожать существованію чешской и нѣмецкой церковей, Мартинъ V 1 февраля 1431 г. созвалъ соборъ въ Базель, но не дожилъ до его открытія. Онъ умеръ 20 февраля 1431 г. и папскій престолъ занялъ Евгений IV, упрямый и гордый венеціанецъ, придававшій въ церковныхъ дѣлахъ и догматахъ особенное значеніе, именно такимъ вещамъ, на которыя нападали не только гусситы, но и всѣ дѣйствительно вѣрующіе ученые и католики того времени.

Къ новому папѣ и пришлось Ордену обратиться за утвержденіемъ Вольмарскаго соглашенія. Евгений IV 22 февраля 1431 г. утвердилъ это соглашеніе (см. Index Наперскаго № 1295). Такимъ образомъ Орденъ пріобрѣлъ снова тѣ права, кои утратилъ было по булламъ Мартина V, и отношенія къ архіепископу и его капитулу явились почти въ томъ же самомъ видѣ, какія опредѣлялись буллами Бонифація. Орденъ выждалъ таки перемѣны обстоятельствъ, добился своего, теперь наступилъ чередъ архіепископу выжидать перемѣны же обстоятельствъ, чтобы въ вопросѣ объ одѣяніи поставить также на своемъ.

Архіепископу Геннингу Шарфенбергу пришлось ждаты не долго: въ томъ самомъ году, когда Евгений IV подписалъ буллу о возложеніи блага одѣянія на духовенство рижской церкви, послѣдовало открытіе собора въ Базель, а вскорѣ за тѣмъ между соборомъ и папою произошелъ разрывъ, очень благоприятный для видовъ архіепископа.

Нѣсколько словъ объ этомъ разрывѣ не будутъ излишними. Папа Евгений IV хотя и утвердилъ созваніе Базельскаго собора, но не сдѣлалъ распоряженій объ его открытіи, даже не позаботился, чтобы къ назначенному сроку въ Базель съѣхалось духовенство всѣхъ католическихъ націй. Какъ бы то ни было, но соборъ въ августѣ 1431 г. былъ открытъ. Предсѣдателемъ его явился кардиналъ Юліанъ Чезарини тотъ самый, который въ этомъ мѣсяцѣ участвовалъ въ походѣ имперскаго войска на гусситовъ, кончившемся дикимъ бѣгствомъ имперцевъ лишь только раздались крики: «Прокопъ идетъ!» Во этою время бѣгства гусситы истребили 11 тысячъ имперцевъ, захватили ихъ обозъ, 150 орудій, а въ числѣ трофеевъ забрали шапку кардинала Чезарини съ папскою буллою о крестовомъ походѣ на гусситовъ и крестъ, который носится предъ кардиналомъ. Чезарини, на опытѣ увидѣвъ, что открытою силою съ гусситами ничего не подѣлаешь, когда сдѣлался предсѣдателемъ собора, отправилъ 15 сентября 1431 г. дружеское посланіе къ гусситамъ, предлагая имъ высказать собору свои неудовольствія и обѣщаясь, что жалобы ихъ будутъ удовлетворены. Посланіе это сильно встревожило папу, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за симъ состоялся соборный декретъ о порядкѣ совѣщаній, ясно доказывавшій, что соборъ желаетъ серьезно заняться возстановленіемъ упавшей дисциплины въ католической церкви. Евгений IV, чтобы не дать Базельскому

собору черезъ чуръ далеко заходить въ церковныхъ реформахъ, предложилъ духовенству перенести соборъ въ Болонью. какъ въ пунктъ. куда съ большимъ удобствомъ могло бы прибыть византійское духовенство для обсужденія вопроса о соединеніи церквей. Соборъ не послушался такого предложенія, остался въ Базелѣ, и когда сюда прибыло много знатныхъ духовныхъ лицъ. ученыхъ и профессоровъ парижской Сорбонны, 14 декабря издалъ постановленія, въ силу котораго распоряженія. сдѣланныя на Констанцскомъ соборѣ, должны быть приняты въ основу дальнѣйшихъ дѣйствій собора, главнѣйшею цѣлю котораго есть возстановленіе мира между католиками. возстановленіе прежней дисциплины въ церкви и преобразование церкви въ ея главѣ и членахъ. Тогда папа формально предписалъ собравшемуся въ Базелѣ духовенству разойтись за то, что соборъ обнаружилъ желаніе вступить въ сношеніе и пренія съ еретиками, давно проклятыми папою. обѣщаясь созвать чрезъ 18 мѣсяцевъ новый вселенскій соборъ въ Болоню. Базельскій соборъ не только не послушался такого папскаго приказанія, но въ своемъ засѣданіи, происходившемъ 16 февраля 1432 г., объявилъ, что соборъ не зависитъ отъ папы и его легата, при чемъ былъ возобновленъ декретъ Констанцскаго собора. ставившій вселенскій соборъ выше папы. Независимо этого соборъ постановилъ, что безъ собственнаго согласія Базельскій соборъ не можетъ быть никѣмъ распушенъ, отложенъ или перемѣненъ, даже самимъ папою. Результатомъ такихъ постановленій былъ полный разрывъ между папою и соборомъ, повлекшій за собою борьбу между ними.

Объявленіе, что соборъ выше папы, чрезвычайно благопріятствовало видамъ архіепископа Геннинга отмѣнить дѣйствіе недавней папской буллы объ одѣяніи. Онъ и его капитулъ въ 1433 г. отправили въ соборъ жалобу, въ коей излагали, что хотя Орденъ по основнымъ договорамъ и обязанъ защищать рижскую церковь, но онъ только умаляетъ и стѣсняетъ ея права, силою уничтожаетъ августинскій орденъ въ рижской церкви, стремясь подчинить ее своему главенству и вынуждая рижское духовенство къ принятію орденскаго одѣянія. Просьба возымѣла дѣйствіе: соборъ 19 декабря 1433 г. поручилъ епископу Рацебургскому охрану рижской церкви, какъ своему комиссару, а тотъ совмѣстно съ нѣкоторыми сѣверо-германскими и ливонскими прелатами 19 марта 1434 г. позвалъ (см. у Догеля № 73) Орденъ къ своему суду.

Въ это время произошла въ Ливоніи перемѣна въ магистрахъ. Магистръ Циссе Рутенбергъ во время похода въ Литвѣ (о походѣ будетъ рѣчь ниже) заболѣлъ, какъ пишетъ Рюссовъ, сильнымъ кровотеченіемъ и умеръ на возвратномъ пути въ Ригу въ 1433 г. Орденская братія желала бы видѣть въ должности своего магистра кого либо изъ своихъ сочленовъ, потому и представила на утвержденіе великаго магистра одного изъ двухъ кандидатовъ, или орденскаго маршала Роденберга, или ревельскаго командора*). Великій магистръ

*) По орденскому уставу ливонскій магистръ назначался великимъ магистромъ и капитуломъ. Со времени выбора Рутенберга или даже, какъ пишетъ Грефенталь въ своей лѣтописи на стр. 21, со времени присоединенія Эстоніи вошло въ обычай, что ливонскіе сановники на открывающуюся вакансію ливонскаго магистра начали представлять двухъ кандидатовъ изъ своей среды и великій магистръ долженъ былъ утверждать одного изъ нихъ.

Русдорфъ не утвердилъ ни того ни другаго, но назначилъ на должность ливонскаго магистра своего родственника Франка Керсдорфскаго *), вопреки сопротивленія ливонскихъ сановниковъ (см. Арндта, стр. 131). Не даромъ сановники не хотѣли имѣть своимъ магистромъ Франка Керсдорфа: черезъ чуръ ужъ онъ заботился о своихъ родныхъ и личныхъ выгодахъ. У него, рассказываетъ Рюссовъ (см. Приб. Сб. II, стр. 272), въ Ригѣ были собраны огромныя сокровища изъ золота и серебра, именно сокровища умершаго феллинскаго командора: 30 тысячъ марокъ золота и 600 марокъ серебра, кромѣ столовой серебряной посуды. Къ тому же виттенштейнскій фохтъ, Гельвигъ фонъ Гильзенъ по имени, при жизни доставилъ ему, магистру Франку Керсдорфскому, полную бочку денегъ, а послѣ его смерти магистръ получилъ 100 т. марокъ розенобелей (англ. золотая монета съ изображеніемъ розы) и разной др. монеты, кромѣ серебра въ слиткахъ и столовой серебряной посуды. Братъ магистра Вольтеръ Керсдорфскій, состоявшій великимъ командоромъ въ Пруссіи, вывезъ эти сокровища въ Пруссію, что сильно не понравилось ливонскимъ сановникамъ, которые объ этомъ постоянно писали и великому магистру и его брату (конечно, требуя, чтобы согласно устава, сокровища умершихъ командора и фохта поступили въ орденскую кассу на общественныя и орденскія нужды), но все было напрасно: зябликъ, замѣчаетъ Рюссовъ, или, какъ нынѣ говорятъ, канарейка улетѣла въ Вестфалію, т. е. сокровища были увезены въ Вестфалію и навсегда исчезли изъ орденскихъ земель.

Этотъ эпизодъ съ исчезнувшими сокровищами лучше всякихъ словъ показываетъ насколько орденская братія удалась уже отъ простоты образа жизни, требуемой орденскимъ уставомъ, когда командоры и фохты вмѣсто того, чтобы довольствоваться простою пищею за общую трапезою въ орденскихъ домахъ, ѣдали на серебрѣ, показываетъ также какъ велики были доходы сановниковъ, которые успѣвали скапливать деньги бочками. Если скапливали деньги десятками тысячъ, то ужъ, конечно, проживали не меньше, если не гораздо больше.

Вотъ этого-то новаго магистра и позвали къ суду по вопросу объ одѣяніи рижскаго духовенства, вопросу, подкладкою котораго были съ сущности не цвѣтъ рясы или капюшоновъ, а преобладаніе и власть и соединенныя съ нимъ доходность и стяжанія. Керсдорфъ вошелъ по этому поводу въ сношеніе съ великимъ магистромъ и отправилъ въ Базель на соборъ двухъ уполномоченныхъ (см. Index Наперскаго, № 1370, полномочіе было дано 25 декабря 1434 г.) хлопотать въ пользу Ордена. Какъ дѣйствовали уполномоченные въ Базелѣ извѣстій не сохранилось, но только имъ удалось преклонить на свою сто-

*) Этого Керсдорфа въ лѣтонисяхъ писали весьма различно: Кристорфъ, Киршдорфъ, Керкдорфъ, Герсдорфъ, Кирховъ, Керзе Корфъ, Керзброкъ и пр., всего 14 вариантовъ одной и той же фамилии.

рону кардинала Людвига и Иоанна епископа Любекского, которые явились посредниками и предложили проект соглашения, одобренный соборомъ. Но какъ на соборѣ были лишь уполномоченные отъ обѣихъ сторонъ, потому соборъ и поручилъ епископамъ Дерптскому и Эзельскому и ихъ капитуламъ устроить соглашение на основаніяхъ проекта онаго, обязавъ и архіепископа, и Орденъ подчиниться ихъ опредѣленіямъ (см. грамоту собора къ архіепископу Рижскому и капитулу у Догеля V, № 80).

Епископомъ Дерптскимъ въ это время былъ Дитрихъ Резлеръ, управлявшій епископствомъ съ 1413 г.; епископомъ Эзельскимъ былъ Иоаннъ Шитте, состоявшій въ этой должности съ 1432 г. и епископомъ Куронскимъ состоялъ Иоаннъ Тиргартъ, получившій это епископство въ 1425 г. Эти епископы съ ихъ канониками, равно архіепископъ и орденскіе сановники устроили общій съѣздъ въ Валкѣ и здѣсь 4 декабря 1435 г. состоялось постановленіе, вполне благопріятствовавшее архіепископу: архіепископъ и его капитулъ *на всегда* остаются при одѣяніи св. Августина; Орденъ обязуется не только не измѣнять этого одѣянія, но если бы папа въ будущемъ и измѣнилъ оное, то Орденъ не приметъ такой перемѣны. Кромѣ того Орденъ уплачиваетъ архіепископу 20000 марокъ на выкупъ церковныхъ имѣній и людей, перешедшихъ въ частное владѣніе. Соглашеніе это было утверждено Базельскимъ соборомъ 28 сентября 1436 г. (см. Index Наперскаго № 1407).

Съ этихъ поръ распри стихаютъ лѣтъ на 12; но чѣмъ, однако, объяснить неожиданную уступку, сдѣланную Орденомъ архіепископамъ, чѣмъ объяснить, что Орденъ сдѣлалъ и другія уступки, именно уступилъ рижской церкви имѣнія Меморга и Кекау и обѣщалъ заплатить 1000 марокъ за задвинскія имѣнія, уступленные Ордену близъ Далена? Что касается до Риги, то договаривающіяся стороны положили (см. Index № 1392) оставить этотъ городъ на 12 лѣтъ въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился во время заключенія договора, съ тѣмъ что ни архіепископъ, ни Орденъ не будутъ въ теченіе этихъ 12 лѣтъ давать Ригѣ какихъ либо новыхъ правъ ни посредствомъ грамотъ, ни по праву давности. Орденъ такъ торопился, чтобы Валкское соглашеніе было поскорѣе утверждено Базельскимъ соборомъ, что не пожалѣлъ израсходовать на такое утвержденіе отъ 4 до 5 тысячъ гульденовъ (см. Index № 1402). Чѣмъ же, повторяемъ, объяснить и уступчивость, и эту торопливость? Никогда бы орденская братія не отказалась отъ своихъ притязаній и никогда бы не уступила архіепископу, если бы отношенія Ордена къ русско-литовскому княжеству и Польшѣ не приняли въ это время оборотъ столь для него неблагопріятный, что приходилось во что бы то ни стало добиться мира внутренняго, дабы можно было достигнуть мира вѣшняго.

Къ изложенію этихъ отношеній мы и должны перейти.

V. Литва, Польша, восточная Россія и Тевтонскій орденъ до 1450 г.

Свидригайло Ольгердовичъ великій князь литовскій. — Его союзъ съ Тевтонскимъ орденомъ. — Война между Польшою и Литвою. — Вторженіе великаго магистра въ Польшу. — Перемиріе. — Заговоръ противъ Свидригайла и его бѣгство въ Полоцкъ. — Сигизмундъ Кейстutowичъ великій князь литовскій. — Политика Ордена. — Война между Свидригайломъ и Сигизмундомъ. — Вторженіе гуситовъ въ Пруссію. — Перемиріе Польши съ Орденомъ. — Смерть Ягайла. — Вступленіе на польскій престолъ Владислава Ягайловича. — Усобица въ Литвѣ. — Сраженіе подъ Вилкомиромъ и слѣдствія онаго. — Брестскій миръ между Польшою и Орденомъ. — Непрочность мира. — Орзельскіе уставы. — Смуты въ средѣ Ордена. — Связь въ Зундскомъ городѣ. — Учрежденіе Прусскаго Союза. — Смерть Русдорфа и избраніе великимъ магистромъ Конрада Эрлихсгаузена. — Расколъ въ папствѣ, германскій король Фридрихъ и прекращеніе усобицы въ Литвѣ. — Умерщвленіе Сигизмунда Кейстutowича. — Казиміръ Ягайловичъ великій князь литовскій и король польскій. — Гейденрейхъ Финь Овербергскій магистръ ливонскій. — Столкновенія и войны его съ Новгородскою Русью. — Внутреннія ливонскія дѣла. — Подуепископы въ Эвельской епархіи. — Смерть архіепископа Геннинга Шарфенберга и вступленіе на рижскую архіепископскую кафедру Сильвестра Штодеवेशера.

(1430--1450).

Источники: Фохтъ. Geschichte Preussens, томы VII и VIII.
 Рихтеръ. Geschichte der deutschen Ostseeprovinzen, томъ II, гл. 1, 2 и 3.
 Рутенбергъ. Geschichte der Ostseeprovinzen, томъ II.
 Наперскій. Index.
 Мельхиоръ Фунсъ. Das rothe Buch inter archiepiscopalia.
 Нарбутъ. Dzieje narodu Litewskiego, томы 5 и 6.
 Иловайскій. Исторія Россіи томъ II.
 Лѣтописи псковскія и новгородскія.

По смерти Витовта, послѣдовавшей 27 октября 1430 г. (см. выше стр. 63), Ягайло Ольгердовичъ могъ бы соединить въ лицѣ своемъ санъ и короля польскаго и великаго князя литовско-русскаго, какъ на основаніи наслѣдственныхъ правъ, такъ и предшествовавшихъ договоровъ, и тѣмъ закрѣпить унію Польши съ Литвою, которой такъ добивались польскіе магнаты. Но онъ и не помышлялъ о такомъ соединеніи по обычной ли ему нерѣшительности или, что гораздо вѣрнѣе, изъ боязни нажить себѣ враговъ среди коренныхъ литовскихъ и русскихъ бояръ, которые никакъ не желали поглощенія своего отечества Польшою. Во всякомъ случаѣ король Ягайло, какъ бывший уже литовско-русскій князь, былъ ближайшимъ наслѣдникомъ Витовта. Кромѣ него въ 1430 г. были въ живыхъ: Свидригайло Ольгердовичъ, младшій братъ Ягайла, и Сигизмундъ Кейстutowичъ, младшій братъ Витовта, и внуки Ольгерда: многочисленные удѣльные князья Корибутовичи, Лугвеневици, Владиміровичи и др. Свидригайло и Сигизмундъ

были католиками, прочіе гедиминовичи были православные. Всѣмъ этимъ князьямъ Ягайло предпочелъ Свидригайла (въ католичествѣ Болеславъ), того самаго, который неоднократно враждовалъ съ братьями, входилъ въ союзы съ прусскою и ливонскою орденскою братіею, былъ въ плѣну у братьевъ, освободился, вошелъ въ новыя связи съ тевтонскими рыцарями, по при посредствѣ короля римскаго и венгерскаго Сигизмунда, помирился съ братьями и получилъ въ удѣлъ Брянскъ и Новгородъ-Сѣверскъ. Здѣсь онъ доживалъ свой вѣкъ, не вмѣшиваясь уже ни въ какія политическія дѣла, какъ былъ, по смерти Витовта, вызванъ Ягайломъ въ Вильну. Король Ягайло объявилъ его преемникомъ Витовта, великимъ княземъ Литвы и Руси. Свидригайло Ольгердовичъ былъ торжественно вѣнчанъ на княжество въ кафедральномъ виленскомъ соборѣ въ присутствіи множества литовскихъ и русскихъ бояръ и князей. Никто не противорѣчилъ вокняженію Свидригайла. Польскіе магнаты и Ягайло надѣялись, что Свидригайло, католикъ по вѣрѣ, будетъ подручникомъ Польши; коренные литовскіе бояре видѣли въ Свидригайлѣ литовца, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, и надѣялись, что онъ отстоитъ самостоятельность Литвы; коренные русскіе бояре и князья также много разсчитывали на Свидригайла, что онъ защититъ и православіе, и русскую народность отъ католичества и поляковъ. Дѣло въ томъ, что Свидригайло хотя и принялъ католичество, подобно нѣкоторымъ своимъ братьямъ, но усерднымъ католикомъ ни мало не сдѣлался, напротивъ всегда поддерживалъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Будучи попеременно удѣльнымъ княземъ въ чисто русскихъ областяхъ, Полоцкой и Витебской, на Подольѣ, на Волыни и наконецъ въ Сѣверщинѣ, онъ по языку, привычкамъ, образу жизни и родственнымъ связямъ былъ скорѣе русскимъ человѣкомъ, чѣмъ литовцемъ, сроднился вполне съ русскою народностію и сдѣлался усерднымъ ея сторонникомъ. Вотъ почему его возвышеніе, говоритъ русскій историкъ (см. Иловайскаго Исторію Россіи, II. 264), на русско-литовскій великокняжескій престолъ въ особенности привѣтствовало русское населеніе, ожидая найти въ немъ защиту противъ вторгавшагося съ запада католичества и папизма. Самъ Свидригайло не только не считалъ себя ленникомъ или присяжникомъ польскаго короля, но смотрѣлъ на великокняжескую корону какъ на свое неотъемлемое наслѣдіе. Онъ хотѣлъ утвердить самостоятельность и независимость литовско-русскаго княжества отъ Польши и хлопотать о королевской коронѣ, однимъ словомъ хотѣлъ продолжать политику Витовта, что и обнаружилъ съ первыхъ же мѣсяцевъ своего княженія.

Было уже выше сказано, что именно побуждало ипольскихъ магнатовъ добиваться уніи Польши съ Литвою. Надежда поживиться на счетъ русскихъ областей и земель, была не безосновательною, потому что русское галицкое княженіе, доставшееся полякамъ при

Казиміръ III, доставило польскимъ дворянамъ и духовнымъ множество земли. На богатія русскія земли Подолья и Волыни польскіе магнаты давно уже зарились; часть Подолья, при Ягайлѣ, отошла было къ Польшѣ, тутъ начала было распространяться польская колонизація, водворилось не мало польской шляхты, основалось католическое епископство въ Кременцѣ, но Витовтъ, однако, не далъ разгуляться шляхтѣ: онъ отобралъ у поляковъ почти все Подолье, въ городахъ и замкахъ посадилъ своихъ намѣстниковъ и старость, поставилъ вездѣ русско-литовскіе гарнизоны. О Волыни и говорить нечего: Витовтъ зорко смотрѣлъ, чтобы земли этой коренной русской области на переходили въ руки польской шляхты.

Свидригайло сѣлъ на русско-литовское княженіе, не связывая себя никакими условіями и договорами съ Польшею. Польскіе магнаты были крайне недовольны Ягайломъ за то, что онъ дозволилъ своему брату сдѣлаться великимъ княземъ, не взявъ съ него ленной присяги, не выговоривъ въ пользу Польши уступки Волыни и Подолья, и теперь послѣ вѣнчанія на престолъ, убѣдившись, что Свидригайло добровольно не уступитъ имъ этихъ земель, задумали захватить ихъ хитростію и коварствомъ. Замыселъ удался. Польскіе шляхтичи, съ братьями Бучацкими во главѣ, овладѣли главнымъ городомъ, Каменцомъ, за тѣмъ захватили другіе подольскіе города — Смотричъ, Скалу, Червоноградъ, воспользовавшись тѣмъ, что слухи о смерти Витовта не успѣли еще проникнуть въ эти мѣста. Они бросились было овладѣть волынскими городами, Луцкомъ и Владиміромъ, но потерпѣли неудачу: русскіе воеводы узнали уже о смерти Витовта и заблаговременно приняли мѣры осторожности.

Ягайло въ это время еще не уѣзжалъ изъ Литвы. По смерти Витовта онъ проживалъ въ Трокахъ, предаваясь своему любимому занятію, охотою на дикаго звѣря въ неизмѣримыхъ литовскихъ пущахъ. Вспыльчивый Свидригайло, узнавъ о захватѣ Каменца и др. подольскихъ городовъ, рѣзко упрекалъ Ягайла въ его двуличіи, и объявилъ, что будетъ держать его въ плѣну пока захваченные подольскіе города не будутъ возвращены. Польская свита, окружавшая Ягайла, совѣтовала ему убить Свидригайла, взять Виленскій замокъ и держаться въ немъ до прибытія помощи изъ Польши. Ягайло не согласился на братоубійство, напротивъ заключилъ съ Свидригайломъ договоръ, въ силу котораго возвращалъ ему подольскіе города, и послалъ польскаго шляхтича, Тарла Щекаревича, на Подоль съ приказомъ Бучацкому передать Каменецъ русскому воеводѣ князю Михаилу Бабѣ. Сколько вспыльчивый и буйный, столько же и довѣрчивый Свидригайло обрадовался договору, подарилъ Щекаревичу цѣлую сотню гривенъ и снабдилъ короля и его свиту богатыми дарами. Магнаты отправили Тарлу, но тутъ же, быть можетъ не безъ вѣдома Ягайла, прибѣгли къ хитрости: Тарло повезъ королевскій приказъ о сдачѣ Каменца, а одинъ

изъ его спутниковъ получилъ отъ магнатовъ восковую свѣчу, для передачи Буцацкому со словами поискать въ ней свѣта. Такія свѣчи въ тѣ времена нерѣдко пересылались въ церкви и каплицы для зажигания предъ иконами и потому свѣча, врученная спутнику Тарла, не возбудила ни въ комъ подозрѣнія. Въ свѣчѣ этой находилось письмо, въ которомъ магнаты писали Буцацкому, чтобы онъ королевскаго приказа не исполнялъ, а заключилъ бы въ тюрьму и Тарла и Бабу. Тотъ исполнилъ совѣтъ магнатовъ. Тогда Свидригайло, пылая мщеніемъ на коварство поляковъ, бросился съ войскомъ на Подоль отбирать захваченные города, но сдѣлать это было уже не легко: мелкіе городки онъ отобралъ, но главные, хорошо вооруженные города, какъ Каменецъ и Смотричъ, остались въ польскихъ рукахъ.

Между тѣмъ Ягайло и польскіе магнаты, собравшись на сеймъ въ Судомірѣ, постановили требовать отъ Свидригайла уступки не только Подолья, но и Лудка съ южною частію Воляни, а также, чтобы онъ прибылъ въ Польшу и принесъ ленную присягу польской коронѣ. Свидригайло на отрѣзъ отказался исполнить подобныя требованія и вида, что ему не обойтись безъ войны съ Польшею, постарался заручиться союзами: вошелъ въ сношенія съ королемъ римскимъ Сигизмундомъ и со своими старинными помощниками, тевтонскою орденскою братіею, которая всегда была готова способствовать всему, что питало раздоры въ русскомъ литовскомъ княженіи и разрушало унію между Литвою и Польшею.

Король римскій Сигизмундъ, (онъ началъ именоваться императоромъ германскимъ лишь со дня своего коронованія въ Римѣ, происшедшаго 31 мая 1433 г.) не могъ оказать никакой существенной помощи Свидригайлу: онъ былъ слишкомъ занятъ борьбою съ гусситами, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желалъ усиленія Польши, въ которой гусситы находили себѣ поддержку, и потому поощрялъ Тевтонскій орденъ къ союзу съ Свидригайломъ, котораго обѣщалъ вѣнчать короною, предназначавшеюся для Витовта. Великимъ магистромъ въ это время былъ, какъ мы уже видѣли, Павелъ Русдорфъ, а магистромъ ливонскимъ Циссе Рутенбергъ. Витовтъ въ послѣдніе годы своей жизни дружилъ съ Орденомъ: онъ не только не ссорился съ орденскою братіею, напротивъ поддерживалъ Орденъ, не желая усиленія Польши. Естественно, что оба магистра желали сохраненія дружественныхъ отношеній и съ преемникомъ Витовта, въ особенности великій магистръ, который хотя и былъ въ мирѣ съ Польшею, но очень хорошо видѣлъ на сколько этотъ миръ непрочень и ненадеженъ. Гусситы были ожесточенными врагами всѣхъ духовныхъ орденовъ, въ томъ числѣ и Тевтонскаго, и грозили вторженіями въ орденскія земли, а тутъ въ Пруссіи разнеслись вѣсти, что въ Краковѣ король Ягайло имѣлъ совѣщаніе съ гусситами, дозволилъ имъ проходъ черезъ Польшу, разрѣшилъ имъ покупать въ Польшѣ лошадей, оружіе и всякаго рода воен-

ные снаряды, пришли вѣсти, что польскіе военные отряды приближаются къ предѣламъ орденскихъ земель. Опасность войны была очевидна, а тутъ какъ нельзя болѣе кстати явилось предложеніе Свидригайла о союзѣ. Въ срединѣ іюня 1431 г. оба магистра съѣхались въ Хризмемелѣ, куда прибыли и Свидригайло съ литовскими боярами. Послѣ непродолжительныхъ совѣщаній Орденъ и Свидригайло заключили между собою наступательный и оборонительный союзъ (см. Фохта VII, 567): союзники въ войнахъ оказываютъ другъ другу помощь, завоеванныя земли, города, замки и пр. дѣлятъ по ровну; границы орденскихъ и русско-литовскихъ владѣній остаются тѣ же самыя, какъ было при Витовтѣ.

Не успѣвъ Свидригайло возвратиться послѣ свиданія съ магистрами домой, какъ изъ Польши прибылъ къ нему посолъ отъ Ягайла съ упреками за союзъ съ врагами отечества, т. е. Орденомъ, при чемъ посолъ прибавилъ, что Свидригайло еще не есть великій князь въ дѣйствительности, пока не признанъ таковымъ отъ польскаго сейма. Вспыльчивый Свидригайло далъ послу пощечину и велѣлъ заключить его въ тюрьму. Послѣ этого война между Польшею и Литвою явилась неизбежною.

Въ іюлѣ 1431 г. Ягайло съ большимъ войскомъ перешелъ пограничную рѣку Бугъ и вторгся на Волынь. Началось обычное въ тогдашнихъ войнахъ истребленіе безоружнаго народа. Владиміръ Волынской и др. города были сожжены и разграблены. Свидригайло съ войскомъ выступилъ противъ поляковъ, встрѣтилъ было ихъ подъ Луцкомъ, но отступилъ, видя, что поляки значительно превосходятъ его въ силахъ. Поляки осадили Луцкій замокъ, защищаемый русскимъ воеводою Юршею. Осада затянулась, потому что Юрша, имѣя у себя пушки, защищался мужественно и упорно. Свидригайло, между тѣмъ, написалъ великому магистру, требуя его помощи на основаніи недавно заключеннаго союза. Великій магистръ отвѣтилъ (см. Фохта VII, 571), что объявить войну Ягайлѣ и вступить въ польскіе предѣлы, но Свидригайло не долженъ заключать мира съ Польшею безъ участія Ордена. Война была дѣйствительно объявлена 17 августа 1431 г. подъ предлогомъ, что Ягайло принуждаетъ своего брата отказаться отъ союза съ Орденомъ и стремится къ уничтоженію Ордена. Орденское войско вступило въ польскіе предѣлы тремя колоннами: одна колонна вошла въ Куявскую землю, вторая въ Добринскую, третья въ Великую Польшу; опустошенія, убійства и грабежи всего встрѣчнаго знаменовали это вторженіе. На помощь великому магистру прибыли изъ Ливоніи ландмаршалъ, гольдингенскій командоръ и гробинскій фохтъ съ ихъ отрядами, но не посчастливилось ливонцамъ: поляки разбили ихъ, а ландмаршала, командора и фохта взяли въ плѣнъ и увели въ Познань. Ягайло, однако, видя, что ему будетъ трудно одновременно вести войну съ Орденомъ и Свидригайломъ, пред-

ложилъ послѣдному помириться. Свидригайло согласился и безъ вѣдома своего союзника, слѣд. вопреки союзнаго договора, заключилъ 2 сентября 1431 г. перемиріе, въ силу котораго удержалъ за собою то, чѣмъ владѣлъ до войны, т. е. восточную часть Подоліи и всю Волинь *).

Перемиріе было заключено срокомъ до Иванова дня 1432 г. и по настоянію Свидригайла должно было распространиться и на Орденъ. Великій магистръ, вскорѣ по заключеніи перемирія, вывелъ орденскія войска изъ Польши, успѣвшія въ теченіе 4—5 недѣль времени выжечь и разорить тамъ 24 города и около 1000 деревень, и распорядился укрѣпленіемъ Торна и пограничныхъ городовъ, зная очень хорошо, что Ягайло не проститъ разореній, причиненныхъ орденцами въ Польшѣ.

Во время перемирія Ягайло написалъ римскому королю Сигизмунду и нѣкоторымъ имперскимъ князьямъ жалобу на великаго магистра, который безъ всякой причины нарушилъ миръ, произвелъ большія опустошенія въ Польшѣ и потому долженъ вознаградить поляковъ за понесенные убытки. Великій магистръ оправдывался, также писалъ письма. Само собою разумѣется, что переписка не приводила и не могла привести ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Весъ 1431 г. прошелъ въ перепискѣ, да въ военныхъ приготовленіяхъ.

Въ февралѣ 1432 г. между Ягайломъ и Свидригайломъ начались были переговоры о мирѣ. Свидригайло желалъ, чтобы Орденъ принялъ участіе въ переговорахъ; Ягайло не соглашался на это, вслѣдствіе чего переговоры были прекращены. Въ срединѣ мая 1432 г. Свидригайло и великій магистръ съѣхались снова въ Хризмемелѣ и здѣсь возобновили наступательный и оборонительный союзъ между собою, при чемъ договоръ о союзѣ (см. Index Нанерскаго №№ 1323 и 1324)

*) Нольскіе современные лѣтописцы рассказываютъ, что Свидригайло былъ человѣкъ буйнаго нрава, преданный пьянству и вообще ограниченнаго ума. Въ отъѣвахъ этихъ, конечно, много преувеличенности, но въ сущности лѣтописцы были правы: Свидригайло скоро оказался неспособнымъ бороться съ польскими кознями и ухищреніями, а главн о не уразумѣлъ гдѣ и въ чемъ заключается его сила. Онъ пользовался расположеніемъ къ себѣ русскихъ областей, потому что остался вѣренъ русской народности, которую усвоилъ себѣ съ дѣтства. Сынъ тверской княжны, онъ самъ женился на сестрѣ тверскаго великаго князя Бориса и вообще дружилъ съ князьями Северо-восточной Руси. Не смотря на переходъ въ католичество, онъ и не думалъ о распространеніи его въ Западной Руси, напротивъ жилъ дружно съ православнымъ духовенствомъ. Русскія области, которыя уже на примѣрѣ Галиціи могли познать, говорить нашъ историкъ (см. Илювайскаго Исторію Россіи т. II, 268), къ чему клонится прословутая польско-литовская унія, съ радостію привѣтствовали вокняженіе Свидригайла и готовы были усердно поддерживать его въ борьбѣ за свою политическую самостоятельность, за сохраненіе своей религіи и народности и за свои имущественныя права. Лишенная самостоятельныхъ прирожденныхъ князей, немѣющая болѣе собственного политическаго средоточія, около котораго могла бы сплотиться (подобно тому какъ Восточная Русь сплачивалась около Москвы), Западная Русь по всѣмъ признакамъ находилась тогда въ состояніи сильнаго броженія и тяжелыхъ предчувствій, не зная къ кому обратиться, къ кому примкнуть. Естественно, она съ радостію ухватилась за Свидригайла, какъ только увидѣла въ его рукахъ лѣчто похожее на знамя русской народности. Но она обманулась въ своихъ надеждахъ: этотъ человѣкъ скоро показалъ свою полную неспособность бороться съ противнымъ теченіемъ.

былъ написанъ такъ, что союзъ между Орденомъ и Свидригайломъ обращался до нѣкоторой степени въ союзъ между землями прусскими и литовскими. Возобновленіе союза въ особенности было важно для великаго магистра, такъ какъ онъ получилъ извѣстія, что Ягайло не только готовится къ войнѣ съ Орденомъ, но и вошелъ въ связи съ гусситами съ цѣлю побудить ихъ вторгнуться въ Пруссію.

Между тѣмъ королевская польская рада (канцелярія), пріобрѣвшая во времена Ягайла особенную силу и вліяніе на государственныя дѣла, старалась всячески избавиться отъ Свидригайла, который явился для польскихъ магнатовъ во всѣхъ отношеніяхъ княземъ неудобнымъ. Онъ и слышать не хотѣлъ о какомъ либо подчиненіи Литвы Польшѣ, смирить его открытою войною оказалось невозможнымъ дѣломъ: по перемирію, заключенному 2 сентября 1431 г., онъ удержалъ за собою и Волынь и Восточную Подолію, добыть которыя такъ хотѣлось магнатамъ. Свидригайло вошелъ въ тѣсный союзъ съ Орденомъ, какъ вполне самостоятельный князь; идя по слѣдамъ Витовта; онъ чего добраго добьется королевской короны и тогда всякая унія Польши съ Литвою, столь необходимая для самаго существованія Польши, порвется сама собою. Но какъ быть, какъ отдѣлаться отъ неудобнаго князя? Другаго оспособа избавиться отъ Свидригайла рада не находила, какъ поставить ему соперника, который былъ бы послушнымъ орудіемъ въ рукахъ рады. Наиболѣе подходящимъ соперникомъ Свидригайлу польская рада и магнаты признали младшаго брата Витовта, удѣльнаго князя Стародуба Сѣверскаго Сигизмунда Кейстутовича, проводившаго въ своемъ удѣлѣ праздную, ничтожную жизнь. Польскіе магнаты вошли съ нимъ въ тайныя сношенія, побудили его объявить свои иритязанія на велико-княжескій престолъ, а въ то же время склонили на свою сторону литовскихъ бояръ — католиковъ, недовольныхъ Свидригайломъ за то, что онъ окружалъ себя по преимуществу коренными русскими боярами, для которыхъ былъ очень щедръ на раздачу земель и подарковъ. Безпечный и недалновидный Свидригайло пилъ и бражничалъ со своими боярами, подобно древнимъ русскимъ князьямъ, ничего не зная о козняхъ магнатовъ, не подозрѣвая даже существованія заговора.

Возобновленіе союза между Свидригайломъ и Орденомъ склонило Ягайла къ уступчивости. Въ началѣ августа 1432 г. уполномоченные орденскіе, литовскіе и иольскіе, съѣхались на островѣ Вислы у Остролицы, подтвердили перемиріе и за тѣмъ положили съѣхаться въ Брестъ-Русскомъ, чтобы договориться о вознагражденіяхъ за убытки и о пресѣченіи пограничныхъ враждебныхъ дѣйствій, влекшихъ за собою одни опустошенія земель безъ всякой существенной пользы враждовавшимъ сторонамъ. Съѣзду положили быть въ сентябрѣ 1432 г. Свидригайло, въ предположеніи, что въ Брестъ-Русскій пріѣдетъ и Ягайло, въ концѣ августа поѣхалъ туда изъ Вильны съ виленскимъ воеводою

и небольшою свитою. 31 августа онъ прибылъ въ Ошмяны, но тутъ на разсвѣтъ въ этотъ день на него внезапно напалъ князь Сигизмундъ Кейстutowичъ со значительнымъ отрядомъ войска. Съ величайшимъ трудомъ Свидригайло спасся отъ гибели; онъ съ виленскимъ воеводою успѣлъ какими-то судьбами ускользнуть отъ Сигизмунда и бѣжать въ Полоцкъ. Вильна, Троки, Гродна сдались Сигизмунду, а вскорѣ и вся литовская часть великаго княженія признала его своимъ государемъ. Въ Гроднѣ Сигизмундъ, въ присутствіи польскихъ сенаторовъ, присягнувъ на вѣрность польской коронѣ и отдалъ полякамъ земли Подольскую, Луцкую и уѣздъ Городельскій. Послѣ того въ виленскомъ кафедральномъ соборѣ совершенно было торжественное коронованіе Сигизмунда, при чемъ прочтена была папская булла, разрѣшавшая литовцевъ отъ присяги Свидригайлу. Русско-литовское великое княженіе раздѣлилось такимъ образомъ на двѣ части: собственно Литва отошла къ Сигизмунду Кейстutowичу, коренныя же русскія области, именно бѣлорусскія и малорусскія, остались вѣрными Свидригайлѣ.

Силою обстоятельствъ Свидригайло становился во главѣ земель Западной Россіи и съумѣй онъ только воспользоваться своимъ положеніемъ и сплотить вокругъ себя подъ знаменемъ русской народности русско-православное населеніе, онъ легко бы восторжествовалъ и надъ Сигизмундомъ и надъ Ягайломъ съ его польскою радю, но въ томъ-то и дѣло, что онъ не сознавалъ въ чемъ собственно заключается его сила и вмѣсто того, чтобы окончательно опереться на коренныхъ русскихъ, онъ началъ искать опоры у иноземцевъ, именно у Ордена, естественнаго врага русскихъ.

По прибытіи въ Полоцкъ, Свидригайло обратился за помощію къ ливонскому магистру Рутенбергу; Сигизмундъ же, немедленно послѣ объявленія его великимъ княземъ, послалъ къ великому магистру Русдорфу съ заявленіемъ, что желаетъ сохранить союзъ, заключенный между Орденомъ и Литвою нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, готовъ отмѣнить условія, невыгодныя Ордену, лишь бы миръ нарушаемъ не былъ. Онъ предложилъ великому магистру съѣхаться въ Гроднѣ, куда прибудетъ и Ягайло, и тамъ можно будетъ договориться о мирѣ. Уполномоченные явились, но изъ переговоровъ ровно ничего не вышло. Великій магистръ въ одно и тоже время перепсывался съ Сигизмундомъ и тайно поддерживалъ Свидригайла, предлагая ливонскому магистру помогать послѣднему. Переписка великаго магистра съ Сигизмундомъ, а также Рутенберга съ Свидригайломъ и великимъ магистромъ, помѣщенная въ Индексѣ есть ничто иное какъ обращеніе коварства и хитрости, съ какими оба магистра относились къ литовскимъ князьямъ*):

*) Любопытно, что Рутенбергъ совѣтовалъ великому магистру оставаться вѣрнымъ союзу, заключенному съ Свидригайломъ, какъ это видно изъ его письма, писаннаго въ началѣ октября 1432 г. и помѣщеннаго у Кодебу III, 486.

очевидно цѣлю Ордена было, чтобы соперники истощали свои силы въ борьбѣ между собою и чтобы Свидригайло, угрожая Польшѣ, сдерживалъ бы Ягайла.

Свидригайло, конечно, и не помышлялъ добровольно уступить великокняжескій престолъ Сигизмунду. Война между ними была неизбежною, и дѣйствительно началась въ ноябрѣ 1432 г. Свидригайло собралъ значительныя силы въ земляхъ бѣлорусскихъ и сѣверскихъ, получилъ помощь отъ своего зятя, князя тверскаго, получилъ помощь и отъ ливонскаго магистра, который по приказанію великаго магистра (см. Index Наперскаго № 1333), прислалъ командоровъ ашераденскаго и динабургскаго съ ихъ войскомъ для совмѣстныхъ дѣйствій со Свидригайломъ. Войска Свидригайла вступили въ Литву, но особенныхъ успѣховъ не имѣли: подъ Ошмянами 8 декабря произошло сраженіе, Свидригайло былъ разбитъ и долженъ былъ уходить изъ Литвы.

Потерпѣвъ неудачу, Свидригайло просилъ помощи у великаго магистра, уступивъ ему Полангенъ. Великій магистръ взялъ Полангенъ, но все колебался и простеръ свое двуличіе до того, что Рутенбергъ и даже орденскій посолъ Людвигъ фонъ Ланзенъ не знали да за кого же именно онъ стоялъ, за Сигизмунда, или за Свидригайла (см. Index № 1344). Какъ бы то ни было, но Свидригайло дѣйствовалъ неуспѣшно. Болѣе успѣха имѣли его русскіе воеводы, защищавшіе отъ поляковъ земли кievскую, волынскую и подольскую. Изъ этихъ воеводъ въ особенности успѣшно дѣйствовалъ князь Оедоръ (Оедька) Острожскій. Получая помощь отъ валаховъ и татаръ, онъ не только отразилъ вторженіе поляковъ въ Подолію, но даже овладѣлъ Каменцомъ, выманивъ оттуда посредствомъ искусной тактики Бучацкаго, котораго разбилъ и взялъ въ плѣнъ.

Въ слѣдующемъ 1433 г. война между Свидригайломъ и Сигизмундомъ продолжалась. Ливонскій магистръ, Рутенбергъ, поддерживалъ перваго и въ этомъ году не ограничился посылкою вспомогательнаго отряда, а выступилъ въ походъ самъ съ большимъ войскомъ. Двѣнадцать недѣль онъ, пишетъ Руссовъ (см. Приб. Сб. II, 268), воевалъ Литву, и предалъ всю эту страну убійствамъ, грабежамъ и пожарамъ. Существенныхъ результатовъ ливонскій магистръ, однако же, не достигъ: осенью 1433 г. въ его войскѣ обнаружилась какая то заразительная болѣзнь, вынудившая его къ отступленію. На обратномъ походѣ въ Ливонію, многіе орденскіе братья заболѣли кровотеченіемъ, заболѣлъ и самъ магистръ и умеръ гдѣ-то на пути въ Ригу въ первыхъ числахъ ноября 1433 г. Было уже выше сказано (см. стр. 79), что его мѣсто занялъ Франкъ Керсдорфскій.

Великій магистръ не могъ оказать никакого содѣйствія ни Сигизмунду, ни Свидригайлу, потому что прусская орденская братія въ 1433 г. сама подверглась опасности: Пруссія испытала нашествіе гусситовъ, свирѣпостію и опустошеніями ни чуть не уступавшихъ татарскимъ ордамъ.

Войны гусситовъ, начавшіяся съ 1419 г., не только не стихли ко времени открытія Базельскаго собора, но ожесточались болѣе и болѣе. Крайніе гусситы (табориты, орфаниты и оребиты) грабили и опустошали всѣ сосѣднія съ Чехіею страны, не давая пощады ни церквамъ, ни вообще католикамъ. Огнемъ и мечемъ они опустошили бранденбургскую мархію до Кистрина; Австрія, Ваварія, Франконія неоднократно были наводняемы ожесточенными толпами фанатиковъ. Базельскій соборъ (см. выше стр. 77) прилагалъ всякія старанія примирить гусситовъ съ церковью, но лишь съ величайшими усиліями ему удалось добиться въ маѣ 1432 г., что всѣ гусситскія партіи обѣщались прислать въ Базель депутатовъ для объясненія своихъ требованій. Депутаты явились въ Базель 6 января 1433 г. Цѣлыхъ 50 дней длились пренія собора съ этими депутатами и кончились тѣмъ, что вражда разгорѣлась еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Переговоры, прервавшіеся въ Базелѣ, возобновились въ іюнѣ 1433 г. въ Прагѣ, послѣ того какъ Сигизмундъ 31 мая короновался въ Римѣ императорскою короною и сталъ питать замыслы предоставить чешскій престолъ своему зятю Альбрехту. Переговоры продолжались въ Прагѣ до 30 ноября 1433 г., когда состоялся между уполномоченными собора и умѣренными гусситами договоръ, извѣстный подъ именемъ *пражскихъ компактатовъ*. Крайніе гусситы и слышать не хотѣли о какихъ либо соглашеніяхъ и продолжали свои опустошительныя набѣги на сосѣднія съ Чехіею земли.

Ягайло не могъ забыть того ограбленія польскихъ земель, какое великій магистръ произвелъ въ 1431 г. (см. выше стр. 85). Онъ добивался вознагражденія, но никакого вознагражденія не получалъ. Время уходило въ перепискѣ, въ бесполезныхъ сѣздахъ, въ пограничныхъ столкновеніяхъ. Оказывалось очевиднымъ, что мирнымъ путемъ нельзя добиться никакого результата, и Ягайло наконецъ рѣшился круто повернуть дѣломъ, когда увидѣлъ, что Орденъ иоддерживаетъ Свидригайла. Въ маѣ 1433 г. онъ вошелъ въ союзъ съ герцогомъ Столпепскимъ и за 10000 копъ грошей нанялъ отрядъ гусситовъ — орфанитовъ силою въ 5000 чел. пѣхоты и 900 всадниковъ съ тѣмъ, чтобы этотъ отрядъ вторгся въ Новую Мархію въ то время когда польское войско будетъ дѣйствовать съ южной границы Пруссіи. Великій магистръ во время узналъ о планѣ Ягайла, собралъ войско, нанялъ чужеземныхъ солдатъ, усилилъ крѣпости, чтобы противостоятъ Ягайлу. Было уже сказано, что гусситы были ожесточенными врагами всѣхъ духовныхъ орденовъ и давно уже зарились добраться до прусскихъ рыцарей, какъ своихъ непримиримыхъ враговъ. Въ первыхъ числахъ іюня 1433 г. гусситы перешли границу Новой Мархіи и отсюда начали свой опустошительный походъ на Пруссію. Тутъ-то съ первыхъ же дней оказалось безсиліе Ордена противиться такимъ свирѣпымъ грабителямъ, какими въ сущности были крайніе гусситы. Они не встрѣчали нигдѣ серьезнаго сопротивленія и шли отъ города къ городу и отъ деревни къ деревнѣ, истребляя все встрѣчное. Казна великаго магистра была истощена, платить наемнымъ солдатамъ было нечѣмъ, города отказывались ставить ратниковъ, сама орденская братія отказывала въ повиновеніи великому магистру. Какая ужъ тутъ оборона? Гусситы, предводительствуемые Яномъ Чапкомъ, и вспомо-

ществуемые польскими отрядами опустошили Новую Мархію, повыжгли церкви, монастыри, перебили множество народа и 6 іюля стали подъ Коницемъ, но здѣсь потерпѣли неудачу. Послѣ безплодной осады, они отошли отъ Коница и направились къ Гданску, предавая огню и мечу все встрѣчное. Въ первыхъ числахъ сентября 1433 г. они стали подъ Гданскомъ, выжгли окрестныя деревни, сожгли Оливскій монастырь и дошли до Балтійскаго моря; здѣсь они наполнили свои бутылки морскою водою, чтобы принести ее въ Чехію, какъ знакъ побѣды. Отсюда они поворотили къ Нейенбургу и Швецу продолжать разоренія. Великому магистру ничего не оставалось какъ просить у Ягайла перемирія. 13 сентября 1433 г. въ лагерѣ подъ Іесницемъ состоялось перемиріе срокомъ до Рождества этого года, съ тѣмъ чтобы 30 ноября великій магистръ и королевская рада съѣхались въ Брестъ-Куявскомъ для заключенія окончательнаго мира. Всѣ города и замки въ Новой Мархіи, коими овладѣли поляки, остаются за ними впредь до заключенія мира. Когда перемиріе было подписано, польское войско возвратилось въ свои предѣлы, а гусситы ушли домой въ Чехію.

Ягайло восторжествовалъ въ Пруссіи, гдѣ ужъ видимо все колебалось и разрушалось. Наемные солдаты, не получая договореннаго жалованья, грабили страну; землевладѣльцы и города, не спрашивая уже великаго магистра, составляли между собою собранія и заявляли требованія, на которыя волею-неволею великому магистру приходилось соглашаться. Орденское управленіе теряло уже всякую почву подъ собою. По видимому не особенно бы большаго труда Ягайлѣ стоило доконать прусскій орденъ, однако же орденъ уцѣлѣлъ, получилъ даже перемиріе въ то время, когда становился на край окончательной гибели. Дѣло объясняется очень просто: Ягайло въ сентябрѣ 1433 г. самъ находился въ положеніи далеко не блистательномъ, ему самому необходимо было поскорѣе развязаться съ прусскимъ походомъ: война со Свидригайломъ продолжалась, въ августѣ Свидригайло сжегъ Лиду, взялъ Старыя Троки, сжегъ Меречь, разбилъ литовское войско близъ Молодечны, причиняя вездѣ разоренія, а тутъ пришли вѣсти, что и перекопскіе татары, вспооществуя Свидригайлѣ, грабятъ черниговскія и кіевскія земли.

Въ послѣднихъ числахъ ноября 1433 г. орденскіе уполномоченные прибыли въ Брестъ для заключенія мира. Мира, однако, не заключили, а 15 декабря подписали перемиріе на 12 лѣтъ: обѣ стороны остаются при владѣніяхъ, какія онѣ занимали; Орденъ отказывается отъ всякихъ связей со Свидригайломъ; взятые въ плѣнъ лифляндскій орденскій маршалъ съ товарищами освобождаются.

Война съ прусскими рыцарями стихла, но усобица въ Литвѣ между Свидригайломъ и Сигизмундомъ ни мало не стихала. Въ началѣ 1434 г. король Ягайло прибылъ въ Литву, думая примирить соперниковъ, но, конечно, ни въ чемъ не успѣлъ: въ маѣ 1434 г.

онъ отправился въ Галицію, чтобы принять ленную присягу отъ молдавскаго господаря Стефана и дорогою остановился въ Медыкѣ, на берегахъ рѣки Сана. Будучи страстнымъ охотникомъ и любителемъ лѣсной природы, король слишкомъ долго пробылъ вечернею порою въ рощѣ, слушая соловья, схватилъ жестокую лихорадку и 31 мая 1434 г. умеръ на 86 году отъ рода въ мѣстечкѣ Гродекѣ, не много не доѣзжая до Львова. Тѣло его было отвезено въ Краковъ, гдѣ и погребено въ кафедральномъ соборѣ св. Станислава, а сердце положено во францисканскомъ костелѣ того же Гродека.

Такъ кончилъ свои дни Ягайло, государь во всякомъ случаѣ игравшій видную роль въ судьбахъ восточной Европы. Плодомъ его долготѣннаго царствованія, говоритъ нашъ историкъ (см. Иловайскаго Исторію Россіи II, 270) являются съ одной стороны польско-литовская унія, съ другой — ослабленіе королевской власти въ Польшѣ. По своему положенію выборнаго короля, по безпечному, уклончивому характеру и по своей расточительности, онъ былъ такимъ именно государемъ, который требовался для польскаго дворянства и духовенства, чтобы они могли пріобрѣтать себѣ все большія и большія привиллегіи и расхищать государственныя имущества. Въ свою очередь столь желанная для поляковъ унія съ обширными литовско-русскими областями сообщала политическое могущество польскому государству, а польскому дворянству и духовенству представляла новыя средства для обогащенія и для дальнѣйшихъ успѣховъ католичества въ восточной Европѣ. Продолжительность Ягайлова царствованія въ Польшѣ (около 50 лѣтъ) много послужило въ пользу этой уніи; въ особенности ей помогло то обстоятельство, что король не пережилъ столь сильнаго поборника литовско-русской самостоятельности, какимъ былъ Витовтъ.

Ягайло оставилъ послѣ себя двухъ сыновей, Владислава и Казимира, изъ коихъ старшій, Владиславъ, былъ избранъ польскими магнатами наслѣдникомъ престола еще при жизни Ягайла. Немедленно по смерти короля, избраніе это было подтверждено и десяти-лѣтній королевичъ Владиславъ былъ возведенъ на польскій престолъ и за тѣмъ 25 іюля 1434 г. коронованъ. Коронная польская рада, съ епископомъ Збигнѣвомъ Олесницкимъ во главѣ, пользуясь малолѣтствомъ короля, окончательно захватила въ свои руки правленіе государствомъ и начали дѣятельно поддерживать Сигизмунда.

Свидригайло чуть лишь получилъ извѣстіе о смерти Ягайла какъ рѣшился усиленно дѣйствовать противъ Сигизмунда. Ливонскій магистръ, вопреки Брестскаго перемирія, недавно заключеннаго между Ордеиномъ и Польшею, не отказывался поддерживать Свидригайла, тѣмъ болѣе, что императоръ Сигизмундъ остался крайне недовольнымъ заключеніемъ перемирія и еще 28 февраля 1434 г. писалъ великому магистру, чтобы тотъ помогаль Свидригайлѣ. Великій магистръ отвѣчалъ отказомъ, но, однакоже, не запрещалъ ливонскому магистру

дѣйствовать въ пользу русско-литовскаго князя, подстрекалъ его даже къ тому. Свидригайло собралъ войско, на помощь ему пришли небольшіе отряды изъ Москвы, Твери, Одоева, пришли татары и ливонскій магистръ. Соединенныя войска выступили въ походъ изъ Полоцка къ Бреславу, предавая огню и мечу все встрѣчное. Тѣмъ не менѣе походъ кончился ничѣмъ: наступили проливные дожди, дороги сдѣлались непроходимыми отъ грязи и войско Свидригайлово разошлось, ничего не достигнувъ. Лѣтомъ 1434 г. ливонскій магистръ, поддерживая Свидригайла, тремя отрядами, изъ коихъ однимъ предводительствовалъ гольдингенскій командоръ, вторгся въ Жмудь (см. Index Наперскаго № 1361), но потерпѣлъ полную неудачу: главный отрядъ, предводимый магистромъ, былъ разбитъ на голову литовцами, самъ магистръ былъ раненъ и съ трудомъ лишь съ нѣсколькими рыцарями спасся отъ гибели; второй отрядъ былъ ночью окруженъ литовцами, положилъ оружіе, и былъ поголовно истребленъ разъяренными жмудицами; третій отрядъ лишь послѣшнымъ отступленіемъ къ Двинѣ спасся отъ гибели.

Дѣла Свидригайла начали принимать дурной оборотъ, въ чемъ онъ, конечно, былъ самъ виноватъ прежде всего. вмѣсто того, чтобы воспользоваться силами своихъ русскихъ областей, сплотить ихъ и сформировать сильное войско, онъ главнѣйшимъ образомъ искалъ опоры въ внѣшнихъ союзахъ, разсылалъ посольства и письма къ тевтонскимъ рыцарямъ, императору, татарскимъ ханамъ, молдавскимъ и валахскимъ воеводамъ, искалъ покровительства папы, подавая надежды на соединеніе церквей. Всѣ эти исканія союзовъ, въ особенности заискиванія у папы, раздражали только его русскихъ приверженцевъ. Къ тому же буйный, необузданный нравъ его и жестокости, совершаемыя имъ совершенно безцѣльно и безъ нужды, отвращали отъ него все больше и больше русское населеніе. Такъ онъ велѣлъ зашить въ мѣшокъ одного изъ князей Ольшанскихъ и утопить въ Двинѣ; велѣлъ схватить митрополита Герасима, котораго по смерти Фотія посадилъ на всероссійскую митрополию, и сжегъ его живаго въ Витебскѣ (кажется за сношенія съ Сигизмундомъ). Казнь неслыханная и ужасная, которая едва-ли не болѣе всего отвратила коренныхъ русскихъ отъ Свидригайла, въ сущности человѣка совершенно неспособнаго для борьбы, къ которой обстоятельства его вызвали.

Впрочемъ, и его соперникъ, Сигизмундъ Кейстutowичъ, оказался столь же неспособнымъ быть во главѣ коренныхъ литовцевъ, какъ и Свидригайло быть главою кореннаго русско-православнаго люда. Своимъ угодничествомъ полякамъ, своими униженными отношеніями къ Польшѣ, своею безцѣльною жестокостію, съ какою онъ казнилъ Свидригайловыхъ приверженцевъ, онъ скоро отвратилъ отъ себя какъ литовскихъ князей и бояръ, такъ и всѣхъ поборниковъ политической самобытности Литвы.

Вотъ такіе-то одинаково неспособные ни къ гражданской, ни къ военной дѣятельности соперники продолжали борьбу между собою, одинъ, опираясь на поляковъ, другой на тевтонскихъ рыцарей и императора, который только манилъ Свидригайла обѣщаніями, что самъ прибудетъ въ Пруссію для вѣнчанія его королевскою короною.

1435-й годъ былъ рѣшительнымъ годомъ въ борьбѣ между соперниками. Сигизмундъ получилъ отъ поляковъ вспомогательный отрядъ силою въ 8 тысячъ человѣкъ, хорошо вооруженный и устроенный; къ Свидригайлѣ прибылъ изъ Чехіи князь Сигизмундъ Корибутовичъ, тотъ самый, который въ гусситскихъ войнахъ приобрѣлъ славу хорошаго воина и былъ избранъ гусситами въ чешскіе короли (полагаютъ что императоръ Сигизмундъ обѣщалъ этому князю добыть великое княжество литовское, чѣмъ и побудилъ его покинуть Чехію); снарядился въ походъ ливонскій магистръ Керсдорфъ, стянувшій къ себѣ всѣ силы, коими располагалъ въ Ливоніи (онъ и не подозрѣвалъ, что архіепископъ Геннингъ Шарфенбергъ за нѣкоторое время предъ тѣмъ вступилъ въ сношенія и связи съ княземъ Сигизмундомъ), прислали тайно прусскіе орденскіе рыцари свой вспомогательный отрядъ. Свидригайло съ своей стороны собралъ ратниковъ смоленскихъ, витебскихъ, полоцкихъ и вспомогательные отряды изъ Москвы и Твери. Онъ выступилъ наконецъ въ походъ изъ Витебска и 15 августа подъ Бреславомъ соединился съ войсками Керсдорфа и отрядами, которые привелъ съ собою Корибутовичъ изъ Чехіи. Прежде чѣмъ соединеніе совершилось, магистръ настаивалъ, чтобы Свидригайло ударилъ на архіепископа рижскаго и рижанъ, не желавшихъ принимать никакого участія въ борьбѣ князей; Свидригайло согласился воевать и съ архіепископомъ, и съ Ригею, но не иначе какъ послѣ изложенія Сигизмунда (см. Герна, стр. 178). Войска соединились и главное начальство надъ ними принялъ Сигизмундъ Корибутовичъ. Какъ велика была ихъ общая численность — источники не указываютъ, но нельзя сомнѣваться, что войско это было для того времени весьма многочисленное, потому что одинъ ливонскій магистръ привелъ съ собою 600 рыцарей и 20000 простыхъ ратниковъ. Главнокомандующій соединенныхъ войскъ повелъ ихъ на Вильну чрезъ Вилкомиръ. Считая неудобнымъ оставить за собою Вилкомирскій замокъ не взятымъ, онъ занялся осадою его (см. Кранца *Vandalia*, книга XI, гл. 35, въ коей описаны какъ этотъ походъ, такъ и бой подъ Вилкомиромъ.)

Князь Сигизмундъ Кейстутовичъ также приготовился къ войнѣ. По прибытіи польскаго вспомогательнаго отряда, онъ соединилъ съ нимъ собранное литовское войско и главное начальство надъ соединенными силами ввѣрилъ своему сыну Михаилу. Войско это уступало численностію войску Свидригайла, но было лучше его вооружено и устроено. Князь Михаилъ повелъ польско-литовское войско подъ

Вилкомирь. Когда Свидригайлово войско замѣтило, что литовское войско идетъ правымъ берегомъ рѣки Святой (Свѣнтэй) къ Вилкомиру, то, снявъ осаду Вилкомира, пошло на встрѣчу ему по лѣвому берегу этой рѣки. Пройдя верстъ 10 до того мѣста, гдѣ въ рѣку Святую впадаетъ рѣчка, получившая въ послѣдствіи названіе Викторіи, Свидригайлово войско остановилось; князь Михаилъ также остановился. Оба войска были отдѣлены между собою рѣкою Святою, но цѣлыя трое сутокъ простояли въ виду другъ друга, не рѣшаясь перейти рѣку и вступить въ бой между собою. Впрочемъ, непрерывный проливной дождь, поднявшій воду въ рѣкѣ, мѣшалъ наступленію. Корибутовичъ склонялъ противниковъ къ миру, предлагая передать споръ на рѣшеніе папы, императора, или кого либо другого изъ христіанскихъ государей, извѣстныхъ своею справедливостію, но самонадѣянные нѣмецкіе рыцари и слышать не хотѣли о какомъ бы то ни было примиреніи. 1 сентября утромъ Корибутовичъ распорядился отвести войско отъ рѣки на болѣе выгодную и просторную позицію; польско-литовскіе предводители, принявъ это за знакъ отступленія, бросились вплавъ на ту сторону рѣки, за ними на приготовленныхъ лодкахъ поспѣшили ратники и бросились за отступавшими войсками Свидригайла. Атака была столь стремительною, что Корибутовичъ долженъ былъ принять сраженіе, не построившись въ надлежащій боевой порядокъ. Завязался упорный и кровопролитный бой. Въ началѣ Свидригайлово войско имѣло нѣкоторый успѣхъ, но было сломлено и принуждено къ бѣгству. Ливонская орденская братія, построившись въ колонну, ударила на польскихъ всадниковъ, но потерпѣла совершенное пораженіе: въ ожесточенной схваткѣ магистръ и многіе другіе сановники были переранены, прочіе начали въ изрядномъ порядкѣ отступать къ Вилкомиру. Но по дорогѣ, почти уже у самаго Вилкомира отступавшіе наткнулись на сильный отрядъ жмудинъ, наступавшій съ тыла. Войско Свидригайлово очутилось между двухъ огней и потерпѣло тутъ совершенное пораженіе: магистръ Керсдорфъ и съ нимъ всѣ сановники (Бракель, Рутенбергъ, Лоде, Баркъ, братъ магистра Бертольдъ и многіе другіе) и ратники погибли въ бою. Для ливонской орденской братіи бой подѣ Вилкомиромъ былъ то же самое, что Грюнвальдскій бой былъ за 25 лѣтъ тому назадъ для прусскихъ рыцарей. Сигизмундъ Корибутовичъ попалъ въ плѣнъ и тутъ же умеръ отъ раны. Русскіе полки понесли огромныя потери убитыми. Погибли въ бою князья Симеонъ и Ярославъ Лугвенивичи, Михаилъ Балабанъ, князь Давидъ Ольшанскій, князь Михаилъ Львовичъ Вяземскій, Ярославъ Тверской и множество другихъ. Однихъ князей и предводителей было взято въ плѣнъ 40. Самъ Свидригайло, съ небольшимъ остаткомъ войска, спасся бѣгствомъ въ Полоцкъ, а оттуда ушелъ въ Кіевскую землю*).

*) Вотъ что пишетъ псковскій лѣтописецъ о побойсѣ подѣ Вилкомиромъ. (см. П. С. Р. Л. IV, 209): „И того лѣта (1435-е) скопиль силу великую князь Свидригайло, смольняны

Слѣдствія Вилкомирскаго пораженія были для Свидригайла самыя печальныя: области Витебская, Полоцкая и Смоленская должны были принять Сигизмундовыхъ намѣстниковъ; южные князья и бояре начали отступаться отъ него и передаваться полякамъ. Такъ князь Ѳеодоръ (Ѳедько) Ѳстрожскій, до сихъ поръ усердно державшійся Свидригайла, добровольно передался польскому королю со всеми замками и областями Подолья, которые находились подъ его начальствомъ, при чемъ получилъ отъ короля нѣкоторые изъ этихъ замковъ во владѣніе. Впрочемъ, южно-русскіе бояре начали примыкать къ полякамъ и вслѣдствіе объявленнаго при коронованіи короля Владислава III постановленія польской королевской рады, въ силу котораго коренное русское дворянство сравнивалось въ своихъ правахъ съ польскимъ. Это постановленіе соблазняло бояръ, недоумѣвавшихъ куда наконецъ примкнуть среди трудныхъ и запутанныхъ обстоятельствъ того времени.

Слѣдствія Вилкомирскаго пораженія отразились съ особенною силою въ Ливоніи. Подъ Вилкомиромъ ливонская орденская братія понесла чрезвычайныя потери: ихъ магистръ Керсдорфъ, ландмаршалъ Дитрихъ Краа, нѣсколько сотъ рыцарей погибли въ бою, онолченіе изъ 20000 ратниковъ, собранное въ Ливоніи, частію было истреблено въ сраженіи, частію взято въ плѣнъ, такъ что мало кому удалось возвратиться на родину. На мѣсто убитаго ландмаршала, орденская братія выбрала ландмаршаломъ *Генриха Букедвордскаго* (von Buckedvorde), но прозванію *Шунгеля*, и вслѣдъ за тѣмъ его же избрали ливонскимъ магистромъ. Великій магистръ не соглашался было на этотъ выборъ, но ливонская орденская братія настояла на своемъ, опираясь на то, что имъ при войнѣ съ литовцами невозможно оставаться безъ главы. Шунгель остался магистромъ и впослѣдствіи велъ переписку съ великимъ магистромъ въ качествѣ именно магистра (см. Index Наперскаго № 1399).

Вскорѣ послѣ Вилкомирскаго сраженія жмудины вторглись въ Куронію, опустошили часть этой земли, сожгли замокъ Дурбень и ушли въ свои предѣлы вполне безнаказанно. Къ счастію ливонцевъ, литовскій князь Сигизмундъ обратилъ все свои силы на овладѣніе русскими областями, стоявшими за Свидригайла, Полоцкомъ, Витебскомъ и Смоленскомъ, и оставилъ въ покоѣ Ливонію, иначе ливонцамъ было бы

и пригороды ихъ, и кіяны, и видбляны, и полочаны, и нѣмецъ, и местеръ Рижскій со всею сядою своею, и изъ заморья рать поиде на князя Жидимонта, а Жидимонтъ скопилъ яховъ, литву и жимойты, и пошли противу и ступились у Жимонтской (жмудской) земал, у Святой рѣки, и былъ бой и сѣча велика; и бысть пособіе князю Жидимонту, а князь Свидригайло побѣжалъ съ побонща, а рать всю изонмоша около его, и самъ побѣжалъ къ Полоцку на нѣмецкую землю въ малой дружинѣ, въ 30 мужей, и прибѣжалъ въ Полоцкъ, и оставилъ многихъ князей своихъ и много и нѣмецкихъ князей и добрыхъ людей и богатирей и числа нѣтъ, и вельми давно и за много лѣтъ не бывало таковаго побоища въ Литовской землѣ; а бились мѣсяца сентября въ 1^ю.

плохо. Шунгель воспользовался тѣмъ, что Сигизмундъ не тронулъ Ливонію, укрѣпилъ по возможности пограничныя съ Литвою замки и за тѣмъ приложилъ всякое стараніе примириться съ архіепископомъ Геннингомъ Шарфенбергомъ, который еще прежде находился въ сношеніяхъ и связяхъ съ Сигизмундомъ и могъ очень легко накликать бѣгу на орденцевъ, если бы призвалъ Сигизмунда въ Ливонію.*) Вотъ причины почему Шунгель и орденскіе сановники явились такими податливыми, когда ливонскіе епископы предложили устроить общій съѣздъ въ Валкѣ для рѣшенія спорныхъ вопросовъ между Орденомъ и архіепископомъ. Было уже сказано (см. выше стр. 80), что такой съѣздъ (ландтагъ) происходилъ въ Валкѣ и на немъ 4 декабря 1435 г. состоялись весьма важныя опредѣленія, рѣшавшія вопросъ объ одѣяннѣ. Но кромѣ вопроса объ одѣяннѣ на этомъ же съѣздѣ состоялись и другія рѣшенія: во первыхъ, всѣ сословія, участвовавшія въ ландтагѣ, заключили земскій миръ на шесть лѣтъ, въ силу коего воспрещались всякія самоуправства и враждебныя дѣйствія, всѣ же спорныя дѣла должны быть рѣшаемы либо третейскими судьями, или обыкновенными судами; во вторыхъ, по отношенію къ Ригѣ, было постановлено оставить этотъ городъ на 12 лѣтъ въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился во время съѣзда, съ тѣмъ чтобы ни Орденъ, ни архіепископъ не давали городу никакихъ новыхъ правъ. Мы уже видѣли, что Валкское соглашеніе было утверждено Базельскимъ соборомъ 28 сентября 1436 г. Утвержденіе, однако, безплатно не обошлось: чтобы получить оное Ордену пришлось заплатить отцамъ, засѣдавшимъ въ соборѣ, четыре или пять тысячъ гульденовъ (см. Index Наперскаго № 1402).

Вилкомірское сраженіе не осталось безъ вліянія и на ходъ дѣлъ въ Пруссіи. Мы видѣли (см. выше стр. 91), что между великимъ магистромъ и королемъ Ягайломъ было заключено 15 декабря 1433 г. перемиріе на 12 лѣтъ, но это перемиріе въ сущности ничего не устроило и ничего не опредѣлило. Для ближайшаго и точнѣйшаго опредѣленія границъ владѣній и условій перемирія обѣ стороны согласились устроить въ февралѣ 1435 г. съѣздъ въ Брестѣ Куявскомъ, но съѣздъ этотъ не состоялся: польскіе сенаторы прибыли, но орденскіе уполномоченные не явились; великій магистръ просилъ отсрочки, которая и была дана. Когда Вилкомірское побоище разрушило всѣ надежды Свидригайла и поставило Ливонію въ чрезвычайную опасность отъ литовскаго вторженія, великій магистръ началъ хлопотать объ

*) О сношеніяхъ архіепископа Шарфенберга съ Сигизмундомъ ливонская орденская братія узнала впервые только послѣ Вилкомірскаго сраженія. Имъ удалось поймать въ придвинскихъ лѣсахъ Сигизмундова гонца, возвращавшагося изъ Леневардена, гдѣ прожилъ архіепископъ. Гонца этого они убили, а изъ найденныхъ при убитомъ бумагъ и оказалось, что архіепископъ и Сигизмундъ были въ тайныхъ сношеніяхъ между собою (см. Коцебу «Preuss. alt. Geschichte III, 505»).

устройствѣ отложеннаго съѣзда. Съѣздъ былъ назначенъ въ томъ же Брестѣ на 1 декабря 1435 и къ этому сроку прибыли уполномоченные обѣихъ сторонъ: съ польской стороны прибыли архієпископъ гнѣзненскій съ большимъ числомъ сенаторовъ и литовскихъ бояръ; съ орденской стороны прибыли главный шпитлеръ Генрихъ Рейсъ Плауенскій, главный трапиръ Людвигъ Ланзе, остеродскій командоръ Вольфъ Зангеймскій и значительное число другихъ сановниковъ; прибыли уполномоченные и отъ поморскихъ князей. Четыре недѣли продолжались совѣщанія и наконецъ 31 декабря 1435 г. уполномоченные обѣихъ сторонъ подписали обширный трактатъ «вѣчнаго» мира между Польшею и Орденомъ. Главными условіями этого мира были (см. Фохта VII, 672—679): Всѣ споры между королемъ Владиславомъ польскимъ, великимъ княземъ Сигизмундомъ литовскимъ, королевичемъ польскимъ Казиміромъ, князьями Земовитомъ, Казиміромъ, Владиславомъ и Болеславомъ мазовецкими, княземъ Богуславомъ столиенскимъ съ одной стороны, и великимъ магистромъ Павломъ Русдорфомъ и всѣмъ Тевтонскимъ Орденомъ въ Пруссіи, Новой Мархіи, Ливоніи и Германіи съ другой стороны, а также всѣ происходившіе между сими сторонами убытки, обиды и недоразумѣнія считаются съ сихъ поръ не бывшими и забытыми. Союзъ Ордена съ Свидригайломъ считается уничтоженнымъ; Орденъ отрывается отъ всякихъ связей съ Свидригайломъ и обѣщаетъ впредь не входить ни въ какія сношенія съ какимъ либо княземъ литовскимъ, которыя бы не согласовались съ интересами Польши или литовскаго великаго князя Сигизмунда, а равно не оказывать помощи никакому литовскому князю, кромѣ поставленнаго королемъ польскимъ. Ни король, ни великій магистръ не будутъ воевать между собою, по воззванію, или приказу, или совѣту чьему-бы то ни было, хотя бы то папы, императора, или какого короля, или церковнаго собора и если бы нынѣшній императоръ или его наслѣдники и начнутъ войну съ которою бы то ни было договаривающеюся стороною, то другая сторона не будетъ оказывать ему никакой помощи. Жмудь и литовская Судавія остаются за великимъ княземъ литовскимъ и короною польскою; земли же Поморья, Холмская и Михайловская, остаются за Орденомъ. Торговля между подданными Польши, Литвы и Ордена объявлена свободною. Бѣглецы и преступники выдаются взаимно договаривающимися сторонами. Всѣ отступники отъ орденскихъ обѣтовъ и всѣ изгнанники изъ королевскихъ земель не будутъ терпимы первые въ Польшѣ, а другіе въ орденскихъ владѣніяхъ. Ни одинъ иностранный купецъ не будетъ арестованъ или привлекаемъ къ отвѣтственности за долги или преступленія, сдѣланныя въ другомъ государствѣ. Король обѣщаетъ не учреждать новыхъ таможенъ и уничтожить тѣ, которыя были открыты послѣ мира, заключеннаго у озера Мельно. Два командора и двое воеводъ ежегодно съѣзжаются въ Нешавѣ и Торяѣ для разбора и рѣшенія возникающихъ

споровъ и недоразумѣній. Орденъ заплатитъ королю контрибуціи 9500 золотыхъ червонцевъ венгерскихъ, и 1200 червонныхъ золотыхъ епископу куявскому за разоренное его имѣніе подъ Гданскомъ. Провинціальныи германскій магистръ обязанъ въ теченіе года привѣсить свою печать къ этому трактату, если не привѣсить и захочетъ объявить войну Польшѣ, то Орденъ не окажетъ ему помощи ни изъ Пруссіи, ни изъ Ливоніи. Черезъ каждые 10 лѣтъ трактатъ подвергается пересмотру и новому утверженію. Вслучаѣ нарушенія трактата какою либо одною изъ договаривающихся сторонъ и объявленія войны, подданные той стороны освобождаются отъ присяги.

Таковы были главнѣйшія условія «вѣчнаго» мира между Польшею и Орденомъ. Условія эти были не особенно выгодны для Ордена, но и не особенно отяготительны, тѣмъ не менѣе они возбуждали массу нареканий на великаго магистра со стороны какъ сановниковъ, такъ и братіи въ Пруссіи, Ливоніи и Германіи. Ливонскій магистръ не безъ основаній унрекалъ великаго магистра, что въ условіяхъ мирнаго договора не было ясно и положительно упомянуто объ освобожденіи всѣхъ ливонцевъ, взятыхъ въ плѣнъ въ сраженіи подъ Вилкомиромъ, и заявилъ, что рыцари и кнехты въ Ливоніи не подпишутъ договора, т. е. не приложатъ печатей до тѣхъ поръ, пока всѣ плѣнные ливонцы не будутъ освобождены. Въ Пруссіи орденскіе сановники отказывались привѣшивать печати подъ предлогомъ, что они присягали сохранить вѣчный союзъ и миръ съ княземъ Свидригайломъ. Императоръ Сигизмундъ негодовалъ на великаго магистра за заключеніе безъ его вѣдома мира и на отказъ Ордена отъ союза съ Свидригайломъ. Какой же это былъ вѣчный миръ, когда противъ его условій возстали сами же орденскіе сановники въ Пруссіи и Ливоніи, когда осуществить эти условія великій магистръ не могъ уже по тому одному, что въ орденской кассѣ денегъ не было, уплатить контрибуцію полякамъ было нечѣмъ, даже нечѣмъ было уплатить жалованья наемнымъ солдатамъ, которыхъ привелъ къ великому магистру саксонскій дворянинъ, Генрихъ Мальтиць? Къ довершенію всего, германскій провинціальныи магистръ (дейчмейстеръ) и его сановники начали доказывать, что великій магистръ не имѣетъ даже права заключать вѣчный миръ съ Польшею, а тѣмъ болѣе не имѣетъ права уступать полякамъ орденскія земли, что подобнымъ заключеніемъ мира и уступкою земель онъ нарушилъ Орзельнскіе уставы и за таковое нарушеніе подлежитъ отвѣтственности.

Само собою разумѣется, что польскіе магнаты, не получая договоренной контрибуціи отъ великаго магистра, видя, что трактатъ не имѣетъ надлежащаго утверженія со стороны орденскихъ сановниковъ, смотрѣли на Брестскій трактатъ, какъ на не осуществившійся и потому иограничныя враждебныя дѣйствія продолжались какъ бы мира и вовсе не было.

Весь 1436 г. прошелъ для великаго магистра въ неопредѣленномъ положеніи: онъ обращался къ Базельскому собору, чтобы тотъ помирилъ его съ императоромъ, писалъ къ императору, но изъ всего этого ровно ничего не выходило; всюду неповиновеніе, всюду вражда, а тутъ въ 1437 г. дейчмейстеръ вдругъ потребовалъ великаго магистра къ отвѣту за нарушеніе Орзельскихъ уставовъ.

Мы уже упоминали объ орденскомъ уставѣ, состоявшемся въ 1329 г. (т. II, 257) во время магистерства Вернера Орзельскаго (1324—1330). Уставъ этотъ, извѣстный подъ именемъ Орзельскихъ статутовъ, существеннымъ образомъ измѣнялъ положеніе великаго магистра по отношенію къ орденскимъ сановникамъ, предоставляя, какъ уже было замѣчено, важное значеніе германскому провинціальному магистру. Такъ, по орзельскимъ уставамъ, великій магистръ, безъ вѣдома и согласія магистровъ германскаго и ливонскаго, не могъ ни отчуждать, ни закладывать, ни обмѣнивать ни замковъ, ни городовъ, ни земель, ни людей, принадлежащихъ Ордену; если отчужденіе или закладъ и пр. произошли не по совѣту другихъ сановниковъ, то сдѣлка силы не имѣетъ, а германскій магистръ (дейчмейстеръ) обязанъ немедленно же пригласить великаго магистра все имъ отчужденное возратить Ордену въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Если великій магистръ этого не исполнитъ, то подлежитъ смѣщенію съ должности.

Если орденскій братъ ведетъ безпорядочную или распутную жизнь, которая позоритъ Орденъ и порождаетъ вредные толки на счетъ Ордена, то великій магистръ долженъ подвергнуть такого брата строгому взысканію. Если великій магистръ, по расположенію или по родству, окажетъ поблажку, то капитулъ обязанъ напомнить великому магистру о взысканіи; если и тогда взысканія не послѣдуетъ или назначено будетъ въ слабой степени, то дѣло передается на разсмотрѣніе дейчмейстера, который въ важныхъ случаяхъ долженъ прибыть въ Пруссію лично для разслѣдованія. Если подобныя поблажки будутъ оказаны два или нѣсколько разъ, то великій магистръ можетъ быть объявленъ неспособнымъ къ своей должности и подлежитъ къ смѣщенію.

Если великій магистръ легкомысленно нарушитъ свое клятвенное обѣщаніе или нарушитъ обѣщанія, данныя князьямъ, или какой либо землѣ, духовной или свѣтской особѣ и такое нарушеніе будетъ доказано, то объ этомъ заявляется дейчмейстеру, который со своими лучшими сановниками обязанъ прибыть въ Пруссію и созвать капитулъ. Если великій магистръ окажется виноватымъ, то смѣщается съ должности.

Если великій магистръ нарушаетъ законъ и привлечетъ къ своимъ несправедливымъ дѣяніямъ многихъ другихъ сановниковъ и братьевъ, такъ что дейчмейстеру не безопасно будетъ прибыть въ Пруссію, то дейчмейстеръ письменно приглашаетъ великаго магистра прибыть въ Германію и тотъ обязанъ слѣдовать приглашенію

Подобные законы устанавливали весьма странные отношенія между дейчмейстеромъ и великимъ магистромъ, потому что оба они, въ одно и тоже время, обязаны были и повиновеніемъ, и подчиненіемъ другъ другу. Эти орзельскіе уставы, хоть и не были внесены въ книгу орденскаго устава, но, однакоже, существовали и могли быть примѣняемы вслучаѣ надобности. Это именно и произошло, когда вѣсть о заключеніи Брестскаго мира достигла до Германіи. Какъ только орденскіе сановники германской провинціи узнали условія этого мира, то они показались имъ чрезвычайно вредными и унижительными для всего Ордена, вслѣдствіе чего земскіе командоры и командоры балействъ Франконіи, Бисена, Марбурга, Утрехта, Тюрингена, Вестфалии, Лотарингіи и Саксоніи собрались въ 1436 г. на капитулъ въ Франкфуртъ, на которомъ и было постановлено, чтобы дейчмейстеръ отправилъ великому магистру посольство съ письменнымъ, согласно орзельскихъ уставовъ, напоминаніемъ о его безпорядочномъ и несправедливомъ управленіи и приглашеніемъ воздержаться отъ противозаконныхъ поступковъ. Въ письмѣ дейчмейстера великому магистру Русдорфу вмѣнялось въ вину четыре пункта: заключеніе вѣчнаго мира съ Польшею безъ согласія на то императора и папы, отреченіе отъ союза со Свидригайломъ, уступка орденскихъ земель и людей Польшѣ и наконецъ освобожденіе подданныхъ отъ присяги и вѣрности вслучаѣ нарушенія мира. Все это наноситъ, говорилось въ письмѣ, стыдъ и позоръ всему Ордену, потому и подлежитъ отмѣнѣ. Великій магистръ отвѣчалъ на это заявленіе дейчмейстера (подробности см. у Фохта VII, 683—710) письмомъ, въ которомъ совершенно отрицалъ существованіе и дѣйствіе орзельскихъ уставовъ и резонно доказывалъ необходимость и неизбѣжность Брестскаго мира. Тогда дейчмейстеръ, Эбергардъ фонъ Заунсгеймъ, обратился къ императору Сигизмунду съ просьбою утвердить орзельскіе уставы. Императоръ утвердилъ ихъ и тѣмъ самымъ далъ возможность дейчмейстеру дѣйствовать рѣшительно и уже на неоспоримо законномъ основаніи. Дейчмейстеръ, ссылаясь на императорское утвержденіе уставовъ, послалъ 1 октября 1437 г. съ двумя командорами письмо къ великому командору, въ коемъ приглашалъ послѣдняго прибыть въ слѣдующемъ 1438 г. въ воскресенье *Capitate* на орденскій капитулъ въ Мергентгеймъ для оправданія своихъ дѣйствій, угрожая вслучаѣ неприбытія законнымъ взысканіемъ, т. е. смѣщеніемъ съ должности.

Посланіе дейчмейстера не могло не встревожить великаго магистра; нигдѣ и ни въ комъ онъ не встрѣчалъ поддержки себѣ, а тутъ изъ Базеля пришла вѣсть, что императоръ предполагаетъ внести собору предложеніе, вслучаѣ соединенія восточной и западной церквей, соединить Тевтопскій и Іоаннитскій ордена въ одинъ, прусскую отрасль упразднить, прусскую орденскую братію перевести на границы Турціи, гдѣ они, борясь съ невѣрными турками, вполне соотвѣтствовали бы

своему назначенію и цѣли, съ какою былъ основанъ весь Орденъ, наконецъ всѣ прусскія орденскія земли подѣлить между другими государями. Планъ императора въ исполненіи приведенъ не былъ, да и самъ императоръ умеръ 9 декабря 1437 г. Королемъ венгерскимъ былъ избранъ зять Сигизмунда, герцогъ Альбрехтъ австрійскій, большой благоириятель Ордена, а это и подало великому магистру надежду на улучшеніе его положенія, тѣмъ болѣе, что Альбрехтъ въ скоромъ времени былъ избранъ королемъ и чешскимъ и германскимъ. Между тѣмъ и въ Ливоніи пошли раздоры и распри между орденскою братіею. Въ декабрь 1437 г. на пути въ Пруссію умеръ магистръ Букенворде, державшій сторону великаго магистра. Пришлось выбирать магистра и тутъ-то орденская братія явно разбилась на двѣ партіи: рейнландцевъ и вестфальцевъ. Первой партіи покровительствовала великій магистръ (онъ самъ былъ родомъ изъ рейнской земли), но вторая численностію брала рѣшительный перевѣсъ надъ первою. По установившемуся обычаю, орденская братія должна была выбрать двухъ кандидатовъ, изъ нихъ великій магистръ долженъ былъ утвердить одного магистромъ. О Пасхѣ 1438 г. произошли выборы и рейнландцы выбрали кандидатомъ іервенскаго фохта Генриха Нотлебенскаго, а вестфальцы венденскаго командора Гейденрейха Финке Овербергскаго, при чемъ партія эта заявила, что если великій магистръ утвердитъ въ должности магистра ея кандидата, т. е. Оверберга, то кандидатъ противной стороны, Нотлебенъ, будетъ признанъ ландмаршаломъ, а прочія пять должностей, составляющихъ совѣтъ магистра какъ и прочія должности будутъ раздѣлены между обѣими партіями. По окончаніи выбора каждая партія отправила свои посольства къ великому магистру съ просьбою утвердить ея кандидата.

Великій магистръ, не утверждая ни того, ни другого кандидата, послалъ въ Ливонію командоровъ эльбингскаго и рагнитскаго съ письмомъ отъ 17 апрѣля 1438 г. къ орденскимъ сановникамъ, въ которомъ, напоминая ливонцамъ повиновеніе, коимъ они обязаны великому магистру, обѣщалъ въ точности исполнить все, что постановятъ посылаемые сановники. Вмѣстѣ съ симъ онъ прислалъ проектъ устава для ливонской отрасли Ордена, подписанный ливонскими командорами: ревелескимъ, гольдингенскимъ, ашераденскимъ и митавскимъ, кои всѣ принадлежали къ рейнландской партіи (см. Index Наперскаго, № 1429). По этому уставу, оставшемуся, впрочемъ, безъ примѣненія, проектировалось, чтобы орденскій магистръ не предпринималъ ничего важнаго безъ одобренія капитула; собственною властію, чтобъ не раздавалъ имѣнія въ лены; проектировалось также, что если магистръ будетъ избранъ и утвержденъ изъ одной партіи, то кандидатъ противной партіи признается ландмаршаломъ. Присланные командоры назначили магистромъ Нотлебена, а ландмаршаломъ Финка. Тогда вестфальская партія отказала въ повиновеніи Нотлебену, привела въ оборонительное

положеніе свои замки, приготовилась къ вооруженному сопротивленію и войдя въ соглашеніе съ мѣстными епископами рѣшилась жаловаться на великаго магистра собору въ Базелѣ и римскому королю (см. Index Наперскаго №№ 1433, 1434, 1437). Великій магистръ предлагалъ орденской братіи признать Нотлебена (см. тамъ же № 1438). Тогда вестфальская партія отправила посольство въ Базель, а между тѣмъ Овербергъ, пользуясь многочисленностію своей партіи, началъ отнимать у рейнландцевъ замки. До вооруженнаго столкновенія между партіями, однако, дѣло не дошло. Обѣ онѣ вступили въ переговоры между собою, собрались въ Феллинѣ и здѣсь постановили предоставить назначеніе магистра генеральному капитулу, который созовется въ Пруссіи, а пока что пусть Нотлебенъ остается ервенскимъ фохтомъ, а Овербергъ «намѣстникомъ» Ордена. Такимъ образомъ власть въ Ливоніи явилась въ рукахъ вестфальской партіи, и Овербергъ, человекъ рѣшительный и дѣятельный, не замедлилъ преклонить на свою сторону архіепископа рижскаго и другихъ ливонскихъ епископовъ раздачею подарковъ и уступкою земель, а скоро и самъ сталъ на сторону дейчмейстера, призывавшаго великаго магистра явиться на капитулъ въ Мергентгеймъ для оправданія въ своихъ дѣйствіяхъ.

Великій магистръ не хотѣлъ слѣдовать призыву дейчмейстера, но не хотѣлъ, да и силы не имѣлъ принуждать его къ повиновенію, потому и старался какъ нибудь примириться съ нимъ: отправилъ пословъ звать его на капитулъ въ Пруссію, на которомъ можно бы было порѣшить всѣ спорные внутреннія вопросы. Дейчмейстеръ отвѣтилъ (см. Фохта VII, 707), что являться ему въ Пруссію бесполезно: онъ часто бывалъ тамъ безъ всякаго успѣха, потому и остается при томъ, что постановлено въ Франкфуртѣ, великій магистръ приглашенъ на капитулъ въ Мергентгеймъ и долженъ прибыть туда. Послы воротились въ Пруссію, ничего не достигнувъ. Тогда великій магистръ, видя, что ему не добиться примиренія съ дейчмейстеромъ, созвалъ въ Маріенбургъ на капитулъ своихъ важнѣйшихъ сановниковъ и съ ихъ совѣта и согласія объявилъ Заунсгейма лишеннымъ званія германскаго провинціального магистра за неявку на капитулъ, по приглашенію великаго магистра. Это происходило о Пасхѣ 1438 г. почти въ то самое время, когда въ Ливоніи выбирали кандидатовъ на должность ливонскаго магистра. Смѣстивъ дейчмейстера, великій магистръ послалъ въ Германію грауденцскаго командора и одного торнскаго священника разрѣшить всю германскую орденскую братію отъ присяги бывшему дейчмейстеру, за тѣмъ поручить братіи, чтобы они, по древнему обычаю, избрали изъ своей среды двухъ сановниковъ, изъ которыхъ великій магистръ одного утвердить дейчмейстеромъ. Русдорфъ сильно ошибся, думая смѣщеніемъ дейчмейстера добиться отмѣны созыва капитула въ Мергентгеймѣ. Капитулъ тамъ въ назначенный срокъ все-таки состоялся, съѣздъ сановниковъ и орденской

братіи былъ весьма многочисленный, а тутъ дейчмейстеръ довелъ до общаго свѣдѣнія все вины великаго магистра, его нарушенія присяги, его противозаконныя дѣйствія по заключенію Брестскаго мира (четыре указанные выше обвинительные пункты) и пр. Съѣздъ призналъ орзельскіе уставы правильными и постановилъ вновь пригласить великаго магистра къ оправданію отъ всеѣхъ заявленныхъ противъ него обвиненій. Такимъ образомъ среди Тевтонскаго Ордена образовался сущій расколъ: одна часть сановниковъ стала на сторонѣ великаго магистра, другая и притомъ большая часть сановниковъ стала на сторонѣ дейчмейстера; въ Кульмской землѣ и Гданскѣ обнаружилось даже открытое сопротивленіе власти великаго магистра.

Положеніе Русдорфа дѣлалось самымъ тягостнымъ и критическимъ тѣмъ болѣе, что и отношенія его къ сосѣдямъ ухудшались: переговоры съ великимъ княземъ литовскимъ Сигизмундомъ объ освобожденіи ливонскихъ плѣнныхъ продолжались, но не подавали никакой надежды на соглашеніе; польскій король началъ жаловаться, что орденскіе чиновники, вопреки Брестскаго мира, притѣсняютъ польскихъ купцовъ въ Пруссіи при перевозкѣ товаровъ къ морскимъ городамъ; съ князьями мазовецкими не прекращались пограничные споры; возникли неудовольствія съ маркграфомъ Бранденбургскимъ изъ за разбойничьяго набѣга въ Новой Мархіи одного маркграфскаго ленника.

Папа Евгеній IV поддерживалъ великаго магистра, писалъ дейчмейстеру, настойчиво требуя примиренія его съ великимъ магистромъ, но что значила поддержка Евгенія IV, когда онъ самъ видимо терялъ почву подъ собою. Еще въ апрѣлѣ 1436 г. онъ окончательно разошелся съ Базельскимъ соборомъ и созвалъ, подъ покровительствомъ венеціанцевъ, свой соборъ въ Феррарѣ. Начались къ величайшему соблазну всего католическаго міра, препирательства и взаимныя проклятія между папою и Базельскимъ соборомъ. Такъ что значила поддержка такого папы, котораго въ январѣ 1438 г. соборъ объявилъ низложеннымъ за упорство, съ которымъ онъ отвергалъ значеніе вселенскаго собора, ставя власть папы выше собора.

Въ Ливоніи между тѣмъ намѣстникъ Финкъ Овербергскій, войдя въ соглашеніе съ архіепископомъ Геннингомъ, созвалъ ландтагъ въ Перновѣ, который и состоялся въ іюлѣ 1438 г. Здѣсь ландтагъ отвергъ проектъ устава, предложенный Русдорфомъ, тѣмъ не менѣе подъ вліяніемъ, кажется, буллъ папы Евгенія IV къ дейчмейстеру, требовавшаго примиренія съ великимъ магистромъ, высказался благоприятно въ пользу великаго магистра и Нотлебена. Оверберга обстоятельство это ни мало не смутило: получивъ свѣдѣнія, что гольдингенскій командоръ, Матвей Бонингенъ, будучи ревностнымъ приверженцемъ великаго магистра, тайно сообщаетъ ему извѣстія обо всемъ, что дѣлается въ Ливоніи, потребовалъ 6 августа, что бы тотъ явился въ Ригу для объясненій. Бонингенъ не явился, тогда Овербергъ, будто уже

утвержденный магистръ, потребовалъ явки вторично. Бонингенъ не посмѣлъ послушаться: явился къ Овербергу въ замокъ Цабельнъ и здѣсь вынужденъ былъ отдать Овербергу Гольдингенъ, важнѣйшую крѣпость въ Куроніи. Его назначили фохтомъ въ Росситень (Рѣжица)*). Около этого времени Овербергъ вступилъ въ сношенія и связи съ противниками великаго магистра, а на новомъ ландтагѣ, происходившемъ въ Валкѣ, ливонскіе прелаты, рыцари и кнехты (землевладѣльцы) Гарріи и Вироніи, города и духовныя учрежденія высказались противъ Нотлебена**) и двумя посланіями отъ 29 сентября 1438 г. къ прусскимъ епископамъ и прусскимъ городамъ требовали, чтобы тѣ приложили наконецъ стараніе созвать генеральный капитулъ для утвержденія одного изъ двухъ кандидатовъ (Нотлебенъ уже не считался кандидатомъ), грозя употребить силу, если просьба ихъ о созывѣ генеральнаго капитула не будетъ уважена. На этомъ же ландтагѣ, 2 октября 1438 г., всѣ ливонскія сословія и сановники признали Оверберга намѣстникомъ, обѣщая ему новиновеніе, впредь до окончательнаго назначенія и утвержденія магистра. Къ подлежащему акту о томъ привѣсили свои печати Нотлебенъ, Бонингенъ и прочіе рейнландцы***).

Такъ прошелъ весь 1438 годъ. Русдорфъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы сохранить за собою власть и санъ великаго магистра, но все было напрасно. Онъ преклонилъ на свою сторону нѣсколькихъ кардиналовъ на Базельскомъ соборѣ, имѣлъ на своей сторонѣ пану Евгенія IV, но изъ этого ничего путнаго для него не выходило. Король римскій Альбрехтъ, смѣнившій Сигизмунда, былъ сначала на сторонѣ великаго магистра, но какъ послѣдній не могъ оказать ему никакой помощи въ возникшей изъ за Чехіи войнѣ между нимъ и Польшею, то и расположеніе пресѣклось и поддержки со стороны Альбрехта ожидать было нельзя.

Наступилъ 1439 г. Великій магистръ еще въ концѣ прошлаго 1438 г. предлагалъ дейчмейстеру сѣхаться въ Пруссію для рѣшенія спорныхъ вопросовъ. 6 января 1439 г. въ Франкфуртѣ на Одерѣ Заунсгеймъ имѣлъ свиданіе съ епископомъ эрmlandскимъ и другими прусскими сановниками, но на отрѣзъ отказался прибыть въ Пруссію, не довѣряя ни охраннымъ грамотамъ, ни обѣщаніямъ Русдорфа. Рѣшили тѣмъ, что общему сѣзду быть въ Зундскомъ городѣ въ

*) Впослѣдствіи, въ 1447 г. Бонингенъ былъ командоромъ въ Виндавѣ. Графъ Эбервейль фонъ Бендгеймъ уприсялъ магистра, чтобы онъ не унижалъ Бонингена, его стараго друга и сосѣда, и оставилъ бы за нимъ командорство въ Виндавѣ по смерти (см. Index Наперскаго, № 1554).

**) Нотлебенъ самъ совѣтовалъ великому магистру утвердить ливонскимъ магистромъ не его, а другаго (см. Index Наперскаго, тотъ же № 1554).

***) Въ XV ст., какъ и въ предшествовавшія времена, лица, выдававшія грамоты, упоминались въ началѣ и концѣ оной, но за тѣмъ они грамоты не подписывали, а лишь привѣшивали свои печати.

половинѣ іюня 1439 г. Къ этому сроку сюда прибудетъ дейчмейстеръ лично, а великій магистръ и ливонцы пришлютъ своихъ нословъ.

Къ назначенному времени прибыли на съѣздъ дейчмейстеръ, избравшій своими уполномоченными четырехъ сановниковъ и двухъ ученыхъ, которые бы защищали его права, предоставленныя ему орзельнскими уставами, и еще до съѣзда сообщившій чрезъ епископа эрмландскаго великому магистру свое мнѣніе о реформахъ, какія необходимы для возстановленія порядка въ управленіи страной. Прибыли ливонскіе уполномоченные, присланные ливонскимъ намѣстникомъ Овербергомъ, о которыхъ мемельскій командоръ писалъ великому магистру (см. Фохта VII, 731), что они по своему происхожденію и поведенію не заслужили похвальной репутаціи. Прибыли наконецъ и уполномоченные великаго магистра: главный шпитлеръ Генрихъ Рейсъ Плауенскій, главный трапиръ Вальтеръ Киршкорбскій, торнскій командоръ Конрадъ Эрлихсгаузенъ и др.

По прибытіи уполномоченныхъ, немедленно же съ 14 іюня начались переговоры. Прежде всего главный орденскій шпитлеръ, Генрихъ Рейсъ Плауенскій, предложилъ условія для мирнаго соглашенія: весь Орденъ для возстановленія дружбы и единенія во всѣхъ составныхъ частяхъ его, признаетъ нынѣшняго великаго магистра своимъ главою и начальникомъ; по взаимному согласію произвести такія реформы въ управленіи, кои служили бы къ пользамъ Ордена. Для устраненія споровъ пусть великій магистръ уполномочитъ трехъ своихъ сановниковъ и столько же своихъ пусть уполномочитъ дейчмейстеръ. Вслучаѣ если эти уполномоченные не придутъ къ соглашенію между собою, пусть они выберутъ кого либо изъ орденскихъ прелатовъ въ третейскіе судьи, которые и должны все покончить и порѣшить. Эти пять человекъ выборныхъ пусть назначаютъ магистра въ Ливонію и вообще пусть они устраняютъ всѣ раздоры и споры въ Орденѣ. Дейчмейстеръ Заунсгеймъ, возражая на предложенія шпитлера, заявилъ, что онъ часто бывалъ въ Пруссіи, по вопросу о реформахъ въ управленіи много переговаривалъ и съ великимъ магистромъ и съ его сановникомъ, но изъ этого никогда ничего путнаго не выходило. Надобно, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, немедленно же рѣшить всѣ спорные пункты, а для этого, говорилъ онъ, избирайте кого желаете, а то предстанемъ вмѣстѣ предъ соборомъ, императоромъ, имперскими князьями; или запросимъ ученыхъ юристовъ въ Вѣнѣ, Эрфуртѣ, Лейпцигѣ, Кельнѣ, Гейдельбергѣ; или же передадимъ споръ на рѣшеніе рыцарству, ганзейскимъ городамъ, или же, что будетъ и лучше и проще всего, отправимся вмѣстѣ въ магистратъ Зундскаго города и попросимъ его назначить намъ пять, семь, девять судей. Ливонскій уполномоченный, ревельскій командоръ Вальтеръ Лоэ, еще прежде заявилъ (едвали не всѣхъ вѣрнѣе и справедливѣе), что напрасно

съѣзду и вступать въ переговоры, не смѣстивъ прежде всего безъ дальнихъ разговоровъ великаго магистра.

Уполномоченные великаго магистра не пошли ни на какія соглашенія и съѣздъ кончился, ровно ничего не достигнувъ (см. Index Наперскаго №№ 1460 и 1461), посѣявъ лишь сильное возбужденіе и раздраженіе между уполномоченными.

Въ то самое время, когда происходилъ съѣздъ въ Зундскомъ городѣ, въ Базелѣ совершились важныя событія. Тамъ на соборѣ еще въ апрѣлѣ 1439 г. начались пренія объ осужденіи папы, какъ еретика, не хотѣвшаго признавать значеніе вселенскаго собора. Процессъ длился съ апрѣля по іюнь и наконецъ въ іюнѣ 1439 г., въ одномъ изъ засѣданій собора, въ которомъ присутствовало около 400 членовъ, папа Евгений IV былъ осужденъ и публично въ засѣданіи 7 іюля объявленъ низложеннымъ, при чемъ всеѣмъ католикамъ подъ страхомъ церковныхъ наказаній запрещалось признавать Евгенія IV папою и повиноваться ему. Соборное запрещеніе не произвело, однако, сильнаго впечатленія въ Германіи: курфирсты торжественно объявили, что не подчиняются декретамъ ни папы, ни собора, а останутся нейтральными. Евгений IV, не признававший Базельскаго собора и созвавший свой соборъ въ Феррарѣ, перенесъ засѣданія его во Флоренцію, гдѣ и разыгралась извѣстная комедія соединенія церковей восточной съ западною, торжественно объявленнаго въ грамотѣ, обнародованной 6 іюля 1439 г. И такъ одинъ соборъ почти въ одинъ и тотъ же день низложилъ папу, а другой съ низложеннымъ папою во главѣ объявилъ соединеніе церковей, о которомъ въ сущности ни православное духовенство, ни православные греки и русскіе и слышать не хотѣли.

Когда дейчмейстеръ Заунсгеймъ и ливонскій намѣстникъ Финкъ Овербергскій узнали о низложеніи Евгенія IV базельскимъ соборомъ, то рѣшились наконецъ на шагъ (см. Арндта, стр. 435), давно уже подготовлявшійся: Эбергардъ Заунсгеймъ написалъ открытое письмо ко всеѣмъ орденскимъ сановникамъ въ Германіи (см. Фохта VII, 735), въ коемъ обвиняя брата Павла Русдорфа въ нарушеніи орденскаго устава и законовъ, объявлялъ его, въ силу орзельскихъ уставовъ, лишеннымъ сана великаго магистра, такъ какъ не слыхано и въ хроникахъ даже нигдѣ не записано, чтобы когда либо великій магистръ управлялъ дѣлами столь безчестно и несправедливо, какъ управлялъ братъ Павелъ, и что никогда Орденъ не находился въ такомъ упадкѣ, какъ въ его время. Съ своей стороны великій магистръ обратился къ орденскимъ сановникамъ въ Германіи также съ открытымъ письмомъ, въ коемъ отрицалъ всякое значеніе у орзельскихъ уставовъ, называя ихъ подложными и выдуманвыми, ибо слѣдовъ ихъ нѣтъ въ орденской книгѣ законовъ, и увѣряя, что Заунсгеймъ тайно и за спиною великаго магистра исходатайствовалъ утвержденіе этихъ уставовъ императора Сигизмунда и Базельскаго собора, что такое утвержденіе

не имѣть силы и пр. Вышло нѣчто небывалое въ исторіи Ордена: великій магистръ объявилъ, въ силу своей власти, низложеннымъ дейчмейстеру; дейчмейстеръ, въ силу орзельскихъ уставовъ, объявилъ низложеннымъ великаго магистра, а Ливонія, въ силу такихъ низложеній, оставалась безъ магистра. Много бывало неурядиць въ Орденѣ, но подобной почти что не бывало.

Открытое письмо, лучше сказать, воззваніе великаго магистра къ германскимъ сановникамъ о повиновеніи не осталось безъ послѣдствій: нѣкоторые балейства (Марбургское, Вестфальское, Биссенское и Утрехтское) пребыли вѣрными Русдорфу, но Ливонія окончательно отложила отъ него. Ревельскій командоръ, Вальтеръ фонъ Лоэ, тотъ самый, который на Зупдскомъ съѣздѣ предлагалъ низложить великаго магистра до начала всякихъ переговоровъ, прислалъ съ названнаго съѣзда въ Ливонію четыре письма дейчмейстера и орзельскіе статуты (см. Фохта VП, 740). Документы эти были публично прочитаны въ Ригѣ въ соборной церкви и были приняты съ большимъ одобреніемъ: въ Ригѣ не забыли расхищенія двухъ бочекъ золота при Керсдорфѣ (см. выше стр. 79) и со всѣхъ сторонъ кричали: великій магистръ смѣщенъ и по дѣломъ и по закону, теперь-де его не слѣдуетъ звать ни магистромъ, ни бывшемъ магистромъ, а просто братомъ Павломъ; дейчмейстеръ долженъ быть считаемъ общимъ намѣстникомъ Ордена впредь до генеральнаго капитула. Вслѣдъ за тѣмъ въ Ригѣ (по Арндту въ Венденѣ) состоялось большое собраніе ливонскихъ прелатовъ, представителей дворянства и городовъ, на которомъ намѣстникъ Гейденрейхъ Финкъ Овербергскій былъ объявленъ и признанъ *ливонскимъ магистромъ*, Генрихъ Нотлебенъ перемѣщенъ фохтомъ въ Росситень, а другіе сановники перемѣщены на другія должности. Новый магистръ, поддерживаемый архіепископомъ рижскимъ Геннингомъ, съ войскомъ отправился въ Гаррію и Виронію и принудилъ обѣ эти провинціи къ повиновенію себѣ. Такимъ образомъ ливонская и германская провинціи Ордена отложились отъ Русдорфа. Пруссія еще оставалась за нимъ, еще оказывали ему повиновеніе, но скоро и тутъ поднялось смятеніе.

Въ описываемое время, въ 1440 г., прусская провинція Ордена представляла печальное зрѣлище разрушенія и всякаго рода неурядиць. Предшествовавшія войны разорили страну, часто возобновлявшіяся моровыя повѣтрія чрезвычайно уменьшили населенія ея. Землевладѣльцы обѣднѣли, торговля большихъ городовъ упала, простой народъ былъ обремененъ налогами, а орденская братія, предаваясь распутству и дикимъ оргіямъ, вдосталь подрывала всякое благосостояніе земли. Общее неудовольствіе на орденское управленіе возросло со дня на день и уже лѣтомъ 1439 г. нѣкоторые землевладѣльцы и представители городовъ собирались въ Эльбингъ и представили великому магистру разныя свои требованія и просьбы, оставшіяся, однако, безъ послѣдствій. Въ концѣ года, когда вѣсти объ отложеніи отъ великаго магистра

германской и ливонской провинцій Ордена и низложеніи Русдорфа лейчмейстеромъ разпространились въ Пруссіи, представители прусскихъ городовъ и дворянство западныхъ прусскихъ областей собрались на совѣщаніе въ Кульмъ (см. Фохта VII, 747), и здѣсь раздались рѣзкія жалобы на орденскія управленія. „Кого изъ насъ Орденъ не обидѣлъ, чьихъ правъ и преимуществъ не нарушилъ? говорили на сѣздѣ представители городовъ и дворянства. Орденская братія, подъ видомъ расположенія, приглашаетъ къ себѣ въ гости нашихъ друзей и измѣнически умерщвляетъ однихъ, другихъ казнить безъ суда и права, безъ обвиненія и спроса, захватывая ихъ имѣнія. Насильно отбираютъ у мужей женъ, дочерей. Прежніе великіе магистры, какъ наиримѣрь Генрихъ Дузмеръ, Винрихъ Книпрое и др. благочестивые правители заботились о благосостояніи страны, охраняли города, защищали требующихъ помощи, усердно посѣщали церкви, такъ что въ чужихъ земляхъ снискали великую славу для здѣшней страны. Но эти новѣйшіе швабы, эти баварцы и франконцы, забываютъ всякій страхъ Вожій и нахально говорятъ, что мы, пруссаки, покорены мечомъ и состоимъ ихъ крѣпостными людьми. По истинѣ намъ нельзя уже сидѣть смиренно и молчать, намъ слѣдуетъ подумать какъ избавить и себя, и нашихъ потомковъ отъ невыносимаго ига“.

Наступилъ новый 1440 г., а съ тѣмъ вмѣстѣ начались и новыя сѣзды, и совѣщанія между дворянствомъ Кульмской земли и городами Кульмомъ и Торномъ. На этихъ сѣздахъ появилась мысль о тѣсномъ соединеніи дворянства съ городами, объ образованіи союза между собою для отпора общими силами беззаконію и для осуществленія справедливыхъ желаній и требованій. Мысль о союзѣ, товариществѣ Ящерицы въ большихъ размѣрахъ, скоро нашла откликъ въ сосѣднихъ съ Кульмскою землею округахъ. Русдорфъ вмѣсто того, чтобы выслушать и обсудить желанія и требованія землевладѣльцевъ и городовъ, воспретилъ городамъ составлять сѣзды, но на его запрещеніе никто не обратилъ вниманіе. Въ Эльбингѣ состоялся въ началѣ 1440 г. новый сѣздъ, на которомъ уже прямо заговорили о заключеніи союза между землевладѣльцами для противодѣйствія несправедливостямъ и сомоволіямъ, кои властители земли, т. е. Орденъ, дозволяютъ себѣ по отношенію къ городамъ и земскимъ жителямъ, и между прочимъ постановили, дабы магистратъ каждаго города посовѣтовался со своимъ гражданствомъ объ основаніяхъ будущаго союза и за тѣмъ на слѣдующемъ сѣздѣ представить результаты совѣщаній. Великому магистру была еще ранѣе представлена просьба о созваніи общаго сѣзда. Онъ обѣщаль созвать такой сѣздъ и обсудить требованія сословій, т. е. городовъ и землевладѣльцевъ, Stadt'овъ и Land'a. Въ ожиданіи общаго сѣзда, состоялся вторично сѣздъ въ Эльбингѣ, на которомъ были формулированы главнѣйшія требованія и желанія сословій, именно: 1) чтобы ежегодно составлялось общее собраніе (общій судъ, *gemeines Gericht*), къ которому

всякій бы могъ приносить свои жалобы и который бы обсуждалъ какъ жалобы, такъ и мѣры къ улучшенію управленія; 2) чтобы каждый оставался при своихъ нравахъ и преимуществахъ; пошлины и прочіе сборы, наложенные нынѣшнимъ великимъ магистромъ безъ согласія сословій, должны быть отмѣнены; 3) сборы съ мельницъ не должны быть возвышаемы; великій магистръ долженъ положить предѣлы торговлѣ и промысламъ, кои командоры и орденскіе сановники производятъ къ величайшему вреду купцовъ и бюргеровъ. Эти предварительныя требованія были предъявлены Русдорфу, который отвѣтилъ на нихъ частію отрицательно, частію уклончиво. „У васъ сви привилегіи, у насъ свои“, говорилъ онъ. На просьбу назначить возможно скорѣе общій сѣздъ со всей земли, онъ также уклончиво отвѣтилъ, что предъ пасхою нельзя назначить сѣзда. Тогда сословія, видя что отъ Русдорфа имъ не добиться ничего опредѣленнаго и положительнаго, постановили: составить общій сѣздъ по собственному почину, такъ какъ магистръ не желаетъ созывать сѣзда въ скоромъ времени.

Отношеніе землевладѣльцевъ и городовъ въ Пруссіи къ Ордену такимъ образомъ запутывались и усложнялись болѣе и болѣе, но это бы еще не бѣда: отношенія эти могли и улучшиться, если бы въ самомъ Орденѣ именно въ это время не послѣдовало событій, ясно уже предвѣщавшихъ распаденіе и разложеніе всей прусской отрасли Ордена. Дѣло въ томъ, что лучшая часть орденской братіи въ Пруссіи давно уже возмущалось необузданно распутнымъ образомъ жизни, какое большинство братіи вело въ своихъ конвентахъ и домахъ и негодовало на легкость, съ какою недостойные люди принимались въ число братіи. Прежде, при приѣмѣ въ число братіи, еще соблюдались кое-какія строгости и требованія устава, принимались дворяне по преимуществу изъ нижней Германіи, Вестфалии, Саксоніи, Брауншвейга, Рейнской земли. Объ этихъ строгостяхъ и требованіяхъ устава давно уже забыли и въ число братіи начали принимать безъ всякихъ испытаній молодыхъ, неопытныхъ людей изъ Швабіи, Баваріи и Франконіи, которые вступали въ Орденъ лишь для того, чтобы весело пожить на всемъ на готовомъ, для которыхъ всякій законъ былъ невыносимою тягостію. Командоры жаловались на свою распутную братію, старались обуздать ее, но ничего не достигали съ людьми, погрязшими въ порокахъ, не признававшими никакого закона, не знавшими ни стыда, ни совѣсти. Число такой братіи возрастало болѣе и болѣе, они начали преобладать въ конвентахъ и домахъ; а пользуясь преобладаніемъ нерѣдко получали командорства и занимали другіи орденскія должности*). Орденская братія постепенно начала

*) Отсюда произошло известная поговорка:

Es mag hier niemand Gebietiger seyn
Er sey dann Baler, Schwabe oder Frankelein.

(см. Шина. Истоки Пруссіи, стр. 135 и древнюю прусскую хронику стр. 53)

разбиваться и наконецъ совершенно разбилась на двѣ партіи: верхне-нѣмецкую (баварцы, швабы и франконцы) и ниже-нѣмецкую. Въ однихъ конвентахъ и домахъ преобладали одна, въ другихъ другая партія. Слабый, нерѣшительный Русдорфъ былъ безсиленъ бороться съ возраставшимъ зломъ, нотакалъ расиутству, ввѣрялъ должности людямъ недостойнымъ, окружилъ наконецъ и себя людьми недостойными. Конвенты и дома явились центрами оргій, раздоровъ, неурядиць всякаго рода и дѣло наконецъ дошло до того, что три конвента — Кенигсбергскій, Балгскій и Бранденбургскій, отказали въ повиновеніи великому магистру, вступили въ совѣщаніе между собою и даже постановили выступить совсѣмъ изъ Тевтонскаго Ордена и вступить въ другой военно-монашескій орденъ. Въ Эльбингскомъ конвентѣ замковый командоръ не смѣлъ даже и заикаться предъ орденскою братіею о законѣ или приказахъ великаго магистра; даже въ Маріенбургскомъ конвентѣ, въ мѣстопробываніи великаго магистра, разыгралась однажды сцена неповиновенія столь дикая, что Русдорфъ, боясь насилія, вынужденъ былъ бѣжать въ Гданскъ, гдѣ его хотя и приняли, но съ большимъ недовѣріемъ. Скоро три названные восточные конвенты, къ нимъ впослѣдствіи присоединились и другіе конвенты, дошли до того, что силою отобрали у ненавистнаго имъ орденскаго маршала Рабенштейна ключи и печать и объявили его смѣщеннымъ съ должности (см. Фохта VII, 755). Русдорфъ вынужденъ былъ перенести такое самоуправство и назначить на должность орденскаго маршала Конрада Эрлихсгаузена (впослѣдствіи великій магистръ); хотѣлъ было Рабенштейна, своего друга, назначить командоромъ въ Торнъ, но это ему не удалось: въ Торнѣ обнаружилось открытое возмущеніе противъ такого назначенія.

При такомъ-то упадкѣ всякой дисциплины среди орденской братіи, при безсиліи и бездѣйствіи власти великаго магистра, въ воскресенье Reminiscere 1440 г. собрался въ Эльбингъ общій съѣздъ представителей землевладѣльцевъ и уполномоченныхъ отъ всѣхъ прусскихъ городовъ. Съѣздъ формулировалъ свои жалобы и требованія въ 14 статьяхъ, полностью приведенныхъ въ „Исторіи Пруссіи“ Шица, стр. 106—108. Главнѣйшія жалобы состояли въ слѣдующемъ: Орденъ дозволяетъ себѣ произвольно возвышать наложенные сборы; безъ всякаго вѣдома и согласія сословій заключаетъ трактаты съ иноземными странами; поддерживая литовцевъ, Орденъ порвалъ миръ съ Польшею и чрезъ это подвергъ Пруссію разореніямъ; низложеніе великаго магистра Плуэна произведено безъ одобренія сословій; орденскіе сановники силою не дозволяютъ законныхъ съѣздовъ сословій, взимаютъ деньги на улучшение монеты, а монета остается такого же дурнаго качества, какъ была во времена Валенрода; Орденъ присваиваетъ себѣ сборъ съ приходящихъ и отходящихъ кораблей въ приморскихъ городахъ, сборъ извѣстный подъ именемъ *пфундъ-цолл*; присваиваетъ себѣ

имѣнія, на которыя нѣтъ прямыхъ мужескаго пола наслѣдниковъ; Орденъ противозаконно вмѣшивается въ городскія права; обезглавилъ двухъ землевладѣльцевъ безъ суда и права; одного дворянина замуровалъ въ башнѣ; эльбингскій командоръ обезглавилъ одного монаха за то, что онъ позвалъ его къ суду въ Римъ, и умертвилъ одного знаменосца за то, что тотъ требовалъ своего жалованья; курляндскій фохтъ неретонилъ 16 человекъ, желавшихъ искать своего права въ Римѣ; великій магистръ Плуэнъ, командоръ Нейденбургскій и треслеръ Маріенбургскій захватили многихъ рыцарей (землевладѣльцевъ*), купцовъ и др. почетныхъ лицъ и умертвили ихъ; командоръ Торнскій умертвилъ одного плотника, чтобы жить съ его женою; этотъ же командоръ умертвилъ трехъ гданскихъ бургомистровъ, вопреки данной имъ охранной грамоты и безъ всякаго суда и права, а у вдовъ тѣхъ бургомистровъ ограбилъ имущество за то, что они жаловались на убійство ихъ мужей; никто не можетъ найти управы на Орденъ, а свидѣтелей, кои показываютъ не то чего хочется Ордену, садятъ въ башни и бьютъ; Орденъ постыдно обманываетъ крестьянъ при ихъ поставкахъ; сановники по своему произволу мѣняютъ вѣсь и мѣры; вольныхъ людей принуждаютъ къ службѣ, къ которой они не обязаны; сановники ведутъ торговлю и пока не продадутъ своихъ товаровъ, не изволяютъ никому торговать; наконецъ распутство и безчинства орденской братіи остаются безнаказанными, въ конвентахъ безчестятъ женщинъ и дѣвушекъ; надъ бѣдными людьми свирѣпствуютъ какъ волки надъ овцами, не оставляющіе послѣднимъ ни шерсти, ни шкуры.

Четырнадцать обвинительныхъ статей были немедленно распространены по всей землѣ; шесть большихъ городовъ пригласили всѣ малые города принять участіе въ новоучреждаемомъ союзѣ, прислать въ Маріенвердеръ къ воскресенью Юдика, 14 марта 1440 г., уполномоченныхъ для подписанія т. е. привѣщиванія печатей къ имѣющему быть составленному акту сѣзда. Точно такое же приглашеніе сдѣлали рыцарства (землевладѣльцы) западныхъ провинцій къ рыцарствамъ провинцій восточныхъ. Къ назначенному сроку въ Маріенвердеръ сѣхались 51 представитель рыцарствъ и уполномоченные отъ 21 города и здѣсь составили и припечатали актъ, коимъ учредился *Прусскій Союз* (подробности см. Фохта VІІ, 763). Сущность союза заключалась въ слѣдующемъ: желаемъ и общаемъ во всей точности исполнять все то, что исполнять обязанъ подданный своему властителю, вслѣдствіе чего властитель обязанъ сохранять наши права и свободы нерушимыми. Вслучаѣ насилія надъ нами, мы будемъ приносить жалобу великому магистру; если жалоба имъ удовлетворена не будетъ, таковая пред-

*) Между этими рыцарями былъ рыцарь рижскаго архіепископства, Іоаннъ Даленскій, умерщвленный прусскими властителями въ 1416 году (см. Index Наперскаго, №№ 724 и 725). Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, Орденъ въ видѣ эпистоли за убійство сдѣлалъ три вклада (викаріи) на номинированіе души убитаго.

ставляется великому земскому суду (ландгерихту), если и за тѣмъ жалобы остаются безъ удовлетворенія, то мы соединимся всѣ вмѣстѣ для дѣйствія противъ насильника. Къ новоучрежденному союзу начали постепенно одинъ за другимъ примыкать города и землевладѣльцы другихъ провинцій, такъ что въ скоромъ времени большая часть Пруссіи приступила къ союзу; и лишь Самія и Натангія приняли меньшее участіе въ союзѣ, чѣмъ другія провинціи.

Русдорфъ, одинаково боявшійся и сопротивленія своей же орденской братіи, и сопротивленія сословій, рѣшилъ формально утвердить учрежденіе и существованіе Союза. 39 орденскихъ сановниковъ, командоровъ и должностныхъ лицъ изъявили свое согласіе на такое утверженіе (см. Фохта VII, 771), одни изъ угожденія великому магистру, другіе изъ боязни подвергнуть Орденъ опасности, но большая часть дала согласіе неискренно, рассчитывая со временемъ уничтожить Союзъ. Прочіе сановники роптали на податливость великаго магистра и громко говорили, что не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не уничтожатъ Союза и силою не принудятъ къ повиновенію взбунтовавшихся орденскихъ подданныхъ. Отъ угрозъ они перешли къ дѣлу: однажды ночью они напали на имѣнія 17 дворянъ, наиболѣе преданныхъ Союзу, избили этихъ дворянъ, дворы ихъ сожгли, но, однакоже, этимъ насиліемъ ничего путнаго для себя не только ничего не приобрѣли, напротивъ побудили многихъ землевладѣльцевъ пристать къ Союзу, а прежде приставшихъ побудили тѣснѣе сблизиться и соединиться между собою для защиты отъ насилій.

Такъ возникъ и образовался Прусскій Союзъ, начавшій съ самаго своего появленія приобретать большее и большее вліяніе на управленіе странюю.

Утвердивъ существованіе Прускаго Союза, Русдорфу пришлось согласиться и на открытіе общаго сѣзда для обсужденія общихъ всей страны дѣлъ. Первый такой общій сѣздъ послѣдовалъ въ Вознесенье 1440 г. въ Эльбингѣ. Сюда собрались въ большомъ числѣ уполномоченные землевладѣльцевъ и городовъ, явились уполномоченные и отъ тѣхъ трехъ конвентовъ, которые отказали въ послушаніи великому магистру, чтобы сообща обсудить мѣры для охраны правъ и преимуществъ сословій (см. Фохта VII, 772). Прежде всего сѣздъ занялся обсужденіемъ вопроса о таможенныхъ пошлинахъ, при чемъ великій магистръ согласился отмѣнить ихъ, за тѣмъ обсуждали споръ, возникшій между Орденомъ и тремя конвентами, опредѣлили сколько изъ какихъ народностей выбирать должностныхъ лицъ, положили, чтобы оба магистра, германскій и ливонскій, прибыли въ Пруссію для улаженія общихъ отношеній между орденскими провинціями, и наконецъ постановили, что общій земскій судъ, учрежденіе котораго такъ добивался Союзъ, долженъ состоять изъ 16 членовъ, по 4 лица отъ прелатовъ, Ордена, землевладѣльцевъ и городовъ. Общій земскій судъ былъ открытъ въ томъ же 1440 г. и на первомъ же засѣданіи

землевладѣлецъ Гансъ Байзенскій принесъ жалобу на архіепископа эрmlandскаго, въ области котораго находились его имѣнія, въ томъ что архіепископъ силою отнялъ у него озеро и не возвращаетъ до настоящаго времени. Дѣло было рѣшено въ пользу Байзена. Такое рѣшеніе въ пользу истца побудило и многихъ другихъ подать въ судъ жалобы на насилія. Жалобъ было подано множество: одни требовали наказанія орденской братіи за увозъ женъ и дочерей; другіе требовали освобожденія ихъ друзей изъ орденскихъ тюремъ; иные требовали отомщенія за убійство ихъ родственниковъ и пр. и пр. Скопилась цѣлая масса жалобъ на насилія въ давнія и новѣйшія времена, на людей живущихъ и уже умершихъ. Судъ постановилъ принимать жалобы лишь на лицъ живущихъ и лишь на злоупотребленія нынѣшняго правительства. Орденская братія присутствовала въ судѣ въ качествѣ посторонней публики (арбитровъ) и здѣсь впервые услышала, что ихъ своеволие, произволъ и жестокости не будутъ сходить имъ даромъ, какъ сходили до сихъ поръ. Они подняли шумъ и крики, прервали засѣданіе суда и не допустили другихъ засѣданій. Но какъ ни бились они уничтожить и Союзъ, и общій судъ — но ни въ чемъ не успѣли. Три конвента и ихъ приверженцы (по видимому, вся партія вестфальцевъ) тѣсно соединились съ магистрами ливонскимъ и германскимъ и всѣмъ Прусскимъ Союзомъ и настояли на томъ, чтобы обѣимъ магистрамъ были выданы охранныя грамоты для того, чтобы они могли прибыть въ Пруссію для устройства внутреннихъ дѣлъ и отношеній въ этой странѣ. Великій магистръ волею — неволею согласился выдать охранныя грамоты и въ октябрѣ 1440 г. въ Гданскъ прибыли оба магистра, великій магистръ, два епископа и уполномоченные землевладѣльцевъ и городовъ. Здѣсь открылись совѣщанія по улаженію совершенно расшатавшихся отношеній между орденскими провинціями и въ самомъ Орденѣ. Первый вопросъ, какой предложили оба магистра, былъ: безусловно признать какъ подлинность, такъ и дѣйствіе орзельскихъ уставовъ. Избраны были 16 лицъ изъ уполномоченныхъ отъ сословій посредниками между великимъ магистромъ и обоими провинціальными магистрами, которые обѣщали быть уступчивыми во всѣхъ пунктахъ, лишь бы только великій магистръ искренно призналъ орзельскіе уставы. Спорили долго и наконецъ согласились передать обсужденіе особой комиссіи эти уставы и подчиниться приговору оной. Вслѣдствіе этого 16 ноября 1440 г. были составлены предварительныя (прелиминарныя) статьи примиренія между тремя магистрами (см. Index Наперскаго № 1469) и за тѣмъ было положено собраться въ слѣдующемъ 1441 г. въ день св. Іакова въ Штетинѣ для продолженія переговоровъ, въ основѣ коихъ должны быть положены эти предварительныя статьи. Тутъ только престарѣлый, полубольной Русдорфъ понялъ, что ему не подъ силу бороться съ обстоятельствами и поддержать разлагающійся Орденъ. Въ концѣ 1440 г. онъ прибылъ

изъ Штетина въ главный орденскій домъ въ Мариенбургѣ и заявилъ сановникамъ, что слагаетъ съ себя должность великаго магистра. Созвали велѣдствіе этого капитулъ въ Мариенбургѣ и здѣсь 2 января 1441 г. составили актъ отреченія. Русдорфъ прожилъ послѣ этого не болѣе недѣли: 9 января 1441 г. онъ умеръ въ Мариенбургѣ, послѣ почти 19-ти лѣтняго большею частію несчастнаго управленія орденскими дѣлами. Въ самомъ печальномъ положеніи оставилъ онъ Орденъ въ Пруссіи: ливонская и германская провинціи почти совсѣмъ отпали отъ власти великаго магистра; въ средѣ орденской братіи образовались партіи; западныя провинціи Пруссіи начали видимо отдѣляться отъ восточныхъ, а Пруссскій Союзъ видимо вступалъ въ силу, чтобы забрать въ свои руки все управленіе. Орденская касса была истощена до крайности, а безъ денегъ нечего было и думать о наймѣ солдатъ, слѣд. нельзя было и думать о сопротивленіи внѣшнимъ непріятелямъ. Орденской братіи при такихъ обстоятельствахъ нельзя было медлить съ выборомъ новаго магистра, какъ нельзя было откладывать приведеніе въ порядокъ отношеній между орденскими провинціями.

Послѣ отреченія Русдорфа отъ должности, прусскіе орденскіе сановники послали магистрамъ германскому и ливонскому приглашеніе прибыть въ Мариенбургъ на выборы. Оба магистра, войдя въ предварительное соглашеніе между собою и получивъ вѣрныя охранныя грамоты, прибыли въ началѣ апрѣля 1441 г. въ Мариенбургъ и здѣсь приступили 12 апрѣля къ выборамъ великаго магистра. Единогласный выборъ палъ на орденскаго маршала *Конрада Эрлихсгаузенскаго*, того самаго, который былъ назначенъ орденскимъ маршаломъ по настоянію и требованію трехъ, возставшихъ противъ Русдорфа, конвентовъ, Кенигсбергскаго, Балгскаго и Бранденбургскаго. Выборъ оказался очень удачнымъ, потому что Эрлихсгаузенъ, быть можетъ, былъ единственный человѣкъ изъ всѣхъ современныхъ ему орденскихъ сановниковъ, который наиболѣе былъ способенъ управлять дѣлами при тогдашнихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ. Безспорно способный и разумный, онъ отлично хорошо понималъ свое положеніе и умѣлъ принаравливаться къ обстоятельствамъ, ни мало не теряя своего достоинства*). На первыхъ порахъ ему предстояло прежде всего уничтожить гибельный расколъ въ самомъ Орденѣ и онъ исполнилъ эту задачу съ большимъ тактомъ. Немедленно же послѣ избранія онъ вошелъ въ соглашеніе съ двумя магистрами касательно назначенія третейскаго суда, который бы рѣшилъ вопросъ объ орзельскихъ уставахъ. Эрлихсгаузенъ, не выжидая рѣшенія третейскаго суда, въ іюль 1441 г., по соглашенію

*) Новый великій магистръ былъ родомъ франконецъ. Съ 1415 по 1418 былъ онъ компаномъ въ службѣ великаго магистра Михаила Штернберга; за тѣмъ въ 1421 былъ фохтомъ въ Рогенгаузенѣ; потомъ въ 1432 г. былъ командоромъ въ Рагнитѣ. Въ 1434 г. исправлялъ должность орденскаго маршала, былъ потомъ командиромъ въ Альтгаузѣ и Ториѣ и въ 1440 г. исторично принялъ на себя важную должность орденскаго маршала.

съ своими сановниками, объявилъ, что принимаетъ орзельскіе уставы безъ всякихъ перемѣнъ и обѣщаетъ неуклонно поступать по содержанію ихъ. Такимъ объявленіемъ уничтожалась рознь между магистрами. За тѣмъ Эрлихсгаузенъ призвалъ ливонскаго намѣстника Финка Овербергскаго ливонскимъ магистромъ, утвердилъ его въ этой должности и предложилъ новый уставъ для ливонской орденской братіи (см. Index Наперскаго № 1474 *), въ силу котораго каждый ливонскій магистръ въ исправленіи своей должности могъ дѣйствовать самостоятельно и независимо отъ кого либо. Такими уступками Эрлихсгаузенъ уничтожалъ расколъ въ Орденѣ и всѣ орденскія провинціи возвращались къ старымъ формамъ повиновенія великому магистру. Это было на первыхъ порахъ самое главное: Орденъ возвращался къ единству, слѣд. великій магистръ могъ рассчитывать, что ему удастся снова поставить Орденъ на ту высоту, на которой онъ находился до Грюнвальдской катастрофы.

Во время смутъ и неурядицъ, происходившихъ въ Орденѣ въ въ послѣдніе шесть лѣтъ магистерства Русдорфа, ни папа, ни императоръ, ни литовскій князь, ни польскій король не вмѣшивались въ орденскія дѣла: у cadaго изъ нихъ были свои заботы на столько важныя, что прямого вмѣшательства и нельзя было ожидать.

Было уже выше сказано (стр. 107), что Базельскій соборъ 7 іюля 1439 г. объявилъ низложеніе папы Евгенія IV, который, конечно, и не думалъ подчиняться соборному рѣшенію. Собору пришлось выбирать новаго папу, который бы не нуждался въ чужой помощи и могъ поддержать свое достоинство собственными силами. Трудно было подыскать такого человѣка, тѣмъ болѣе, что германскіе курфирсты заявили, что, сохраняя нейтралитетъ, не будутъ подчиняться декретамъ ни папы, ни императора. Выборъ однако состоялся въ ноябрѣ 1439 г. и папою былъ объявленъ графъ савойскій Амадей, ведшій въ монастырѣ въ Ринайлѣ на Женевскомъ озерѣ строго монашескую жизнь. — Амадей, не носившій никакого духовнаго сана, принялъ выборъ, отправился въ Базель, гдѣ 24 іюля 1440 г. отслужилъ обѣдню, какъ папа, и принялъ имя Феликса V. Такимъ образомъ въ католическомъ мірѣ появился снова расколъ; папа Евгений IV перенесъ свой соборъ изъ Флоренціи въ Римъ, а папа Феликсъ V, назначивъ себя 22 кардинала, жилъ попеременно въ Базелѣ, Лозаннѣ и Женевѣ; явились двое папъ, взаимно проклинавшихъ другъ друга и два собора, взаимно исключавшихъ другъ друга. Каковъ же могъ быть авторитетъ ихъ въ

*) По этому уставу, въ орденскую братію слѣдовало принимать лицъ благороднаго происхождения и незазорнаго образа жизни; братія должна постоянно и неизмѣнно присутствовать при богослуженіяхъ; магистръ снабжаетъ конвенты всѣмъ необходимымъ; по смерти брата-рыцаря его оружіе и лошади остаются въ домѣ, серебряныя вещи сдаются въ орденскую казну, а одежда и посуда дѣлится между бѣднѣйшими брагьями. По смерти магистра, его палаты и шкафы печатаются, а въ исправленіе его должности вступаетъ ландмаршалъ.

глазахъ католиковъ и чему удивляться, если на соборныя опредѣленія и на панскіе декреты никто не обращалъ вниманія. Евгеній IV настаивалъ, чтобы дейчмейстеръ примирился съ Русдорфомъ; Базельскій соборъ потребовалъ однажды, чтобы все три магистра прибыли въ Базель для объясненій, но, конечно, и посланія и требованія оставались безъ всякихъ послѣдствій: магистры и не думали объ исполненіи ихъ.

Императоръ Сигизмундъ умеръ, какъ уже было оказано (стр. 102) въ моравскомъ городѣ Знаймѣ 9 декабря 1437 г. Его зять Альбрехтъ былъ признанъ королемъ венгерскимъ и принялъ германскую корону, но послѣ того жилъ не болѣе года: онъ умеръ 27 октября 1439 г. Старшій его сынъ, Фридрихъ, наслѣдовалъ отцу въ Штирии, Каринтіи и Крайнѣ. Его въ 1440 г. избрали германскимъ королемъ. Это былъ человѣкъ любившій покой, удобства, деньги, пышность и наслажденія и совершенно не способный стоять во главѣ правленія среди трудныхъ обстоятельствъ, въ какихъ находилась Германія въ это время. Гдѣ ужъ Фридриху было думать объ Орденѣ, когда онъ не могъ принудить къ новиновенію даже своихъ собственныхъ вассаловъ, графовъ Цилли и рыцаря Ульриха Эйцингера, который въ маѣ 1441 г. когда въ Маріенбургѣ былъ уже избранъ великимъ магистромъ Конрадъ Эрлихсгаузенскій, пошелъ съ другими рыцарями войною на короля Фридриха, да и какое могло быть вмѣшательство и властное слово короля, когда значеніе его въ Германіи упало до крайности и какого либо законнаго порядка и въ поминѣ не было въ этой странѣ.

Посмотримъ въ какомъ положеніи была Литва послѣ Вилкомірскаго сраженія 1 сентября 1435 г. и Польша послѣ Брестскаго мира, заключеннаго съ Орденомъ 31 декабря того же 1435 года.

Разбитый подъ Вилкомиромъ, Свидригайло бѣжалъ въ Полоцкъ. Князь Сигизмундъ Кейстutowичъ оставилъ въ покоѣ Ливонію, а обратилъ вниманіе на овладѣніе кривскими землями, въ коихъ держался Свидригайло. Это ему удалось безъ особенныхъ хлопотъ. Его сынъ, Михаилъ Сигизмундовичъ, занялъ Смоленское и Витебское княжества; Свидригайло изъ Полоцка ушелъ въ Кіевскую область и все еще надѣялся получить помощь отъ императора Сигизмунда, посылалъ къ нему пословъ и конечно по напрасну, потому что Сигизмундъ и не могъ оказать ему никакой существенной помощи или поддержки. Весь 1436 г. прошелъ въ мелкой войнѣ воеводъ Свидригайловыхъ съ воеводами Сигизмунда. Свидригайло терпѣлъ неудачи за неудачами, помощи со стороны Ордена, на котораго онъ такъ надѣялся, заключая союзы съ нимъ, не было, и наконецъ въ его власти остался только Кіевъ, который успѣшно оборонялъ воевода Юрша, часть Подолии, да часть Волыни съ городами Луцкомъ и Кременцомъ. Видя невозможность бороться съ Сигизмундомъ, Свидригайло поѣхалъ въ Краковъ и здѣсь 13 октября 1436 г. предложилъ королю и магнатамъ быть ленникомъ

польской короны лишь бы поляки защитили его против Сигизмунда. Предложеніе было принято, но пользы ему никакой не принесло, потому что Сигизмундъ не прекращалъ военныхъ дѣйствій, добываясь Кіева, Волини и Подолья, другими словами добываясь окончательнаго низложенія своего соперника. Въ 1437 г. Сигизмундъ снарядилъ два войска для борьбы съ Свидригайломъ. Одно войско ударило на Кіевъ, но было съ урономъ отбито Юршею; другое войско осадило Луцкъ, но также безуспѣшно. Тогда Сигизмундъ 13 августа 1437 г. прибылъ въ Краковъ, богато одарилъ подарками польскихъ сенаторовъ, и преклонилъ ихъ на свою сторону. Въ Гроднѣ состоялось соглашеніе, въ силу котораго Сигизмундъ обѣщалъ сохранить унію съ Польшею до его смерти, князь Михаилъ Сигизмундовичъ будетъ владѣть лишь княжествомъ Трокскимъ, Вильна будетъ сдана королю Владиславу или его преемнику, а за все за это Луцкъ долженъ быть отданъ Сигизмунду съ тѣмъ, чтобы по его смерти городъ этотъ былъ присоединенъ къ Польшѣ. Свидригайло, покинутый всѣми, боясь попасть въ руки своего злѣйшаго врага, бѣжалъ изъ Луцка въ Валахію и пребывалъ нѣкоторое время то въ этой землѣ, то въ Галичинѣ, то въ Угріи. Луцкъ былъ отданъ Сигизмунду и уособица въ Литвѣ прекратилась.

Скоро послѣ этого польскіе магнаты ввязались въ чешскія и венгерскія дѣла, чѣмъ и были отвлечены отъ дѣлъ и событій, совершившихся въ Орденѣ. 8 декабря 1438 г. король Владиславъ польскій на сеймѣ въ Петровѣ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, при чемъ всѣ права Сигизмунда были подтверждены и ему были предоставлены Кіевъ и Волинь съ условіемъ, что Волинская земля, по его смерти, перейдетъ во владѣніе польской короны.

Было уже сказано, что по смерти императора Сигизмунда, его зять, Альбрехтъ, явился наслѣдникомъ король венгерской и чешской. Католики въ Чехіи признали Альбрехта своимъ королемъ еще при жизни Сигизмунда, но гусситы (утраквисты и табориты) предложили чешскую корону тринадцатилѣтнему польскому королевичу, Казиміру Ягайловичу, младшему брату короля Владислава. На сеймѣ въ Петровѣ, происходившемъ 4 мая 1439 г., польскіе магнаты приняли предложеніе гусситовъ, вслѣдствіе чего возникла война съ Альбрехтомъ, кончившаяся неудачею для поляковъ. Королевичъ долженъ былъ отказаться отъ притязаній на чешскую корону. Альбрехтъ, какъ мы видѣли, умеръ 27 октября 1439 г. и угры, не ожидая разрѣшенія отъ бремени вдовы Альбрехта, призвали на венгерскій престолъ короля Владислава. Владиславъ послѣдовалъ призыву, и прибывъ въ мартѣ 1440 г. въ Венгрію, принялъ на себя управление этою страной, не обращая вниманія на то, что ему придется имѣть дѣло съ опаснымъ ненрїателемъ — съ турками. Принятіе Владиславомъ венгерской короны, объясняемое единственно славолубіемъ этого молодаго человѣка, не дозволило

ему обратить серьезное вниманіе на Литву, гдѣ совершилось сколько неожиданное, столько же и звѣрское умерщвленіе великаго князя Сигизмунда Кейстутовича, повлекшее за собою цѣлый рядъ смуть и неурядиць.

Сигизмундъ Кейстутовичъ родился въ 1348 г., слѣд. въ это время былъ уже старцемъ. Съ 1389 по 1398 г. онъ находился заложникомъ въ Пруссіи и возвратившись оттуда, получилъ въ удѣлъ княжество Стародубское, гдѣ велъ, какъ уже было сказано, ничтожную жизнь, чуждаясь всякой политической дѣятельности. Польскіе магнаты выдвинули его соперникомъ Свидригайлѣ. Сѣвъ на престолъ знаменитыхъ литовско-русскихъ князей, Гедимина, Ольгерда и Витовта, онъ по своимъ способностямъ, подобно Свидригайлѣ, ни мало не соотвѣтствовалъ своему высокому положенію. По сказанію современниковъ, онъ былъ невысокаго роста, рыжеватый, преданный пьянству, человѣкъ вспыльчивый, сварливый и жестокій, скупой, жадный на деньги и крайне подозрительный. Если Свидригайло не сумѣлъ понять, что его сила заключается не въ союзахъ съ иноземцами, а въ русскомъ народѣ, державшемъ его сторону, то и Сигизмундъ никакъ не понялъ, что онъ только тогда можетъ рассчитывать на прочность своего положенія, когда будетъ держать себя по отношенію къ Польшѣ и ея всемогущимъ магнатамъ такъ, какъ держалъ себя Витовтъ, въ послѣдніе годы своей жизни и знать не хотѣвшій какихъ бы то ни было вассальныхъ отношеній къ коронѣ польской. Русскіе и чисто-литовскіе князья и бояре, пборники литовско-русской политической самобытности, обижались на Сигизмунда за вассальныя униженныя отношенія, въ которыхъ онъ сталъ къ Польшѣ; потомки Ольгерда враждовали противъ Сигизмунда, видя въ немъ похитителя верховной власти. Неудовольствіе князей и бояръ усиливалось страшною жестокостію, съ которою Сигизмундъ преслѣдовалъ своихъ прогивниковъ и сторонниковъ Свидригайла. Заключенію въ тюрьму, отнятію имущества и даже казнямъ подвергались члены самыхъ знатныхъ родовъ. Не довѣряя вельможамъ, онъ приближалъ къ себѣ людей незнатныхъ, раздавалъ имъ помѣстья, отнятыя у бояръ, и наконецъ, боясь вельможъ, заперся въ Трокахъ, въ замкѣ, куда постороннимъ доступа не было. Кончилось тѣмъ, что недовольные составили заговоръ на жизнь этого престарѣлаго князя, привели въ исполненіе свой замыселъ, когда Сигизмундъ назначилъ на Пасху 1440 г. общій съѣздъ для совѣщаній о дѣлахъ княжества. Былъ пущенъ слухъ, что этотъ съѣздъ есть только западня, приготовленная для окончательнаго истребленія бояръ и князей. Во главѣ заговора сталъ русскій удѣльный князь Иванъ Чарторыйскій съ близкимъ своимъ родственникомъ, княземъ Александромъ Васильевичемъ Чарторыйскимъ, и воеводами виленскимъ Довгердомъ и трокскимъ Лелюшемъ. Для исполненія своего замысла заговорщики воспользовались сѣною повинностію, т. е. доставкою изъ волостей запасовъ сѣна на княжескія конюшни. Заговорщики, преклонивъ на свою сторону князяго подконюшаго, Скобейку, ввезли въ замокъ триста саней съ сѣномъ, въ которыхъ были запряганы по два и болѣе вооруженныхъ чело- вѣка. Въ ночь на вербное воскресенье, 20 марта, когда съѣздъ Сигизмунда, Михайль, съ княжими дворянами отправился въ городъ къ заутрени, вооруженные люди вышли изъ саней, заперли ворота замка, а заговорщики вошли въ княжія палаты. Литовскій лѣгописецъ Быховець рассказываетъ, что Сигизмундъ въ это время слушалъ богослуженіе, совершавшееся въ смѣжной съ его спальней комнатѣ. Была у него медвѣдица, бросавшаяся на людей незнакомыхъ, которая была приучена царапать лапою двери, когда выпущенная на дворъ возвращалась въ княжюю комнату. Комната, въ которой находился Сигизмундъ, была заперта. Заговорщики, замѣтивъ, что медвѣ

дица ходить по двору, не хотѣли ломать двери, боясь, чтобы Сигизмундъ не скрылся тайными ходами, а начали царапать въ двери, подражая медвѣдицѣ. Сигизмундъ отворилъ двери. Заговорщики ворвались въ комнату, осыпали великаго квязя бранью, и Скобейко, схвативъ желѣзныя вилы, которыми поправляли дрова въ печи, ударилъ ими съ такою силою по головѣ князя, что положилъ его на мѣстѣ. Какой-то Славко, княжій приближенный, думалъ было защитить своего господина, но былъ выброшенъ изъ башни въ окно. Тѣло Сигизмунда вывезли на озеро и оставили на льду.

Сынъ Сигизмунда, Михаилъ, узнавъ о смерти отца, бѣжалъ въ малый Трокскій замокъ, расположенный на островѣ посреди озера, и тамъ заперся. Лелюшъ занялъ большой Трокскій замокъ именемъ великаго князя Свидригайла и вывѣсилъ на главныхъ воротахъ его бѣлое знамя; тоже самое сдѣлалъ Довгердъ въ Вильнѣ, но верхній виленскій замокъ былъ захваченъ сторонникомъ Михаила, Нарбутомъ. Между тѣмъ нарочные гонцы поскакали въ Молдавію за Свидригайломъ, который поспѣшно пріѣхалъ на Волынь и прибылъ въ Луцкъ, гдѣ былъ радостно встрѣченъ жителями. Онъ немедленно освободилъ бояръ, заключенныхъ Сигизмундомъ въ разныхъ крѣпостяхъ Литвы и Руси, чѣмъ, конечно, увеличилъ общую радость по поводу избавленія отъ тирана. Но литовскіе простолюдины не раздѣляли этой радости: Сигизмундъ много покровительствовалъ имъ, они жалѣли о гибели своего покровителя, и польскій лѣтописецъ XVI ст. Мѣховита (Меховіусъ) пишетъ, что онъ самъ слышалъ жалобную пѣсню литовцевъ, въ которой они описывали смерть своего Жигмонта, убитаго русскими.

Если бы Свидригайло вмѣсто того, чтобы сидѣть и пировать въ Луцкѣ, направился съ дружиною на Вильну, то, конечно, овладѣлъ бы этимъ городомъ и занялъ бы по прежнему велико-княжескій русско-литовскій столъ, но именно этого онъ и не сдѣлалъ, въ Вильну не являлся и тѣмъ самымъ повредилъ себѣ такъ, что дѣла приняли оборотъ для него крайне неблагоприятный.

Вскорѣ послѣ умерщвленія Сигизмунда Кейстутовича, литовскіе важнѣйшіе сановники: Гаштольдъ, намѣстникъ смоленскій, Кезгайло намѣстникъ жмудскій, Николай Немировичъ староста виленскій, Николай Радзивиль маршалъ литовскій и др. собрались въ мѣстечкѣ Ольшанахъ (Ошмянскаго уѣзда) на совѣщаніе у князя Юрія Семеновича Ольшанскаго и здѣсь постановили устранить обоихъ соперниковъ на русско-литовскій столъ, Свидригайла и Михаила Сигизмундовича, и призвать на престолъ королевича Казимира Ягайловича въ тѣхъ видахъ, что юный королевичъ будетъ воспитанъ въ обычаяхъ страны, а они до его совершеннолѣтія будутъ править великимъ княженіемъ. Польскіе магнаты считали, что Сигизмунду долженъ наследовать ихъ король Владиславъ III Ягайловичъ, но сей послѣдній былъ призванъ на венгерскій престолъ, все вниманіе его было поглощено венгерскими дѣлами и войною съ турками, и потому онъ охотно согласился передать русско-литовское княженіе своему брату. Польскіе магнаты волею-неволею согласились на это, настояли только, чтобы

Казиміръ былъ отправленъ въ Вильну въ качествѣ королевскаго намѣстника и съ титуломъ не великаго князя, а просто князя литовскаго. Условіе это не понравилось русско-литовскимъ боярамъ, желавшимъ имѣть самостоятельнаго государя, а не польскаго голдовника (вассала), и они прибѣгнули къ хитрости, чтобы избавиться отъ польскихъ притязаній. Когда Казиміръ въ концѣ іюня 1440 г. прибылъ въ сопровожденіи нѣкоторыхъ польскихъ сенаторовъ и блестящей свиты въ Вильну, литовскіе бояре устроили 2 іюля великолѣпный пиръ и такъ напоили своихъ гостей, польскихъ сенаторовъ, что они все слѣдующее утро проспали глубокимъ сномъ. А между тѣмъ утромъ, 3 іюля, они въ кафедральномъ соборѣ устроили торжественное коронованіе Казиміра: посадили на великокняжескій престолъ, надѣли на новаго князя шапку Гедмина, подали ему мечъ и покрыли великокняжескою мантиею. Сенаторы проснулись отъ громкихъ кликовъ, какими народъ привѣтствовалъ своего новаго государя, но уже было невозможно противиться совершившемуся факту. Литовскіе бояре задобрили сенаторовъ большими подарками и тѣмъ ничего уже не оставалось, какъ поздравить Казиміра со вступленіемъ на русско-литовскій престолъ.

Хотя Казиміръ и короновался въ Вильнѣ, но не всеѣ области русско-литовскаго великаго княженія признали его своимъ государемъ, король польскій Владиславъ хотя и согласился передать брату Литву, но не хотѣлъ утвердить его великимъ княземъ, польскіе же магнаты, видя, что Литва съ Русью ускользаютъ отъ нихъ, начали поддерживать соперниковъ Казиміра, чтобы раздробить русско-литовское великое княженіе и тѣмъ легче раздробленныя части присоединить къ Польшѣ.

Такое раздробленіе они произвели бы, если при юномъ Казимірѣ не состоялъ пѣстуномъ (дядькою) умный и опытный литовскій бояринъ, Іоаннъ Гаштольдъ. Онъ постепенно умиротворилъ великое княженіе и повелъ дѣло такъ, что престарѣлый и бездѣтный Свидригайло удовлетворился Волынью, которую ему дали въ пожизненное владѣніе какъ литовскій лень; князь Михаилъ Сигизмундовичъ, составлявшій было заговоръ на жизнь Казиміра, вынужденъ былъ бѣжать за московскій рубежъ. Гаштольдъ уснокоилъ Жмудъ, принявшую было сторону Михаила, усмиривъ возстаніе, принявшее было опасныя размѣры въ Смоленскѣ, и вообще дѣльными распоряженіями усилъ охранить русско-литовское великое княженіе отъ раздробленія и отъ польскихъ притязаній, которымъ, однакоже, скоро открылось обширное поприще, когда польско-венгерскій король, Владиславъ Ягайловичъ, не обращавшій никакого вниманія на Литву и Русь, былъ убитъ 11 ноября 1444 г. подъ Варною. Угры выбрали себѣ въ короли сына бывшаго римскаго короля, Альбрехта, Владислава Постума (носмертнаго, названнаго такъ потому, что онъ родился чрезъ четыре мѣсяца по смерти отца), и польскимъ магнатамъ пришлось выбрать своего короля. Выборъ

ихъ палъ на Казимира Ягайловича въ томъ расчетѣ, что при немъ они достигнутъ полнаго слиянія его княженія въ Польшю. Русско-литовскіе бояре отнеслись къ этому выбору крайне неодобрительно: они очень хорошо видѣли, что, выбирая Казимира въ короли, польскіе магнаты надѣются на захваты русско-литовскихъ земель и урядовъ (должностей); русское духовенство отнеслось къ выбору также несочувственно, опасаясь католической пропаганды. Великій князь, Казимиръ Ягайловичъ, пользовавшійся въ своемъ княженіи почти неограниченною властію, видя перасположеніе своихъ боярѣ и православнаго духовенства къ уніи съ Польшю, года два уклонялся отъ польской короны, но когда польскіе паны показали видъ, что выберутъ въ короли мазовецкаго князя Болеслава враждебнаго Казимиру, если послѣдній не приметъ выбора, то Казимиру ничего не оставалось какъ принять выборъ потому что явился Болеславъ королемъ польскимъ, онъ сталъ бы добывать землю Берестейскую, отошедшую къ Литвѣ, и сталъ бы поддерживать своего зятя Михаила Сигизмундовича въ его притязаніяхъ на русско-литовскій престоль. Казимиръ Ягайловичъ принялъ выборъ, и 25 іюня 1447 г. въ Краковѣ короновался польскимъ королемъ.

Съ этого времени начинаются безконечныя споры и пререканія между поляками и русско-литовскими боярами о взаимныхъ отношеніяхъ. Польскіе паны явно стремились овладѣть Подоліею, Воынью и Подляхіею (земли западнаго Буга) и обратить все русско-литовское княжество въ польскую провинцію. Русско-литовскіе бояре не уступали, требовали возврата захваченнаго. Однажды, когда польскіе паны предложили отмѣнить титулъ особаго великаго княжества и замѣнить его общимъ именемъ Польши, русско-литовскіе бояре потребовали, чтобы изъ акта Городельской уніи 1413 г. были исключены слова о вѣчномъ присоединеніи Литвы съ Польшю, такъ какъ эти слова были включены въ актъ безъ вѣдома литовцевъ. Подобныя споры и пререканія обостряли лишь взаимную неприязнь между поляками и русско-литовскими людьми; неприязнь и вражда ослабляли силы тѣхъ и другихъ, ослабленіе же было на руку лишь татарамъ, которые, вторгаясь въ южно-русскія земли, безнаказанно грабили ихъ и заходили за добычею на Воынь и Галичину. Польско-литовская унія, подавая поводъ къ внутреннимъ неурядицамъ и смутамъ въ Польшѣ и Литвѣ, послужила также на пользу орденовой братіи въ Пруссіи и Ливоніи: она оставалась покойною и отъ поляковъ и отъ литовцевъ много лѣтъ. Обратимся теперь къ Ливоніи, посмотримъ что дѣлалось тутъ въ то время, когда намѣстникъ Овербергъ былъ признанъ ливонскимъ магистромъ.

Мы видѣли какъ образовался въ Пруссіи прусскій союзъ, видѣли когда и при какихъ условіяхъ былъ избранъ великій магистръ Конрадъ Эрлихсгаузенскій и рассказали, что онъ утвердилъ въ должности ли-

вонскаго магистра намѣстника Финка Овербергскаго (см. выше стр. 116). Учрежденіе прусскаго союза не могло не отозваться и въ Ливоніи, но здѣсь условія и отношенія Ордена къ городамъ, епископамъ и землевладѣльцамъ были далеко не одинаковы съ тѣми условіями и отношеніями, какія устанавливались въ Пруссіи. Во первыхъ ливонская отрасль Тевтонскаго ордена не доходила до такого разложенія, какъ прусская отрасль. Въ средѣ ливонской орденской братіи не было рѣзкаго раздѣленія на партіи по племенному происхожденію и языку, какое существовало въ Пруссіи, ибо ливонская орденская братія въ огромномъ большинствѣ своемъ были вестфальцы. Ливонскія сословія, города и землевладѣльцы, не могли пріобрѣсть такого вліянія и значенія, какъ въ Пруссіи, во первыхъ потому, что въ Ливоніи городовъ было сравнительно не много и нѣмецкое населеніе въ нихъ не было многочисленно, во вторыхъ и потому, что землевладѣльцы, тоже не особенно многочисленные, владѣли на ленномъ правѣ землями, принадлежащими разнымъ епископствамъ, вслѣдствіе чего и силы ихъ были раздроблены несравненно больше, чѣмъ въ Пруссіи. Не смотря, однакоже, на все это, Финкъ уже 18 января 1441 г. жаловался, что свѣтское рыцарство (т. е. вассалы, землевладѣльцы) и представители городовъ собираются по собственному почину и произволу на сѣзды. «О чемъ они трактуютъ на сѣздахъ мнѣ неизвѣстно, писалъ Финкъ, но съ Божіею помощію и сановниковъ, я сумѣлъ обуздать ихъ». Попытки городовъ и землевладѣльцевъ тѣсно сблизиться между собою и пріобрѣсти большее вліяніе на общій ходъ ливонскихъ дѣлъ пока остались безъ результатовъ, но въ епископскихъ земляхъ сословія съ этихъ поръ начинаютъ выступать съ большими и большими требованіями и начало образованія *епископскихъ союзовъ*, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, слѣдуетъ относить именно ко времени учрежденія прусскаго союза. Ливонскіе туземцы — латыши и чудь — къ этому времени вполне обратились уже въ рабочую силу своихъ властителей, которые только и заботились, чтобы разными мѣропріятіями крѣпче закрѣпить за собою ливонскихъ туземцевъ. На этомъ именно поприщѣ закрѣпощенія, всѣ ливонскія сословія дѣйствовали съ рѣдкимъ единодушіемъ, и на своихъ сѣздахъ принимали по отношенію къ туземцамъ такія мѣры, что общія возстанія послѣднихъ были почти что невозможны, а совладать съ частными бунтами не представляло никакихъ трудностей.

На сколько внѣшнія отношенія прусской орденской братіи были благопріятны для нея, на столько же были неблагопріятны въ Ливоніи для тамошней братіи. Пограничные споры съ Литвою и мелкія столкновенія со жмудинами продолжались. Великій князь литовскій, Казиміръ Ягайловичъ, находившійся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ великимъ магистромъ Конрадомъ Эрлихсгаузенемъ, жаловался ему

на ливонскую братію (см. Index Наперскаго №№ 1508 и 1409), но, однакоже, самъ ничего не предпринималъ противъ ливонцевъ, да и трудно что либо предпринять при тѣхъ условіяхъ, въ коихъ находился Казиміръ въ первые годы своего княженія (см. выше ст. 122). Ливонскій магистръ могъ быть снокою съ стороны Литвы, но за то серьезныя безпокойства возникли на псковскихъ и новгородскихъ предѣлахъ.

Мы видѣли, что Орденъ заключилъ миръ съ Новгородомъ и Псковомъ въ 1417 г. (см. выше стр. 68). Миръ былъ заключенъ на 10 лѣтъ (см. Index №№ 778 и 802). Рѣку Нарову положили считать границею между Эстоніею и Ингерманландіею. По истеченіи этого срока, русскіе предложили королю Эриху датскому (см. Index Наперскаго № 1420) заключить съ ними наступательный и оборонительный союзъ. Эрихъ отказался отъ союза и о томъ далъ знать Ордену. Миръ съ новгородцами и псковичами продолжался еще лѣтъ десять до самаго 1438 г. когда обнаружались вновь непріязненные отношенія между Орденомъ и Новгородскою Русью.

Во все время, протекшее со смерти Витовта до времени когда Казиміръ явился польскимъ королемъ, Москва не принимала никакого участія въ событіяхъ, совершавшихся въ Западной Россіи. Зять Витовта, великій князь московскій, Василій Дми:ріевичъ, умеръ въ 1425 г., поручивъ попечительству тестя своего десятилѣтняго сына, Василія. Юному Василію Васильевичу не пришлось дѣлить отцовское наслѣдіе между братьями умершими еще при жизни отца. Онъ явился великимъ княземъ. Видимо утверждался новый порядокъ престолонаслѣдія по прямой нисходящей линіи, но, однако же, этому новому порядку пришлось подвергнуться сильнѣйшему испытанію, ибо дяди т. е. братья покойнаго великаго князя, Василія Дмитріевича, никакъ не хотѣли признать старшинства надъ собою племянника. Столкновеніе между племянникомъ и дядями (Юрій, Андрей, Петръ и Константинъ) было неизбежно. Старшій дядя, Юрій, рѣшился овладѣть великимъ княженіемъ московскимъ, считая себя старшимъ въ родѣ. Послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ военныхъ дѣйствій. Юрій не слишкомъ настаивалъ на своихъ притязаніяхъ. прислалъ въ Москву бояръ для заключенія мира съ племянникомъ. Юрій обязался не добывать силою великаго княженія. а отдать дѣло на рѣшеніе Сарайскаго хана. Ни та, ни другая сторона ѣхать въ Орду не торопилась и споръ стихъ на нѣкоторое время. Оче:ль быть можетъ, что Юрій уступилъ племяннику, боясь Витовта, который, какъ опекунъ Василіевъ, вѣроятно не далъ бы въ обиду своего внука.

Соперники побѣхали на ханскій судъ лѣтомъ 1430 г. и тогдашній ханъ Золотой орды, Улу-Махметъ, присудилъ въ 1432 г. великое княженіе племяннику, чѣмъ и подтверждалъ въ Москвѣ порядокъ прямаго престолонаслѣдія, ии мало, конечно, не подозрѣвая, что такой порядокъ влечетъ за собою упроченіе едино и самодержавія, а слѣд. и окончательное сверженіе татарскаго пга и собираніе русскихъ земель подъ власть единаго князя, но уже какъ государя и царя земли. Утвержденный ханомъ молодой великій князь, Василій Васильевичъ, прибылъ въ Москву съ ханскимъ посломъ Мансыръ-Улаиъ царевичемъ, который и посадилъ его на великое княженіе 5 октября 1432 г. у Пречистыя у Золотыхъ дверей (см. первую Софійскую лѣтопись, 264). То было первое великокняжеское вѣнчаніе въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Съ этихъ поръ вѣнчанія на царство (коронованіе) русскихъ государей происходило, какъ происходитъ и въ наше время, въ этомъ, а не какомъ либо другомъ соборѣ.

Дядя Василювъ, Юрій, не думалъ, однако, бросить замысловъ на овладѣніе великимъ княженіемъ по древнему славянскому понятію о старшинствѣ дяди надъ племянникомъ, и когда въ Ордѣ возникли споры, поднялъ оружіе противъ Василя, напалъ на него врасплохъ, взялъ въ плѣнъ и самъ сѣлъ на Московскомъ великомъ княженіи. Московскіе бояре и дворяне, однако, не покинули Василя. Юрій, видя это и боясь собственной гибели, бѣжалъ изъ Москвы въ свой удѣлъ, Галичь-Мерскій, призналъ было вновь старшинство племянника, но когда его сыновья, Василій Косой и Дмитрій Шемяка, не приступили къ миру, а продолжали войну, онъ снова пошелъ на Василя, вторично сѣлъ въ 1434 г. на великомъ княженіи, но вслѣдъ за тѣмъ скоропостижно умеръ.

Началась цѣлыхъ двадцать лѣтъ продолжавшаяся усобица между великимъ княземъ Василюмъ Васильевичемъ и сыновьями Юрія, Василюмъ Косымъ, Дмитріемъ Шемякою, Дмитріемъ Краснымъ, усобица, сопровождавшаяся жестокими разореніями русскихъ областей. Въ 1436 г. Василій Косой былъ захваченъ въ плѣнъ и ослѣпленъ, по приказанію великаго князя; лѣтъ чрезъ 10, въ 1446 г., самъ великій князь попался въ руки своихъ враговъ, двоюродныхъ братьевъ, и въ свою очередь былъ ослѣпленъ Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякою, который и сѣлъ на великое княженіе, но не удержался и году. Василій снова овладѣлъ Москвою. Усобица продолжалась до самаго 1453 г. и прекратилась только тогда, когда, Шемяка умеръ въ Новгородѣ отъ отравы. Двадцатилѣтняя усобица эта. единственная въ потомствѣ Галиты, произвела большія разрушенія, отсрочила окончательное низверженіе татарскаго ига, но повлекла за собою и утвержденіе единодержавія и собираніе русскихъ земель въ единое сильное государство. По смерти Шемяки, Василій началъ уничтожать удѣлы въ московскомъ княжествѣ и тѣмъ значительно подвинулъ впередъ объединеніе Восточной Россіи, въ которой ко времени смерти Василя (1462 г.) остались лишь четыре самостоятельныя земли: двѣ вѣчевыя общины, Новгородъ и Псковъ, да два княжества, Тверское и Рязанское.

Новгородъ при Василю Дмитріевичѣ держалъ у себя намѣстниковъ московскаго князя, но это не мѣшало, однако, новгородцамъ принимать къ себѣ разныхъ князей-изгнанниковъ и давать имъ свои пригороды въ кормленіе. Мывидѣли (см. вышестр. 73), что Витовтъ пытался подчинитъ Новгородъ и Псковъ своему господству. Въ 1428 г. онъ, подобно своему дядѣ Ольгерду, придравшись къ новгородцамъ за то, что они обзывали его «измѣнникомъ», пошелъ войною на Новгородскую Русь, осадилъ Порховъ, но удачи не имѣлъ, а когда порховскіе воеводы предложили ему выкупъ, онъ согласился и вышелъ изъ новгородскихъ земель взявъ съ Порхова 5000 р., съ Новгорода 5000, да съ новгородскаго владыки Евфимія 1000 р. за освобожденіе плѣнныхъ. Новгородцы откупились отъ Витовта и тѣмъ ясно обнаружили свой упадокъ, ибо вмѣсто мужественной обороны противъ «невѣрника» они пошли на денежную сдѣлку съ нимъ, дѣнежныя же сдѣлки могли усиливать лишь жадность враговъ — ничего больше. Смерть Витовта и послѣдовавшія за тѣмъ смуты и неурядицы въ русско-литовскомъ княженіи, а за тѣмъ двадцатилѣтняя усобица въ Москвѣ продлили самобытное существованіе Новгорода на нѣсколько десятковъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе дни Новгорода уже были сочтены: и сумятицы, и распри между бѣдными и богатыми усилились, пошли бунты и всякія притѣсненія. Не было правды въ то время въ Новгородѣ, пишетъ лѣтописецъ (см. четвертую Новгородскую лѣтопись, стр. 124), и ираваго суда, и возстали ябедники,

изнарядилъ четы и обѣты на неправду (давать ложную присягу), и начали грабить по селамъ и волостямъ и по городу, и бѣяхомъ (обратились мы) въ поручаніе сосѣдямъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и были по волости изъ ѣжа (наѣзды) велика и боры (поборы), крикъ и рыданіе и вопль и клятва всѣми людьми на старѣйшинъ нашихъ и на городъ нашъ, зане не было въ насъ милости и суда права.»

Во время двадцатилѣтней московской усобицы, въ Новгородѣ ослабѣло вліяніе московскаго великаго князя, но за то усилилась литовская партія, думавшая помощію русско-литовскаго князя освободится отъ Москвы. Новгородъ, во время усобицы, продолжалъ принимать къ себѣ литовскихъ князей и давать имъ волости въ кормленіе, а около 1440 г. заключилъ даже съ Казиміромъ литовскимъ договоръ, въ силу котораго Казиміръ получилъ право собирать дань (черный боръ) съ пограничныхъ къ Литвѣ новгородскихъ волостей и держать тамъ своихъ литовскихъ тѣнуовъ. Новгородъ видимо склонялся къ Литвѣ; соперникъ Василя, Димитрій Шемяка, также нашелъ радушный пріемъ у новгородцевъ. Все это побудило великаго князя московскаго, Василя Васильевича, положить нелюбовь, какъ выражается лѣтописецъ (см. первую Новгородскую лѣтопись, стр. 113) на Великій Новгородъ. Онъ прислалъ въ 1441 г. складную грамоту (объявленіе войны), повоевалъ много волостей. Владыка Евфимій съ боярами поѣхали къ Василю, заплатили ему 8000 р. и признали его своимъ княземъ по старинѣ, а псковичи, прибавляеть лѣтописецъ, помогали великому князю Васплію, много земли новгородской повоевали и «пакости сотворили не мало». По смерти Шемяки, котораго новгородцы объявили было своимъ княземъ, Василій Васильевичъ рѣшился покончить съ Новгородомъ: въ 1456 г. пошелъ войною на нихъ, но владыка Евфимій и на этотъ разъ умолилъ Василя о мирѣ. Въ Яжелбицахъ, верстахъ въ полтораста отъ Новгорода, былъ заключенъ договоръ — на весьма уже тяжелыхъ условіяхъ для Новгорода: вѣчевымъ суднымъ грамотамъ не быть, вѣче теряетъ право перерѣшать судъ княжескій, въ судныхъ дѣлахъ печать Великаго Новгорода отбѣняется и мѣсто ея заступаетъ печать великаго князя; противники великаго князя въ Новгородѣ принимаемы не будутъ и пр. Яжелбицкій договоръ оставлялъ Великому Новгороду только тѣнь прежней самостоятельности, до полнаго слянія Новгородской Руси съ Москвою оставался только шагъ.

Въ то время, когда Великій Новгородъ боролся съ Москвою, Псковъ самъ пошелъ на подчиненіе великому князю московскому и мы уже видели, что псковичи уже въ XIV ст. начали принимать къ себѣ князей отъ Москвы. Такъ псковскій лѣтописецъ (см. 1-ю Псковскую лѣтопись, стр. 210) отмѣчаетъ, что въ 1436 г. отъ великаго князя московскаго прибыли на княженіе въ Псковъ князь Борисъ Васильевичъ. Псковичи его приняли, но скоро послали въ Москву князя Владиміра Даниловича съ посольствомъ бить челомъ великому князю, чтобы онъ вмѣсто Бориса поставилъ въ Псковъ Владиміра. Великій князь принялъ челобитье псковское, далъ князю Владиміру княженіе въ Псковѣ, и князь Владиміръ пріѣхалъ въ Псковъ, «Борисъ князь поѣхалъ вонъ изъ Пскова по великаго князя слову, занеже онъ пролгался,» прибавляеть лѣтописецъ. Вообще псковичи постепенно все болѣе и болѣе подпадали вліянію Москвы. Такъ въ 1441 г. по приказу великаго князя Василя Васильевича (см. первую Псковскую лѣтопись стр. 211), они ходили войною на Новгородъ Великій, повоевали новгородскія волости въ долготу на 300, а въ ширину 50 верстъ отъ литовскаго рубежа и до нѣмецкаго. Въ 1443 г. псковичи приняли къ себѣ одного изъ потомковъ Ольгерда, воинственнаго князя Александра Васильевича Чарторьскаго, который бѣжалъ въ Москву, послѣ

во княженіи въ Литвѣ Казимира Ягайловича. Этому князя Александра приняли псковичи, говоритъ лѣтописецъ (см. тамъ же, стр. 212), честно; и потомъ прѣѣхалъ посоль отъ великаго князя Василя Васильевича и поручилъ ему княженіе по великаго князя слову, и посадили его псковичи на княженіе въ святой Троицѣ, мѣсяца августа 25, и цѣловалъ онъ крестъ ко князю великому Василю Васильевичу и ко всему Пскову и на всей псковской пошланѣ.

Такъ постепенно подготавливалось и совершалось слияніе всей Новгородской Руси съ Москвою, великій князь которой дѣлался такимъ образомъ ближайшимъ сосѣдомъ Ливоніи и для орденской братіи сосѣдомъ очень опаснымъ. Въ описываемое время великій князь московскій еще не оказывалъ военной помощи Пскову въ его борьбѣ съ орденскою братіею, но уже недалеко было время, когда такая помощь неминуемо и неизбежно должна была послѣдовать, а съ тѣмъ вмѣстѣ и столкновение Ордена, но уже не со слабыми силами вѣчевыхъ общинъ, а съ силами объединенной Восточной Россіи.

Въ 1428 г. псковичи подтвердили миръ „съ местеромъ и съ юрьевичи и со всею землею нѣмецкою по старому крестному цѣлованію,“ сказано въ первой Псковской лѣтописи (стр. 205), но безъ Новгорода. Миръ существовалъ, но псковичи, однако, не дремали: строили укрѣпленные города. Такъ въ 1431 г. zaloжили новый городъ Выборъ и новый городъ Гдовъ. Миръ не исключалъ, однако, и столкновений. Такъ подъ 1436 г. въ первой псковской лѣтописи (стр. 210) отмѣчено, что весною псковичи приняли гостей нѣмецкихъ, товаръ ихъ, а самихъ нѣмцевъ въ погребъ (тюрьму) посадили 24 нѣмчинъ, занеже они почали на крестномъ цѣлованіи псковскихъ ловцовъ захватывать, а иныхъ избили.

Не замедлили столкновения и болѣе серьезныя.

Въ 1438 г. великій магистръ поручалъ благосклонности новгородскаго князя Юрія Лугвеневича (см. Index Наперскаго № 1443) одного германскаго князя Эбергарда Клевскаго, желавшаго проѣхать въ Палестину чрезъ Россію (въ четвертой Новгородской лѣтописи на стр. 123 онъ названъ княземъ Григоріемъ изъ заморья Клевскимъ). Князь этотъ, однако, далеко не уѣхалъ: былъ-ли онъ ограбленъ или обиженъ по дорогѣ, съ точностію неизвѣстно, но только онъ воротился въ Ливонію, чрезъ Нарву прибылъ въ Ригу и здѣсь началъ жаловаться на оскорбленія, причиненныя ему новгородцами. Орденская братія вторглась въ новгородскіе предѣлы безъ всякаго дозволенія магистра, какъ утверждалъ магистръ Финкъ (см. Index Наперскаго № 1496), и опустошила кое-какія мѣстности. Новгородцы въ 1442 г. заточили нѣмецкихъ купцовъ въ тюрьму (см. Сапториуса Geschichte der Hanse II, 463) и отправили своего посла къ великому князю литовскому Казимиру, предлагавшему новгородцамъ передать литовскому князю наслѣдіе Наримунтово, т. е. Ладогу и Орѣховецъ, въ коихъ нѣкогда сидѣлъ княземъ Наримунтъ Гедиминовичъ. Въ это время Казиміровы послы отправились на переговоры съ ливонскимъ магистромъ Финкомъ, къ нимъ присоединился и новгородскій посоль, быть можетъ, переговорить о послѣднемъ набѣгѣ орденской братіи на новгородскія земли. Финкъ,

принявъ съ честію пословъ Казиміровыхъ, велѣлъ ограбить новгородскаго посланца и выпроводить его изъ Ливоніи въ новгородскіе предѣлы. Раздраженные такимъ поступкомъ магистра, новгородцы, при тайномъ содѣйствіи Казиміра, зимою 1443—1444 г. перешли пограничную рѣку Нарову и опустошили эстонскія земли до озера Пейпуса: Тогда Финкъ, заключивъ съ Псковомъ миръ на десять лѣтъ*), объявилъ новгородцамъ войну, какъ бы въ отомщеніе за обиду нанесенную князю Клевскому и за многія другія обиды, „кои причиняли нѣмцамъ безпокойные и наглые русскіе, всегда охотно грабящіе чужую собственность и еще жалующіеся нослѣ“ (см. Index Наперскаго, № 1496). Финкъ, какъ пишетъ Руссовъ (см. Приб. Сб. II, 275), предпринималъ два похода на новгородцевъ и сильно опустошилъ ихъ землю. Въ первый походъ онъ осадилъ городъ Ямъ (нынѣ Ямбургъ), пять дней тщетно обстрѣливалъ его и разорилъ почти всю Ингерманландію (см. Гадебуша II, 122). О второмъ походѣ упоминаетъ Арндтъ (стр. 135); по видимому, походъ былъ неудаченъ.

О враждебныхъ столкновеніяхъ ливонской орденовой братіи и походахъ Финка въ четвертой Новгородской лѣтописи рассказано такъ:

«Въ лѣто 6953 (1445), сентября 14, пріѣхалъ князь Иванъ Владиміровичъ въ Новгородъ на пригороды, на которыхъ былъ Лугвень и сынъ его Юрій, по новгородскому прошенію; а князь Юрій Лугвеневиъ поѣхалъ къ нѣмцамъ, и нѣмцы ему пути не дали, и онъ отѣхалъ на Москву. Той же осени пришли нѣмцы, у Ямы города посадъ пожгли и берегъ повоевали, а въ Новгородъ прислали: «Мы васъ не воюемъ, а воюетъ васъ князь Григорій изъ заморья Клевскій, про своего проводника Итолка Ругодивца»; а то все лгали нѣмцы. Той же осени изъ князя великаго отчины изъ Тверскаго много повоевали земли и селъ новгородскихъ, Бѣжецкій верхъ, и Заборовье и Новоторжскія волости всѣ, а изъ Литвы князь великій Казиміръ прислалъ въ Новгородъ, говоря такъ: «возьмите моихъ намѣстниковъ на Городище, а я васъ хочу боронить; а съ княземъ съ Московскимъ я миру не взялъ васъ дѣля (ради)»; и новгородцы потому не яшася. Той же зимы ходили новгородцы въ нѣмецкую землю, за Нарову, съ княземъ Иваномъ Владиміровичемъ, но плѣнили и пожгли около Ругодива (Нарвы) и до Гурь-дознѣ, и подлѣ Наровы, и до Чудскаго озера. Того же лѣта собрались нѣмцы, мѣстеръ (Финкъ) со всѣми своими вой, пришли подъ городъ подъ Яму, били пушками, и стояли 5 дней, и по Водской земли, и по Ижорѣ, и по Невѣ поплѣнили и пожгли, а города, сохраненнаго Богомъ и святымъ архистратигомъ Михаиломъ, не взяли; а самыхъ нѣмцевъ много пало подъ городомъ, а иные язвени (раненые) ушли въ свою землю; а въ то время въ городѣ въ Ямѣ былъ князь Василій Юрьевичъ, суздальскихъ князей. А новгородцы послали сельниковъ лугскихъ, и водскихъ, и ижорскихъ бояръ напередъ, а сами хотѣли идти съ ними за

*) О заключеніи мира въ первой Псковской лѣтописи (см. П. С. Р. Л. IV. 212) сказано такъ: «Въ лѣто 6952 (1444) Федоръ посадникъ Патрикѣевичъ и Прокопій судья ѣздилъ въ Ригу къ князю мѣстеру миръ кончати; и докончили миръ на 10 лѣтъ и крестъ цѣловали, на Рождество Святой Богородицы, мѣсяца сентября въ 8». — Заключеніе мира не мѣшало, однако, враждебнымъ дѣйствіямъ. Псковскій лѣтописецъ, вслѣдъ за отмѣткою о заключеніи мира, пишетъ: «той же осени 1444 г. ѣздилъ князь Александръ (Васильевичъ Чарторыйскій) съ псковичами подъ Новый городокъ нѣмецкій (Нейгаузенъ), и вся жита потроша, и 7 чюхновъ повѣсилъ, изымавше на своей земли, на обидномъ мѣстѣ».

Нарову воевать, съ княземъ Иваномъ Владиміровичемъ. И въ то же время, по грѣхамъ нашимъ, начали кони мрети (конскій падежь) въ городѣ и по волости вельми много, новгородцы же спятились и не пошли за Нарову; а въ то время псковичи прислали въ Новгородъ своихъ пословъ о мирѣ, и увидавъ, что въ Новгородѣ коней много падаетъ, а новгородцы не идутъ за Нарову, отѣхали безъ мира».

Новгородскій лѣтописецъ событія 1442—1444 годовъ всѣ относитъ къ 1445 году, но его разсказъ въ общемъ ни мало не противорѣчитъ нѣмецкимъ источникамъ.

Ливонскій магистръ Финкъ очень хорошо понималъ, что новгородцы не оставятъ безъ отместики его походовъ подъ Ямы и опустошеніе Ингерманландіи и потому всячески заботился, чтобы великій князь литовскій не помогалъ новгородцамъ и чтобы великій магистръ съ своей стороны оказалъ помощь ливонской орденской братіи. Въ маѣ 1444 г. въ Христемерелѣ состоялся съѣздъ великаго магистра съ Казиміромъ. Здѣсь были улажены разныя торговыя отношенія между Литвою и Пруссією и здѣсь Казиміръ обѣщаль не помогать новгородцамъ (см. Index Наперскаго №№ 1492, 1493, 1496, 1497 и 1498), и когда въ 1445 г. князь Юрій Лугвеневичь пріѣхаль изъ Москвы въ Новгородъ (см. четвертую новгородскую лѣтопись, 123) и новгородцы дали ему кормленіе, по волости хлѣбъ, какъ сказано въ лѣтописи, а князь Иванъ Владиміровичъ отѣхаль въ Литву, то Казиміръ писалъ Ордену (см. Index № 1510), что присутствіе князя Юрія въ Новгородѣ еще не означаетъ, чтобы Литва помогала новгородцамъ.

Новгородцы хотя и не трогались на отместку весь годъ, но Финкъ не переставаль побуждать великаго магистра оказать ему помощь въ предстоящей борьбѣ. Великій магистръ никакой существенной помощи оказать не могъ, но предложилъ ливонскому магистру войти въ союзъ съ королемъ Христофоромъ датскимъ, въ это время уже бывшимъ королемъ трехъ Скандинавскихъ государствъ. Переговоры о союзѣ съ этимъ королемъ начались въ 1445 г. и тянулись до осени 1446 г. Въ этомъ году, 10 ноября, великій магистръ переслалъ Финку статьи, на основаніи которыхъ могъ бы состояться союзъ, но совѣтоваль при этомъ, что лучше бы магистру союза не заключать, а помириться съ русскими. Финкъ послушался и предложилъ новгородцамъ устроить съѣздъ для заключенія мира. Съѣздъ состоялся зимою 1446 г. Новгородцы послали на съѣздъ съ магистромъ (см. четвертую Новгородскую лѣтопись, 124) князя Юрія Лугвеневича и бояръ и купцовъ, но магистръ потребоваль Острова, на что новгородцы, конечно, не согласились, и съѣздъ кончился, ничего не достигнувъ; безъ миру разѣхались, говоритъ новгородскій лѣтописецъ.

Тогда ливонскій магистръ 6 января 1447 г. принялъ предложенныя ему статьи (см. Арндта, 135) и заключилъ союзъ съ Христофоромъ на два года, союзъ, совершенно безплодный, ибо какую же помощь могъ оказать Христофоръ, безсильный въ своихъ королевствахъ?

Теперь, когда ливонскій орденъ заключилъ союзъ и могъ разсчитывать на успѣхъ въ борьбѣ съ новгородцами, великій магистръ пачалъ заботиться объ оказаніи помощи ливонской братіи. Но чтобы оказать помощь, надобно было прежде всего добыть денегъ на наемъ солдатъ, но на деньги именно прусскіе города и землевладѣльцы и были скупы, лучше сказать, денегъ они вовсе не давали на предпріятія, не касавшіяся прямо Пруссіи. О новыхъ налогахъ и сборахъ напрасно было-бы заводить и рѣчь, надобно было подумать нѣтъ-ли какого другаго средства добыть денегъ. Средство это нашлось: въ Пруссіи, какъ и въ другихъ католическихъ земляхъ, собирались деньги за разрѣшительныя отъ грѣховъ грамоты (Ablass-geld). Объ этихъ деньгахъ давно уже заходила рѣчь, чтобы ихъ, если не всѣ, то хоть часть обращать на веденіе войны съ русскими, какъ невѣрными схизматиками, но только рѣчи и хлопоты не приводили ни къ какимъ результатамъ. Великій магистръ поручилъ орденскому повѣренному въ Римѣ, когда на папскій престолъ вступилъ Николай V (мартъ 1447 г.), возобновить дѣло о разрѣшительныхъ деньгахъ, которыхъ въ Пруссію собиралось болѣе 3000 марокъ серебра, но какъ въ тѣ времена при папскомъ дворѣ ничего даромъ не дѣлалось, потому великій магистръ и уполномочилъ орденскаго повѣреннаго обѣщать папѣ и его кардиналамъ выдать изъ разрѣшительныхъ денегъ тысячу или двѣ червонцевъ, если такія деньги будетъ дозволено употреблять на войну съ русскими. Подкупъ подѣйствовалъ и папа Николай V буллою отъ 28 августа 1448 г. (см. Фохта VIII, 151) дозволилъ двѣ трети разрѣшительныхъ денегъ употреблять Ордену на войну съ невѣрными для защиты вѣры въ Пруссіи и Ливоніи (т. е. на войну съ русскими), а одну треть употреблять въ Венгріи на войну съ турками. Но много-ли можно было достигнуть съ какими нибудь двумя тысячами марокъ? Великій магистръ это зналъ лучше чѣмъ кто либо, потому до рѣшенія еще вопроса объ употребленіи сборовъ за разрѣшительныя грамоты обратился къ дейчмейстеру и германскимъ князьямъ съ письмами (см. Фохта VIII, 139) и приглашеніями послужить Пресвятой Дѣвѣ, какъ бывало въ древнія времена, противъ невѣрныхъ и смирить безбожныхъ отступниковъ на берегахъ Волхова (см. Index Наперскаго, №№ 1556 и 1558). Времена, когда подобныя призывы дѣйствовали, давно миновали: иноземныхъ гостей почти вовсе уже не являлось, и великому магистру съ величайшими усиліями удалось собрать лишь небольшіе отряды войскъ, изъ которыхъ часть была посажена на корабли въ Гданскѣ, чтобы плыть къ Нарвѣ, а другая часть съ артиллеріею была отправлена сухимъ путемъ въ Ливонію также къ Нарвѣ. Отправивъ войско, великій магистръ распорядился, чтобы съ Иванова до Михайлова дня 1447 г. во всѣхъ прусскихъ церквахъ духовенство служило обѣдни и молебны о дарованіи орденской братіи побѣды надъ врагами Креста Господня. За обѣднями должны были происходить сборы пожертвованій на войну

съ язычниками, *contra paganos*. Но не кончился срокъ обязательныхъ обѣднѣнъ, какъ великій магистръ въ августѣ 1447 г. получилъ печальную вѣсть, что корабли, отправленные изъ Гданска, хотя и достигли Нарвы и прусское войско высадилось здѣсь и соединилось съ войскомъ ливонскимъ, но новгородцы напали на орденцевъ столь стремительно и мужественно, что частію истребили, частію увели въ плѣнъ рыцарей и солдатъ, однимъ словомъ, нанесли соединенному войску орденцевъ сильное пораженіе (см. Index Наперскаго, №№ 1592 и 1597). Объ этомъ свидѣтельствуетъ и вторая Псковская лѣтопись (см. П. С. Р. Л. V, 31), въ которой подъ 1448 г. отмѣчено: „Новгородцы съ княземъ Александромъ Чарторыскимъ (князь этотъ за годъ предъ тѣмъ выѣхалъ изъ Пскова въ Новгородъ намѣстникомъ послѣ того, какъ псковичи взяли съ новгородцами миръ по старинѣ) ходили на нѣмецъ противу князя местера Рижскаго (это Финкъ), и короля Прусскаго (это великій магистръ Конрадъ, приславшій вспомогательный отрядъ), и короля Свейскаго (это король трехъ соединенныхъ Скандинавскихъ государствъ, приславшій, быть можетъ, нѣсколько своихъ солдатъ, согласно заключеннаго союза съ ливонскимъ магистромъ, хотя это очень сомнительно), и бились съ нѣмцами чрезъ Нарову рѣку: и одолѣли новгородцы, и побили нѣмецъ много, овыхъ на мори въ бусахъ (гданскихъ корабляхъ), побили и потопили, а иныхъ подъ Ямою побили, а иныхъ живыхъ руками взяли 84 и князей 4 взяли».

Не помогли Финку ни великій магистръ, ни союзъ съ королемъ Христофоромъ, который, по видимому, никакого дѣятельнаго участія въ войнѣ съ новгородцами не иринималъ. Скоро рушилась всякая надежда на датскую помощь, потому что король Христофоръ умеръ 6 января 1448 г. и скандинавская унія вмѣстѣ съ тѣмъ рухнула: на датскій королевскій престолъ вступила въ лицѣ Христіана I ольденбургская династія, на шведскій же престолъ вступилъ Карлъ VIII Кнутсонъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ начались между Данією и Швецією распри, раздоры: не до Ливоніи было скандинавскимъ государямъ въ это время, но и великому магистру было уже не до Ливоніи: никакія усовѣщиванія, никакія строгости не помогали противъ вдосталь развратившейся и распустившейся прусской орденской братіи, а тутъ, и отношенія къ Польшѣ начали обостряться, такъ что съ минуты на минуту можно было ожидать, что „вѣчный миръ“ съ поляками будетъ норванъ. Ливонскій магистръ былъ такимъ образомъ предоставленъ собственнымъ своимъ силамъ, далеко недостаточнымъ для борьбы съ Новгородскою Русью. Необходимо замѣтить, что ливонская орденская братія, еще при началѣ войны, пресѣкла всякую торговлю ганзы съ Новгородомъ (см. Index Наперскаго №№ 1522, 1523, 1525, 1536 и 1545), отъ этого купцы ливонскихъ приморскихъ городовъ терпѣли не малые убытки, отъ застоя въ торговлѣ несли убытки и ливонскіе землевладѣльцы, между ливонскими сословіями (города и землевладѣльцы)

началь обнаруживаться ропоть на войну, начало обнаруживаться желаніе ливонскихъ сословій соединиться съ Прусскимъ Союзомъ (а подобное соединеніе наносило бы смертельный ударъ орденскому управленію). Все это побуждало Финка стараться помириться съ Новгородскою Русью во что бы то ни стало. Псковичи и новгородцы были также не въ такомъ положеніи, чтобы надѣяться на какія нибудь особенно большія выгоды отъ продолженія войны, и потому, когда король Карлъ VIII шведскій и городъ Ревель предложили свое посредничество (см. Коцебу, IV, 53) къ заключенію мира, псковичи и новгородцы согласились на съѣздъ для заключенія мира. Съѣздъ состоялся гдѣ то на рѣкѣ Наровѣ лѣтомъ 1448 г. Псковскій лѣтописецъ пишетъ (см. вторую Псковскую лѣтопись, 31), что «псковичи послали на Нарову рѣку, вмѣстѣ съ новгородцами, взять миръ съ нѣмцами псковскаго посадника Федора Патрикѣевича, и Стефана Юрьевича, Аѳанасія Юрьевича, и Леонтія Макарьинича и Тимофея Власьича, иныхъ бояръ много: и докончили миръ посадники новгородскіе и псковскіе съ княземъ местеромъ и съ юрьевцами на 25 лѣтъ, и цѣловали крестъ».

Псковскій лѣтописецъ не указываетъ въ чемъ именно состояли условія этого мира, лучше сказать перемирія, но не указаны они и въ нѣмецкихъ источникахъ (Index Наперскаго № 1633). По видимому, обѣ стороны остались при своихъ иррежнихъ границахъ, какія были до войны; весьма вѣроятно, что рѣка Нарова была подѣлена между обѣими сторонами. Торговля ганзейскихъ городовъ съ Новгородомъ и вообще съ Россіею послѣ заключенія мира возстановилась на прежнихъ основаніяхъ и купцы той и другой стороны повезли свои товары прежними путями, моремъ чрезъ Финскій заливъ и горою т. е. сухопутьемъ изъ Пскова въ Ригу. Война кончилась, ясно уже показавъ, что ливонская орденская братія не въ силахъ бороться одна, безъ посторонней помощи, съ русскими (см. письмо о томъ великаго магистра къ орденскому прокуратору отъ 13 декабря 1452 г., Index Наперскаго № 1881). Но русскіе еще не входили въ свою настоящую силу: усобицы въ Москвѣ еще не стихали, новый норядокъ ирестолонаслѣдія отъ отца къ сыну еще не утвердился окончательно, хотя окончательное его утвержденіе не подлежало сомнѣнію, какъ не подлежало уже сомнѣнію, что московскій князь въ скоромъ времени явится государемъ всей восточной Россіи, а тогда что будетъ съ Орденомъ и Ливоніею? Миръ заключили на 25 лѣтъ, но что будетъ дальше? Что именно будетъ — оказалось, когда Василій Васильевичъ Темный (ослѣпленный своими родичами) кончилъ свои дни въ 1462 г. и литовскій престолъ занялъ его сынъ Іоаннъ III Васильевичъ. Письмо великаго магистра о слабости ливонскаго ордена уже показываетъ, что дальновидные изъ орденцевъ за долго до Іоанна III и Іоанна IV уже предвидѣли судьбу Ливоніи.

Отдѣлавшись отъ внѣшней войны, Финку явилась возможность

заняться внутренними дѣлами, изъ коихъ важнѣйшими въ то время были дѣла Эзельскаго епископства.

Неопредѣленность границъ между владѣніями Ордена и епископа въ Эзельскомъ епископствѣ подавали поводъ къ безконечнымъ спорамъ и иререканіямъ. Другаго способа покончить споры не было, какъ произвести новый дѣлежъ земель. Это и было исполнено въ 1438 г. во время управленія Эзельскою епархіею епископа Іоанна Шитте, большаго благопріятеля Ордену. По договору, заключенному въ этомъ году въ Аренсбургѣ, Орденъ уступилъ епископу западную часть Эзеля и въ замѣнъ получилъ вторую половину острова Даго (первая половина принадлежала Ордену по дѣлежу, бывшему въ 1227 г.), такъ что во власти Ордена въ Эзельскомъ епископствѣ явились острова Монъ и Даго, а на Эзелѣ въ его владѣніи остались нынѣшнія мѣстности Пейде, Іоганнисъ и часть Вольде; все прочее отошло къ епископу. По смерти епископа Іоанна Шитте, послѣдовавшей въ 1438 г., Орденъ на открывшуюся вакансію поставилъ орденскаго прокуратора въ Римѣ, Іоанна Краувеля, который и былъ утвержденъ папою. Но гапсальскій соборный капитулъ Краувеля не призналъ, а избралъ эзельскимъ епископомъ соборнаго треслера, Людольфа Грау. Между кандидатами возникла борьба, ни тотъ, ни другой не хотѣли уступить другъ другу, а замѣшательства и неурядицы въ средѣ Ордена мѣшали великому магистру вступить въ распрю, но чуть лишь неурядицы нѣсколько стихли, великій магистръ предложилъ Финку поддержать Краувеля противъ Грау, который овладѣлъ епископствомъ. Финкъ, конечно, прогналъ бы Грау силою, если бы тотъ не принялъ своихъ мѣръ для своей защиты: въ 1446 г. онъ отдался со своимъ епископствомъ подъ покровительство короля Христофора датскаго, который и принялъ подъ свою защиту Грау. Финкъ въ это время заискивалъ союза съ Христофоромъ противъ русскихъ, потому ссориться съ королемъ ему никакъ не приходилось: Краувелю обѣщали дать 6000 рейнскихъ гульденовъ, да 8 коней, онъ отказался за это отъ епископства и снова принялъ на себя должность орденскаго прокуратора въ Римѣ. Но когда Христофоръ умеръ (6 января 1448 г.), то Краувель немедленно же возобновилъ свои иритязанія на епископство и прибылъ изъ Рима въ Ливонію съ рекомендательными о себѣ письмами отъ папы Николая V и императора Фридриха. Начались переговоры. Грау былъ поддерживаемъ Швеціею, Бранденбургомъ и Брауншвейгомъ, и не хотѣлъ уступить сопернику. Судили и рядили долго и не придумали ничего лучшаго, какъ подѣлить епископство на двѣ части: одну часть, именно Викъ съ Гапсалеми, предоставили Грау, а другую часть, Эзелъ съ Аренсбургомъ, предоставили Краувелю. Договоръ объ этомъ поднесли на утвержденіе папѣ Николаю V, который и утвердилъ оный 10 февраля 1450 г., получивъ предварительно въ подарокъ 600 червонцевъ. Такъ появились въ Эзельскомъ епископствѣ два полуепископа

(halben Bischöfe) и такое раздѣленіе продолжалось до смерти ихъ обоихъ.

Несравненно важнѣйшія событія произошли въ Рижскомъ архіепископствѣ въ то самое время, когда оканчивалась война съ новгородцами.

Было уже выше сказано (см. стр. 97), что въ 1435 г. между Орденомъ и архіепископомъ Геннингомъ Шарфенбергомъ было постановлено пріостановить всякія враждебныя дѣйствія на 6 лѣтъ, а такая пріостановка въ 1438 г. была продолжена еще на 6 лѣтъ (см. Index Наперскаго, № 1550). Когда 12-ти лѣтній срокъ такой пріостановки подходилъ къ концу, великій магистръ Конрадъ въ 1446 г. поручилъ орденскому повѣренному въ дѣлахъ въ Римѣ приложить старанія, дабы на па ио смерти Геннинга назначилъ рижскимъ архіепископомъ кого либо изъ орденскихъ братьевъ-священниковъ, какъ то было до Геннинга. Два года шли переговоры о томъ Ордена съ Римомъ, но вотъ наконецъ 5 апрѣля 1448 г. престарѣлый Геннингъ умеръ и уполномоченные отъ Ордена и рижскаго капитула поспѣшили въ Римъ чтобы склонить папу Николая V на свою сторону. Орденъ желалъ, чтобы Рижскую кафедру занялъ орденскій канцлеръ и капеланъ великаго магистра, Сильвестръ Штодеверерь, а чтобы орденскій прокураторъ Іодокъ Гоэнштейнъ, могъ съ успѣхомъ поддержать эту кандидатуру, великій магистръ далъ ему полномочіе израсходовать на подкупы 4000 червонцевъ (см. Index Наперскаго №№ 1593, 1601, 1606, 1607, 1608, 1610, 1615). Вмѣстѣ съ тѣмъ Орденъ, чтобы воздержать Рижскій капитулъ отъ всякой попытки произвести выборъ архіепископа распорядился публично выставить буллу, въ силу коей назначеніе рижскаго архіепископа подлежитъ не кому иному какъ папѣ. Рижскій капитулъ съ своей стороны прибилъ къ соборнымъ дверямъ анеляцію и старался выдвинуть противъ орденскаго кандидата своего кандидата въ лицѣ нѣмецкаго прелата, который однако предпочелъ занять спокойную Любекскую кафедру, чѣмъ занимать тревожную кафедру Рижскую. Уполномоченные Рижскаго капитула, деканъ Детмаръ Роперъ и соборный каноникъ, Генрихъ Нетельгорстъ, поспѣшили въ Римъ и здѣсь начали доказывать, что папа Евгений IV призналъ за всѣми нѣмецкими капитулами право избранія епархіальнаго епископа. Орденскій прокураторъ утверждалъ, что такое право предоставлено съ оговоркою: «если папа не знаетъ болѣе способнаго и полезнаго лица на замѣщеніе вакансіи» (см. Index, №№ 1614, 1617, 1642). Орденъ, лучше сказать, кредитъ въ 4000 червонцевъ, открытый орденскому прокуратору, *) побѣдилъ и Сильвестръ Штоде-

*) Счетъ орденскаго прокуратора въ израсходованіи суммъ на подкупы въ Римѣ см. въ Index'ѣ № 1632. Оказывается, что папѣ было дано 800 червонцъ въ, да подарокъ въ 100 червонцевъ, прочія деньги изъ открытаго кредита пошли на кардиналовъ и розданы разнымъ чиновникамъ при папскомъ дворѣ. Іодокъ не забылъ и самого себя: взялъ себѣ 50 червонцевъ, и кромѣ того взялъ по 3¹/₂ процента въ иѣсяцъ за деньги, кои онъ расходовалъ

вешеръ былъ 9 сентября 1448 г. назначенъ архіепископомъ Рижскимъ. Папа Николай V особою буллою отъ 9 октября 1448 г. (напечатана въ Nordische Miscel. часть 3 и 4 стр. 587—590) рекомендовалъ новаго архіепископа городу Ригѣ какъ прелата добродѣтельнаго, извѣстнаго папѣ своею ревностію къ вѣрѣ, ученостію и доброю нравственностію. Великій магистръ съ своей стороны написалъ королю польскому и великому князю литовскому, Казимиру Ягайловичу (см. Index № 1660), прося его, чтобы онъ, вслучаѣ нужды, силою принудилъ архіепископство Рижское и вассаловъ онаго къ принятію новаго архіепископа, на каковое письмо король отвѣтилъ (см. Index, № 1679) вполне резонно, что дѣло о рижскомъ архіепископѣ до польскаго короля ни мало не относится.

Но кто такой былъ этотъ Сильвестръ Штодевешеръ, игравшій въ Ливоніи въ теченіе цѣлыхъ 30 лѣтъ весьма важную роль? О его прошломъ до назначенія архіепископомъ въ Ригу извѣстно лишь то, что сообщаетъ Арндтъ (стр. 157). По его словамъ, Сильвестръ родился въ Торнѣ около 1407 г.; образованіе онъ получилъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, въ которомъ и получилъ ученныя степени бакалавра, магистра и ассесора философскаго факультета, и приобрѣлъ себѣ извѣстность рѣчами и сочиненіями, изъ которыхъ важнѣйшими были коментаріи на нѣкоторыя книги Аристотеля. Около 1440 г. онъ вступилъ въ Тевтонскій орденъ и своими обширными знаніями и наружнымъ смиреніемъ и благочестіемъ приобрѣлъ къ себѣ неограниченное довѣріе великаго магистра Конрада Эрлихсгаузена, который и назначилъ его на должность орденскаго канцлера и сдѣлалъ его своимъ каиеланомъ. Великій магистръ, рекомендуя Сильвестра, конечно, вполне былъ увѣренъ, что онъ будетъ дѣйствовать въ видахъ и пользахъ Ордена; виды же и пользы Ордена требовали, чтобы рижскій архіепископъ былъ самъ членомъ Ордена, слѣд. поддерживалъ и орденское управленіе въ странѣ. Было уже разсказано какъ возникъ и видоизмѣнялся вопросъ объ одѣяніи духовенства въ Рижскомъ архіепископствѣ (см. выше стр. 13) и было разсказано также, что въ вопросѣ этомъ не о рясахъ или капиціонахъ въ сущности шло дѣло, а о самостоятельности и независимости духовенства отъ Ордена. Предшественнику Сильвестра удалось добиться этой независимости, столь нежеланной Ордену, который, конечно, не такъ легко бы уступилъ побѣду Геннингу, если бы обстоятельства складывались болѣе благопріятно для орденскаго управленія. Но мы уже видѣли каковы были обстоятельства въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XV ст., въ коихъ находился Орденъ въ Пруссіи и Ливоніи. Теперь обстоятельства измѣнились: внѣшнія войны стихли, явилась возможность ноустроиться внутри, навестать

изъ своей собственности. Всего назначеніе Сильвестра обошлось Ордену въ 4300 червонцевъ кои великій магистръ далъ взаимы ливонскому магистру съ тѣмъ, чтобы Сильвестръ уплатилъ ему эту сумму.

потерянное. Умирает архіепископъ въ Ригѣ, какъ же было не воспользоваться случаемъ, чтобы ливонская орденская братія по отпoшенію къ духовенству не заняла снова тоже самое положеніе, какое уже имѣла и которое утратило при Шарфенбергѣ. Великій магистръ выдвинулъ кандидатуру Сильвестра, безъ сомнѣнія заручившись отъ него, что онъ, сдѣлавшись архіепископомъ, не сниметъ орденскаго одѣянія, обяжетъ рижскій соборный капитулъ къ принятію таковаго, возстановитъ дѣйствіе буллъ папы Бопифація IX объ одѣяніи и уничтожитъ соглашеніе, заключенное 4 декабря 1435 г. между архіепископомъ Геннингомъ и тогдашнимъ ливонскимъ магистромъ Букенворде. Иначе, съ какой бы стати великому магистру поддерживать кандидатуру Сильвестра, рисковать для того значительными деньгами и выдвигать на важный постъ челоуѣка, въ которомъ Орденъ не могъ быть увѣренъ?

Какъ бы то ни было, но Сильвестръ былъ утвержденъ архіепископомъ на рижскую кафедру и великій магистръ въ мартѣ 1449 г. послалъ въ Ригу извѣстить ливонскія сословія о состоявшемся утвержденіи Сильвестра. Рижскій капитулъ протестовалъ противъ нарѣченія Сильвестра (см. Index № 1659), но сознавая, что его протестъ равно ни къ чему не служитъ, согласился отправить въ Маріенбургъ, гдѣ находился Сильвестръ, отъ себя и отъ архіепископскихъ вассаловъ, особую депутацію, которая бы могла видѣться и переговорить съ новымъ властителемъ архіепископства. Въ составѣ этой депутаціи были избраны рижскій соборный пробстъ (протоіерей) Дитрихъ Нагель и архіепископскіе вассалы (рыцари, какъ они въ тѣ времена именовались) Карлъ Фитпиггофъ и Эвальдъ Паткуль. Они поѣхали въ резиденцію великаго магистра, Маріенбургъ, съ порученіемъ получить отъ новаго архіепископа, до вступленія имъ въ должность, подтвержденіе всѣхъ правъ и преимуществъ какъ рижскаго капитула, такъ и архіепископскихъ вассаловъ. Сильвестръ ни мало не затруднился такимъ подтвержденіемъ: о пасхѣ 1449 г. (см. Index № 1680) подписалъ 13 апрѣля 1449 г. грамоту (привиллегія), кою подтвердилъ силу всѣхъ существующихъ правъ и преимуществъ капитула и вассаловъ обѣщаясь не только не умалять оныхъ, но увеличить, и безъ согласія капитула и рыцарства не начинать тяжелой войны. Другою грамотою отъ 19 апрѣля того же 1449 г. (см. Index, № 1682) онъ обѣщалъ оставить рижскій капитулъ при одѣяніи, какое ему было присвоено буллою папы Мартина V, а для уплаты издержекъ, употребленныхъ при папскомъ дворѣ при назначеніи его, Сильвестра, архіепископомъ не закладывать церковныхъ имѣній Ордену (см. Index № 1684). Депутаты остались весьма довольными такими подтвержденіями и обѣщаніями Сильвестра и уѣхали въ Ригу съ прекраснымъ мнѣніемъ о новомъ архіепископѣ. Остался доволенъ Сильвестромъ и великій магистръ, ибо получилъ увѣреніе его, что расходы, сдѣланные Орденомъ

при папскомъ дворѣ, онъ, Сильвестръ, возмѣститъ въ теченіе двухъ лѣтъ (см. Index №№ 1685, 1696, 1697, 1698). Ни мало не тревожился великій магистръ и вопросомъ объ одѣяніи, ибо Сильвестръ 19 мая 1449 г. далъ ему на бумагѣ удостовѣреніе (см. Mitth. II, 333) и честное слово (hei Treue und Ehre), что никогда не сниметъ орденское одѣяніе и принудитъ рижскихъ соборныхъ канониковъ снова возложить на себя таковое. Такимъ образомъ Сильвестръ въ грамотѣ отъ 19 апрѣля обѣщаль рижскому капитулу одно, а чрезъ мѣсяць въ грамотѣ 19 мая обѣщаль великому магистру какъ разъ противоположное. Очевидно, Сильвестръ не приписывалъ никакого особеннаго значенія своимъ обѣщаніямъ и честному слову, да и много-ли въ тѣ времена католическіе прелаты и самые папы заботились объ исполненіи своихъ обѣщаній, иногда и самыхъ торжественныхъ.

Успокоивъ и ливонскихъ депутатовъ, и великаго магистра, и Орденъ, Сильвестръ 30 мая 1449 г. выѣхалъ наконецъ изъ Маріенбурга въ Ригу, чтобы тамъ вступить на архіепископскую кафедру; выѣхалъ онъ при обстановкѣ довольно печальной, на одной купленной, да на парѣ взятыхъ въ займы лошадей (см. Index № 1704). Въ Ливоніи тамошніе католики уже ждали его прибытія, радуясь, что получаютъ достойнаго архипастыря, сколько ученаго, столько же разумнаго и добродѣтельнаго. На границѣ Куроніи Сильвестръ былъ уже встрѣченъ духовенствомъ и рыцарями съ большимъ почетомъ и вниманіемъ. Въ Голдингенѣ мѣстный орденскій командоръ и орденскій братъ священникъ изъ Пильтена торжественно встрѣтили Сильвестра и поднесли ему въ подарокъ серебряные сосуды какъ церковные, такъ и для домашняго обихода. На встрѣчу архіепископу выѣхали изъ Риги соборный пробстъ съ канониками и орденскимъ секретаремъ. Они встрѣтили Сильвестра за 10 миль отъ Риги и дали ему свиту, которая бы проводила его до Двины, гдѣ уже ждалъ его корабль, великолѣпно убранный и обитый дорогимъ сукномъ. Сильвестръ сѣлъ на этотъ корабль и прибылъ въ замокъ Даленъ. Здѣсь онъ прожилъ двое сутокъ, чтобы дать время городу украситься и приготовиться къ торжественному приему архіепископа. Парадный въѣздъ Сильвестра въ Ригу совершился въ воскресенье, 22 іюня 1449 г., и сопровождался небывалымъ блескомъ и великолѣніемъ. Церемоніальное шествіе открывали великолѣпно разодѣтые архіепископскіе фохты, вассалы и служители, числомъ до 2000 всадниковъ. Они ѣхали при звукахъ трубъ и музыки. За ними слѣдовала орденская братія и слуги также богато разодѣтые, за орденскою братією слѣдовали рижскіе бюргеры. Отъ городскихъ воротъ до собора были разставлены шпалерами ученики и монахи. У городскихъ воротъ соборные каноники принесли присягу архіепископу, какъ то бывало при вержнихъ архіепископахъ. Сильвестръ въ архіепископскомъ орнатѣ прибылъ къ собору и при входѣ въ него произнесъ обычную присягу уважать права, преимущества

и свободы города. По произнесении присяги, архіепископъ при пѣвнѣи молитвъ вступилъ въ соборъ и занялъ приготовленное для него возвышенное, почетное мѣсто. Началась обѣдня, по отслуженіи которой Сильвестръ оставилъ соборъ; предъ нимъ несли обнаженный мечъ. Это былъ старинный обычай, отъ котораго архіепископскіе вассалы ни за что не хотѣли отказаться, говоря, какъ писалъ въ послѣдствіи Сильвестръ великому магистру (см. Index № 1712), что они скорѣе умрутъ, чѣмъ покинуть древніе обычаи. Архіепископъ былъ, однако недоволенъ такимъ обычаемъ. „Я не привыкъ, писалъ онъ великому магистру, видѣть обнаженные мечи.“

Соборные каноники угостили въ этотъ день своего новаго архіепископа. За столомъ архіепископу прислуживали самыя почетныя лица изъ архіепископскихъ вассаловъ, одни въ качествѣ крайчихъ, другіе въ качествѣ стольниковъ (Truchsess). Всѣ они были разодѣты въ украшенные лентами кафтаны изъ шолка и бархата съ дорогими цѣпями на груди. На другой день, 23 іюня, архіепископъ угощалъ обѣдомъ орденскую братію и архіепископское рыцарство, а въ Ивановъ день, 24 іюня, далъ пиръ горожанкамъ и ихъ дочерямъ. Послѣ пира устроились танцы. По окончаніи угощенія и пиршествъ, дня черезъ два архіепископскіе вассалы принесли присягу архіепископу и принудили духовенство, дабы оно вторично присягнуло, ибо древній обычай требовалъ, чтобы присяга была принесена въ обоюдномъ присутствіи духовенства и вассаловъ. За тѣмъ архіепископскіе вассалы сняли съ себя шляпы, поясы и оружіе, стали на колѣни и просили архіепископа объ инвеститурѣ ихъ наслѣдственныхъ имѣній. Архіепископъ далъ инвеституру, поцѣловалъ каждого вассала и каждого завѣрилъ, что ирбудетъ вѣрнымъ своему обѣщанію. Послѣ чего соборные каноники передали Сильвестру оставшіеся послѣ его предшественника всякую серебрянную посуду, дорогія митры, кресты, церковныя облаченія и епископскую шляпу. Рижскій магистратъ съ своей стороны поднесъ архіепископу поставецъ алаго сукна, 12 или 14 сороковъ бѣличьяго мѣха и бочку рейнскаго вина. Письменное подтвержденіе правъ и преимуществъ Риги послѣдовало, однако, не сейчасъ, а лишь годъ спустя, именно 25 іюля 1450 г. (напечатано въ N. nord. Misc. Гупеля, ч. 4, стр. 590).

Въ то время, когда въ Ригѣ съ такимъ торжествомъ встрѣчали Сильвестра, виновникъ его возвышенія, великій магистръ Конрадъ Эрлихсгаузенскій, тяжело заболѣлъ. Ему удалось сохранить вѣншній миръ съ сосѣдями, не удалось, однакоже, разрушить Прусскій Союзъ, за то удалось отмѣнить орзельскіе уставы, которые онъ призналъ въ 1441 г. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что эти уставы въ будущемъ могли внести лишь разладъ въ Орденъ, потому Конрадъ давно уже задумывалъ объ уничтоженіи ихъ, но пока былъ жпвъ дейчмейстеръ Заунсгеймъ нечего было напрасно поднимать и рѣчь объ отмѣнѣ. Но когда

упрямый Заунсгеймъ умеръ, Конрадъ далъ порученіе орденскому прокуратору въ Римѣ похлопатать, чтобы ново-избранный папа Николай V уничтожилъ орзельнскіе уставы во всей ихъ обширности. Хлопоты увѣнчались успѣхомъ: папа буллою отъ 29 апрѣля 1449 г. поручилъ епископамъ Помезанскому и Эрмландскому разсмотрѣть орзельнскіе уставы и если окажется, что эти уставы вредны Ордену, то объявить ихъ уничтоженными подъ угрозою отлученія и изгнанія всякаго, кто воспротивится такому объявленію. Оба епископа эти, вопліѣ раздѣлявшіе виды и интересы великаго магистра, нашли уставы вредными и потому объявили ихъ уничтоженными. Дейчмейстеръ и ливонскій магистръ ни слова не возражали противъ уничтоженія уставовъ, чѣмъ и признали силу ихъ уничтоженія. Удалось Конраду уничтожить уставы, но не удалось совершить главнаго: поднять нравственность и дисциплину среди самой орденской братіи. Много онъ положилъ трудовъ и заботъ на то, и все было тщетно: разнузданность и распутство среди военно-монашеской братіи не умолялись, а со дня на день усиливались, даже самая резиденція великаго магистра, Маріенбургъ, сдѣлалась гнѣздомъ всякаго безстыдства и распутства, всякаго презрѣнія къ божескимъ и человѣческимъ законамъ (см. о томъ у Фохта VIII, 196 и у Коцебу IV, 94). Совершенный упадокъ дисциплины и полное неуваженіе закона въ средѣ самой орденской братіи ничего уже не предвѣщали Ордену, какъ близкій конецъ его управленію и господству въ странѣ.

Въ октябрѣ 1449 г. апоплексическій ударъ поразилъ Конрада и надежды на его выздоровленіе никакой уже не было. Орденскіе сановники начали думать объ избраніи новаго великаго магистра. Мало кто изъ сановниковъ и орденскихъ рыцарей цѣнилъ заслуги Конрада, большинство ихъ было крайне недовольно Конрадомъ за его стремленія обуздать распутство между рыцарями и еще болѣе были недовольны существованіемъ Прусскаго Союза, все же ограничивавшаго произволь и самоуправство братіи. Недовольные рыцари не задолго до смерти Конрада собрались въ Меве и здѣсь поклялись между собою избрать такого великаго магистра, который бы уничтожилъ Прусскій Союзъ до тла, какъ угрозу самому существованію Ордена.

Къ умирающему великому магистру пришли сановники, чтобы, но обычаю, спросить у него совѣта на счетъ выбора ему преемника. Сановники пожелали умирающему выздоровленія. Онъ отвѣтилъ: „Отъ васъ и отъ другихъ я испыталъ столь мало радости, что долженъ бы заболѣть, если бы не заболѣлъ уже. Желая лишь умереть; Богъ да проститъ мнѣ мои прегрѣшенія.“ Когда спросили у него совѣта на счетъ преемника, онъ отвѣчалъ: «Между вами находятся двое, которые добивались моего званія. Возьмете вы Генриха Рейса Плауенскаго, будетъ у васъ война и возстаніе. Но война и возстаніе могутъ послѣдовать, если вы изберете моего двоюроднаго брата, Людвигъ,

который не имѣеть никакой самостоятельности и будетъ дѣлать то, чего будетъ домогаться ваше большинство или чего затребуютъ крикуны. Я бы совѣтовалъ вамъ избрать Вильгельма Эппингена, кроткаго и миролюбиваго человѣка, но впрочемъ, за чѣмъ вамъ мой совѣтъ, когда я знаю, что вы уже порѣшили между собою кого выбрать . . . Да сохранить Богъ страну! Богъ даровалъ намъ ее, смотрите же, чтобы и не отнялъ!» Умирающій не хотѣлъ больше разговаривать съ сановниками и отвернулся отъ нихъ. Скоро послѣ того, 7 ноября 1449 г., онъ умеръ (см. Фохта VIII, 188—190).

По заведенному изстари обычаю, управление дѣлами по смерти великаго магистра, перешло къ совѣту сановниковъ (великій командоръ, орденскій маршалъ, главный шпитлеръ, главный трапиръ, и др.). 4 декабря 1449 г. совѣтъ этотъ назначилъ, впредь до выбора великаго магистра, намѣстникомъ великаго командора Генриха Рихтенберга, разослалъ приглашенія къ дейчмейстеру, къ ливонскому магистру и къ орденскимъ командорамъ въ Австрій, Эльзасъ и пр. прибыть въ Маріенбургъ на выборы, имѣющіе быть 21 марта 1450 г., и за тѣмъ составилъ ограничительныя условія, на какихъ долженъ былъ управлять страной будущій великій магистръ (условія см. у Фохта, VIII, 200—201). Къ назначенному сроку въ Маріенбургъ прибыли избиратели, прибылъ изъ Ливоніи магистръ Финкъ, и здѣсь единогласно на должность великаго магистра былъ избранъ, вопреки совѣту покойнаго Конрада, его двоюродный братъ, Людвигъ Эрлихсгаузенскій, человѣкъ наименѣе способный управлять дѣлами въ Пруссіи въ тѣ времена*). Безхарактерный, чванный, мало образованный, склонный къ пьянству онъ былъ игрушкою въ рукахъ окружавшихъ его сановниковъ и, принявъ санъ великаго магистра на предложенныхъ ему условіяхъ, не замедлил начать борьбу съ Прусскимъ Союзомъ, приведшую орденъ къ гибели.

Ливонскій магистръ, Гейденрейхъ Финкъ Овербергскій, прибылъ въ Маріенбургъ на выборы, будучи нелюбимымъ. Мѣсяца чрезъ четыре послѣ выбора великаго магистра, онъ, въ августѣ 1450 г. умеръ и ливонскіе сановники, по обычаю, представили великому магистру двухъ кандидатовъ на должность великаго магистра. Великій магистръ утвердилъ ревельскаго командора Іоанна фонъ Менгдена, по прозванію Остгофа, который и вступилъ въ управленіе орденскими дѣлами.

Такимъ образомъ въ и Пруссіи, и въ Ливоніи управленіе дѣлами перешло къ новымъ магистрамъ: въ Пруссіи явилось въ рукахъ безхарактернаго Людвигъ Эрлихсгаузена, а въ Ливоніи въ рукахъ Остгофа, человѣка смѣлаго и рѣшительнаго, но столько же хитраго и коварнаго, какимъ былъ и новый архіепископъ рижскій, Сильвестръ

*) Въ 1434 г. онъ былъ компаномъ въ службѣ командора Бранденбургскаго; съ 1436 по 1439 компаномъ въ службѣ великаго магистра; съ 1439 по 1447 г. фохтомъ въ Лейпне, и съ 1447 г. состоялъ командоромъ въ Меве.

Штодевешерь, съ такимъ почетомъ и торжествомъ принятый въ Ригѣ въ прошломъ 1449 г.

Посмотримъ теперь чѣмъ ознаменовалась дѣятельность новыхъ магистровъ въ ихъ странахъ.

VI. Пруссія до Торнскаго мира и Ливонія до смерти архіепископа Сильвестра.

Выборъ великаго магистра Людвига Эрлихогаузенскаго. — Папскій легатъ и съѣздъ въ Эльбингъ. — Попытка ливонскихъ городовъ вступить въ Прусскій Союзъ. — Капитулъ въ Маріенбургѣ. — Посольство въ Вѣну и рѣшеніе императора. — Прусскій Союзъ обращается за помощію къ Польшѣ. — Начало открытой войны между Орденомъ и Прусскимъ Союзомъ. — Ливонскія дѣла и отношенія. — Вольмарское соглашеніе 1451 г. — Вопросъ о главенствѣ надъ Ригою. — Кирхгольмскій договоръ 1452 г. — Двоевластіе въ Ригѣ. — Остгофская привиллегія. — Прусскій Союзъ подчиняется Польшѣ. — Начало войны Ордена съ Польшею. — Пораженіе поляковъ подъ Хойницами. — Наемныя дружины въ Пруссіи. — Продажа ими польскому королю орденскихъ замковъ. Война съ Польшею. — Торнскій миръ 1466 г. — Событія въ Ливоніи до смерти архіепископа Сильвестра.

(1450—1479).

Источники для этой главы тѣже, какіе служили для составленія главы предшествовавшей

Единогласный выборъ великаго магистра налъ, какъ было сказано, вопреки совѣта умиравшаго великаго магистра, Конрада, на его дрююроднаго брата, Людвига Эрлихгаузенскаго, человѣка безхарактернаго и ровно ничѣмъ не ознаменовавшаго себя, но такого магистра именно и нужно было прусскимъ орденскимъ сановникамъ. Людвигъ легко согласился на предложенныя ему сановниками условія, ограничивавшія власть великаго магистра въ орденскихъ конвентахъ, слѣд. была полная надежда, что въ дѣйствіяхъ своихъ онъ будетъ сообразоваться болѣе съ желаніями сановниковъ, чѣмъ съ дѣйствительными пользами Ордена. „Знаю, говорилъ на смертномъ одрѣ Конрадъ сановникамъ (см. Фохта VIII, 190), что недавно большинство васъ собралось въ Меве и тамъ вы постановили, что будущій великій магистръ, если будетъ избранъ изъ вашей среды, долженъ уничтожить Прусскій Союзъ, но чрезъ это вы потеряете всю страну“ *). Выбрали

*) Не излишне отмѣтить, что члены Прусскаго Союза, при самомъ возникновеніи его, заботились обезпечить его существованіе. Города Кульмъ и Торнъ, еще въ послѣдній годъ магистерства Пайла Русдорфа, тайно отправили къ римскому королю Фридриху III, будущему

Людвига (онъ былъ командоромъ въ Меве и у него происходило собраніе, о которомъ говорилъ Конрадъ) и новый великій магистръ съ иервыхъ же дней своего управленія дѣлами вступилъ въ враждебныя отношенія къ Союзу: возникли ожесточенные споры и пререканія между Союзомъ и великимъ магистромъ и раздоръ между ними дошелъ наконецъ до того, что пана Николай V, къ которому обратились и Людвигъ, и ожесточенный врагъ Союза, епископъ Францискъ Кушмальць Эрмландскій призналъ необходимымъ послать въ Пруссію особаго легата, который бы на мѣстѣ разслѣдовалъ кто правъ, кто виноватъ. Легатомъ былъ назначенъ португальскій епископъ Людвигъ Сильвесъ (Сильва), который и прибылъ въ Маріенбургъ 23 ноября 1450 г. Папа вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ 2 августа 1450 г. въ Ригу архіепископу Сильвестру, поручая ему вспомоцествовать легату при его разслѣдованіи дѣйствій „безбожнаго“ Союза, но и строго, однако, осуждая орденское управленіе въ Пруссіи, которое вмѣсто того, чтобы отечески заботиться о своихъ подданныхъ, только угнетаетъ ихъ тяжелыми поборами и повинностями. Великій магистръ созвалъ на 10 декабря 1450 г. большой съѣздъ прелатовъ, орденскихъ сановниковъ, представителей землевладѣльцевъ и городовъ въ Эльбингъ. На этомъ съѣздѣ легатъ произнесъ рѣчь о цѣли, съ которою онъ присланъ иапою, и рѣзко высказался противъ Союза. Послѣ рѣчи, онъ вышелъ изъ собранія и великій магистръ началъ совѣщанія, какого рода отвѣтъ дать легату. Одинъ изъ помѣщиковъ заявилъ, что великій магистръ долженъ защитить Союзъ. Вы, говорили Людвигу другіе представители сословій (см. Фохта VIII, 225) очень хорошо знаете, что Союзъ учредился противъ насилій и несправедливостей съ вѣдома и согласія бывшаго великаго магистра Павла Русдорфа, сановниковъ и прелатовъ, и что Союзъ этотъ былъ утвержденъ вашимъ двоюроднымъ братомъ. Онъ обѣщалъ охранять наши свободы и привиллегіи и Союзъ существуетъ никакъ не противъ законныхъ властителей, коихъ мы сами желаемъ защищать противъ незаконныхъ насилій. Зачинщикъ всѣхъ обвиненій противъ Союза есть епископъ Эрмландскій: онъ не только угнетаетъ своихъ подданныхъ, но и стремится господствовать надъ Орденомъ. Просимъ еще разъ: извольте защитить насъ противъ обвиненій и угрозъ легата, иначе мы вынуждены будемъ сами выяснитъ папѣ, императору и импер-

германскому императору, посольство съ просьбою объ утвержденіи Союза. Король Фридрихъ III, вслѣдствіе этой просьбы, въ началѣ февраля 1441 г. далъ королевскій дипломъ (см. Фохта VIII, 1), коимъ одобрялась цѣль Союза охранять страну отъ насилій и несправедливостей и утверждалось учрежденіе онаго съ тѣмъ, чтобы эти города, такъ и другіе, кои пристанутъ къ Союзу, исполнили на великаго магистра и орденскихъ сановниковъ все то, что, согласно правъ и преимуществъ Ордена, подлежало къ исполненію.

Великій магистръ дѣлалъ попытки уничтожить Союзъ еще въ 1443 г., но сановники не только не достигали своей цѣли, но служили лишь къ большому скрѣпленію связи союзниковъ между собою. Дальновидный и умный Конрадъ это очень хорошо видѣлъ и потому, по отношенію къ Союзу, дѣйствовалъ очень осторожно, а этимъ больше всего возбуждалъ противъ себя сановниковъ, негодовавшихъ на то, что Союзъ полагаетъ преграды своеволю и беззаконіямъ орденской братіи. Послѣдствія вопли оправдали предсказанія Конрада.

скимъ князьямъ причины, побудившія насъ учредить Союзъ; мы не желали бы давать такихъ объясненій: онѣ не принесли бы Ордену особенной чести“. Въ гнѣвѣ на такое заявленіе, великій магистръ воскликнулъ: „Вашъ вѣроломный Союзъ, направленный противъ вашихъ властителей, никогда не былъ одобряемъ ни однимъ честнымъ человѣкомъ, и я его никогда не одобрялъ. Вы думаете жаловаться на насъ, такъ знайте, что у насъ имѣется побольше вашего законныхъ жалобъ на ваше неповиновеніе и противленіе. Хотите, чтобы легатъ не предавалъ васъ проклятію, вы должны повиноваться ему и его требованіямъ.“ Представители номѣщиковъ и городовъ на это сказали, что легатъ требуетъ уничтоженія Союза, но такъ какъ отвѣчать на подобное требованіе они не имѣютъ никакихъ инструкцій отъ уполномочившихъ ихъ, потому никакого заявленія легату на его требованіе дать не могутъ. Влѣдствіе этого положили быть новому съѣзду въ Эльбингъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1450 г.

На этомъ вторичномъ съѣздѣ землевладѣлецъ Байзень, отвѣчая легату отъ имени Союза, сказалъ, что Союзъ безъ всякихъ посредниковъ готовъ войти въ соглашеніе съ великимъ магистромъ по отдѣльнымъ спорнымъ пунктамъ. Великій магистръ и сановники согласились на подобное предложеніе Байзена и склонили согласиться на то и легата. Въ январѣ 1451 г. легатъ, ничего путнаго не добившись, уѣхалъ изъ Пруссіи, заявивъ (см. Фохта VIII, 236), что всѣ участники Союза впади въ смертный грѣхъ, и умершіе члены Союза осуждены на вѣчную муку.

Прусскій Союзъ остался нетронутымъ и слухъ о легатѣ и съѣздахъ въ Эльбингъ скоро достигъ Ливоніи, гдѣ и незамедлительно обнаружилось новое движеніе ко включенію ливонскихъ городовъ въ этотъ Союзъ. Рижскій городской секретарь (писарь) о пасхѣ 1451 г. былъ посланъ въ Пруссію (см. Index Наперскаго № 1855) переговорить тамъ о присоединеніи ливонскихъ городовъ — Риги, Дерпта, Ревеля и Вендена — къ Прусскому Союзу. Переговоры остались безъ послѣдствій, но они сильно встревожили и ливонскаго магистра, Менгдена, и архіепископа Сильвестра. Менгденъ сообщилъ великому магистру о цѣли съ какою отправленъ рижскій писарь въ Пруссію, а рижскій архіепископъ въ письмѣ отъ 27 апрѣля 1451 г. изъ Кокенгузена совѣтовалъ великому магистру не слишкомъ тѣснить Союзъ, чтобы не доводить его до крайностей, дѣйствовать больше добромъ, чѣмъ силою. Тоже самое совѣтовалъ Людвигу и дейчмейстеръ.

Подобные совѣты отнюдь не соотвѣтствовали видамъ Людвигу и его сановниковъ. Когда неудалось разстроить и уничтожить Союзъ авторитетомъ папы, Орденъ сдѣлалъ попытку къ уничтоженію Союза посредствомъ авторитета императора и съ этою цѣлію великій магистръ сталъ разсылать къ императору и къ имперскимъ князьямъ жалобы на Союзъ, не брезгая въ своихъ жалобахъ преувеличеніями и

клеветами. Средство это подѣйствовало на столько, что многіе имперскіе князья сдѣлали серьезныя письменныя напоминанія Союзу вообще и городу Гданску въ частности. вмѣстѣ съ тѣмъ великому магистру удалось деньгами и льстивымъ обращеніемъ привлечь на свою сторону самаго выдающагося члена Союза, помѣщика Ганса Байзена (изъ кассы великаго магистра ему ежегодно выдавалось по 100 марокъ за оказываемыя подъ рукою услуги Ордену), а тутъ и императоръ высказался весьма неблагоклонно о Союзѣ, требуя его упраздненія. Все это въ значительной степени поколебало Союзъ, — начались отпаденія отъ него, и, быть можетъ, Союзъ совсѣмъ бы разстроился, если бы не былъ поддержанъ стариннымъ товариществомъ Ящерицы (см. выше стр. 34), которое не прекращало своего существованія, хотя и не принимало никакого дѣятельнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Товарищество имѣло въ виду тѣже самыя цѣли, какія имѣлъ Союзъ, потому въ это товарищество вступали самыя вліятельныя помѣщики и оно поддержало пошатнувшійся было Союзъ. Начались новые переговоры съ Орденомъ, продолжавшіеся въ 1451 и 1452 годахъ. Переговоры эти хотя и оставались безъ послѣдствій, но Союзъ не только не распался, не только уцѣлѣлъ, но и приобрѣлъ новыя силы для дальнѣйшей борьбы съ Орденомъ.

Въ то самое время, когда шли переговоры Ордена съ Союзомъ, снова всплылъ наружу вопросъ объ орзельскихъ статутахъ, уничтоженныхъ было при Конрадѣ (см. выше стр. 139). Новый дейчмейстеръ, Юстъ Беннингенъ, предвидѣвшій уже что Ордену въ Пруссіи не сдобровать и быть можетъ уже строившій свои честолюбивыя планы на возвышеніе вслучаѣ паденія прусской отрасли Ордена, еще въ началѣ 1451 г. писалъ ливонскому магистру, Менгдену, что желаетъ вновь поднять дѣло о названныхъ статутахъ. Менгденъ увѣдомилъ о томъ великаго магистра письмомъ отъ 7 апрѣля, испрашивая его совѣта какъ отвѣчать дейчмейстеру на его письмо. Неизвѣстно, что присовѣтовалъ Людвигъ Менгдену, но только дѣло о статутахъ показалось Людвигу столь важнымъ, что онъ счелъ необходимымъ созвать въ Маріенбургъ генеральный каиитулъ какъ для обсужденій вопроса о статутахъ, такъ и другихъ вопросовъ, изъ коихъ не послѣднее мѣсто занимало предложеніе о соединеніи Іоаннитскаго Ордена съ Тевтонскимъ. Каиитулъ былъ созванъ на мартъ 1452 г., при чемъ и дейчмейстеръ, и ливонскій магистръ получили приглашеніе прибыть въ Маріенбургъ на этотъ каиитулъ.

Дейчмейстеръ Юстъ, получивъ приглашеніе и охранную грамоту, прибылъ въ началѣ 1452 г. въ Пруссію и засталъ эту страну въ сильномъ возбужденіи (см. Фохта VIII, 253). Товарищество Ящерицы постоянно увеличивалось новыми членами и находилось съ членами Прусскаго Союза въ совершенномъ единеніи, весьма опасномъ для Ордена. Самый Союзъ усилился вступленіемъ въ него новыхъ городовъ,

преимущественно нидерландскихъ, а съ усиленіемъ его состава усилился и духъ упорства и противленія Ордену. Члены Союза собирались на свои съѣзды когда хотѣли, дѣлали распоряженія, какія имъ было угодно, безъ всякаго вѣдома и дозволенія великаго магистра, на запрещенія и приказанія котораго почти уже никто не обращалъ вниманія.

Въ концѣ марта 1452 г. въ Маріенбургѣ открылись засѣданія генеральнаго капитула. Начали обсуждать вопросъ объ орзельскихъ уставахъ и не пришли ни къ какому соглашенію, такъ что уставы эти остались не то отмѣненными, не то имѣющими силу, а между тѣмъ члены Прусскаго Союза задумали воспользоваться пребываніемъ въ Маріенбургѣ дейчмейстера и ливонскаго магистра, чтобы принести имъ формальную жалобу на великаго магистра, прелатовъ и орденскихъ сановниковъ, и съ этою цѣлю потребовали (см. Фохта VIII, 254), чтобы великій магистръ созвалъ съѣздъ, съ приглашеніемъ къ оному обоихъ магистровъ. Людвигъ не далъ никакого отвѣта на просьбу сословій и постарался, чтобы оба магистра поскорѣ уѣхали изъ Пруссіи.

Здѣсь не мѣсто рассказывать подробно какъ шли дальнѣйшіе переговоры между Орденомъ и Союзомъ и какъ происходила дальнѣйшая борьба между ними, достаточно сказать, что переговоры не приводили ни къ какимъ результатамъ и члены Союза уже въ 1452 г. вошли въ сношенія съ поляками на счетъ поддержки Союза. Отношенія между Орденомъ и Союзомъ обострялись со дня на день, наконецъ спорящія стороны рѣшились обратиться къ посредничеству и рѣшенію императора Фридриха III. Въ октябрѣ 1452 г. члены Союза отправили пословъ къ императору, не порывая, однако, сношеній съ Польшею на счетъ поддержки, отправилъ и Людвигъ къ императору лейпенскаго фохта, Георга Еглофштейна, съ оправдательными документами противъ взводимыхъ Союзомъ на Орденъ обвиненій. Послы отъ Союза прибыли въ Вѣну 6 декабря 1452 г. и здѣсь имъ удалось (см. Фохта VIII, 279 и 280) за 5400 червонцевъ добыть отъ императора весьма важный, за его подписью, документъ, коимъ императоръ не только подтверждалъ права и преимущества городовъ Кульма и Торна, но и даровалъ не маловажныя милости и преимущества членамъ Прусскаго Союза*). Эта императорская грамота подняла духъ всего Союза, тѣмъ не менѣе императоръ рѣшенія спора никакого не далъ, а распорядился, чтобы обѣ стороны, Орденъ и Союзъ, прислали въ Вѣну къ Иванову дню 1453 г. своихъ уполномоченныхъ, тогда-де и послѣдуетъ разбирательство всего дѣла и окончательное рѣшеніе его.

*) Впослѣдствіи императоръ Фридрихъ III отказывался отъ этой грамоты, увѣряя, что не подписывалъ ее. Очень возможно, что онъ подписалъ грамоту, не читая или не зная вовсе содержанія ея. Нуждавшійся въ деньгахъ Фридрихъ III не стѣснялся нарушать свои обѣщанія, а его пронырливый руководитель и главный секретарь, Эней Сильвій Пиколомини (впослѣдствіи папа Пій II), и подавно ничѣмъ не стѣснялся. Для такихъ лицъ подписать и потомъ отказаться отъ подписи ничего не значило.

Уполномоченные Ордена (епископъ Францискъ Эрмландскій, главный орденскій шпитлеръ Генрихъ Рейсъ Плауенскій, фохтъ лейпенскій Георгъ Эглофштейнъ и др.) прибыли въ Вѣну въ маѣ, привезя съ собою многочисленные документы о ходѣ всего спора, но уполномоченные Союза (Гавриилъ Байзенъ, Рамшель Криксенъ, Гапсъ Тауэръ и др.) выѣхали изъ Пруссіи поздне (въ Торнѣ монетныхъ дѣлъ мастеръ задержалъ ихъ чеканкою монеты, а безъ денегъ имъ нечего было и являться въ Вѣну), но по дорогѣ въ Вѣну въ Моравіи, миляхъ въ четырехъ отъ Брюна, на нихъ напалъ моравскій дворянинъ Мильтицъ, перебилъ слугъ, поранилъ пословъ, обобралъ у нихъ все деньги и бумаги и захваченныхъ въ плѣнъ пословъ отвезъ въ свой замокъ. Одинъ лишь Гавриилъ Байзенъ хотя и былъ раненъ, но отбился отъ нападенія и спасся благодаря быстротѣ своего коня. Онъ прибылъ въ Вѣну, публично говоря (см. Шица, Исторію Пруссіи, стр 177), что подобное бездѣльничество (Vubenstück) подстроено Орденемъ, дабы посольство не прибыло къ сроку и чрезъ то дѣло Союза было проиграно. Но дѣйствительно-ли Орденъ подстроилъ захватъ денегъ и документовъ, которые везли послы съ собою, сказать довольно трудно, кажется, что дѣйствительно подстроилъ: для Ордена было чрезвычайно важно овладѣть уличавшими его бумагами, къ тому же имѣются и свидѣтельства, подтверждающія это (см., напримѣръ, у Коцебу IV, 128; у Фохта VIII, 305; у Шица, 195), хотя Эней Сильвій, касаясь Мильтица, и писалъ о моравскихъ рыцаряхъ, что они тѣмъ болѣе считаютъ себя благороднѣе, чѣмъ болѣе совершаютъ разбойничествъ.

Вслѣдствіе нападенія на уполномоченныхъ Союза, приходилось прежде освободить захваченныхъ въ плѣнъ, а все это замедляло ходъ дѣла. Обсужденія его начались въ сентябрѣ 1453 г. и кончились 1 декабря, когда состоялось наконецъ окончательное рѣшеніе императора. Оно заключалось въ томъ, что Пруссійскій Союзъ объявляли незаконно учредившимся и незаконно существующимъ, въ силу чего Союзъ этотъ расторгается и уничтожается.

Орденъ такимъ образомъ добился своего: императорскимъ рѣшеніемъ Союзъ уничтожался. Радость и торжество Ордена въ Пруссіи, по поводу такого рѣшенія, были чрезвычайныя: но церквамъ служили молебны, пѣли „Тебе Бога хвалимъ“, будто послѣ одержанной знаменитой побѣды, и высококомѣрію орденской братіи надъ униженными сословіями и предѣловъ не было*).

Уполномоченные и прокуроръ Союза не приходили для выслушанія окончательнаго рѣшенія императора и протестовали противъ рѣшенія, не смотря на то, что они сами внесли дѣло на разсмотрѣніе императора.

*) Орденскій маршалъ однажды въ присутствіи императора, громко обзававъ жителей Пруссіи безчестными, вѣроломными, мятежными собаками, заявилъ императору, что все они, бывшіе язычники, покорены мечомъ Ордена и потому принадлежатъ Ордену какъ крѣпостные люди.

Само собою разумѣется, что когда вѣсть объ императорскомъ рѣшеніи дошла до Пруссіи, то раздраженіе членовъ Союза противъ Ордена дошло до крайней степени. Землевладѣльцамъ и городамъ приходилось вновь подчиняться неограниченному произволу орденской братіи, развращенной, одичавшей отъ невѣжества, но такое подчиненіе являлось уже не мыслимымъ и невозможнымъ. Но какъ избавиться отъ такого подчиненія? Члены Союза другаго средства не пашли какъ обратиться къ королю Казиміру Ягайловичу, короновавшемуся, какъ мы видѣли (стр. 122), польскою короною 25 іюля 1447 г. Еще прежде члены Союза входили въ тайныя сношенія и переговоры съ этимъ королемъ на счетъ поддержки Союза, ничего, однако, рѣшительнаго не выходило изъ этихъ переговоровъ, но, когда ясно обнаружилось, что императоръ склоняется на сторону Ордена и что въ Вѣнѣ непремѣнно уже состоится рѣшеніе объ уираздненіи Союза, члены этого Союза рѣшились на крайнее средство. Въ половинѣ октября 1453 г., члены Товарищества Ящерицы и члены Союза собрались въ Кульмъ на тайное совѣщаніе, въ коемъ принялъ участіе и польскій воевода, Жерленскій, и вскорѣ послѣ того Гавріиль Байзень, тотъ самый, который спасся отъ Мильтица только благодаря быстротѣ своего коня (стр. 146), съ нѣкоторыми другими членами отправился въ Краковъ, къ королю Казиміру. Здѣсь, въ общемъ собраніи прелатовъ и сенаторовъ польскихъ, Байзень заявилъ королю, что прусскія земли и города претерпѣваютъ невыносимый гнетъ отъ тевтонскихъ рыцарей, но какъ Пруссія встарину принадлежала Польшѣ и какъ господство надъ Пруссіею перешло къ Ордену отъ короны польской и сама орденская братія признаетъ короля своимъ патрономъ, потому король польскій и имѣетъ законное право на владѣніе Пруссіею. Владѣствіе сего всѣ земли и города Пруссіи признаютъ короля своимъ законнымъ государемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умоляютъ и просятъ его, дабы онъ снова принялъ на себя охрану Пруссіи и санъ ея властителя, принадлежащій ему по праву. Король Казиміръ предложеніе это передалъ на обсужденіе прелатовъ и сенаторовъ, и тѣ рѣшили, что король имѣетъ полное право на владѣніе всею Пруссіею. Епископъ краковскій съ своей стороны лѣтописными свидѣтельствами доказывалъ, что одна часть Пруссіи измѣною и вѣроломствомъ перешла во власть Ордена, другая же часть отнята Орденomъ у короны польской силою, несправедливостью и рядомъ нарушеній мира. Король Казиміръ, убѣдившись доказательствами своихъ правъ на Пруссію, принялъ просьбы посольства, обѣщая быть охранителемъ и королемъ угнетенныхъ (см. Фохта VIII, 344).

Такимъ образомъ почти одновременно императоръ Фридрихъ III въ Вѣнѣ объявлялъ свое окончательное рѣшеніе объ уничтоженіи прусскаго Союза, а король Казиміръ принималъ Союзъ подъ свою охрану и защиту. Къ концу 1453 г., когда состоялось императорское рѣшеніе, отношенія между Орденomъ и Союзомъ обострились уже до того, что

только оружіе и открытая сила могли рѣшить споръ. Великій магистръ и сановники отлично хорошо это понимали и потому еще въ іюнѣ 1453 г., когда въ Вѣнѣ еще не начались сужденія о Союзѣ, начали нанимать солдатъ въ Германіи на службу Ордену, члены же Союза съ своей стороны укрѣпили города и приложили всякое стараніе возстановить противъ Ордена городскія и сельскія населенія. Вся Пруссія 6 декабря 1453 г. приготовилась къ внутренней войнѣ: Орденъ со своими силами и наемными солдатами приготовился ударить на приставшіе къ Союзу города и земли, Союзъ же приготовился не только къ защитѣ себя, но и къ изгнанію орденской братіи изъ Пруссіи, признавъ покровительство и власть надъ собою короля польскаго.

Въ январѣ 1454 г. великій магистръ и сановники, сознавая опасность возстанія городовъ и земли противъ орденскаго управленія, сдѣлали попытку къ примиренію. Въ большіе города епископы и сановники послали заявленіе, что Орденъ предъ императоромъ ищетъ лишь справедливости, вербуетъ въ Германіи наемныхъ солдатъ не для нападенія на Союзъ и закрѣощенія его, а лишь для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, сановники надѣются, что всѣ споры еще могутъ быть устранены и приведены къ желаемому концу. Объявленіе это въ большихъ городахъ было оставлено безъ вниманія: тамъ не довѣряли орденскимъ обѣщаніямъ. Одинъ только гданскій магистратъ въ отвѣтъ на орденское заявленіе высказался (см. Фохта VIII, 350), что онъ готовъ взяться за посредничество къ улаженію спора, если великій магистръ будетъ созывать ежегодно общій съѣздъ (рихтгагъ), если впредь не будетъ и рѣчи объ уничтоженіи Союза или истребленіи его; великій магистръ могъ бы созвать всѣхъ союзниковъ и кротостію успокоить общее волненіе. Большинство орденскихъ сановниковъ было не прочь согласиться на гданскія представленія, но раздраженіе прочихъ городовъ и землевладѣльцевъ противъ орденскаго управленія зашло слишкомъ далеко, чтобы попытки къ примиренію могли увѣнчаться успѣхомъ. 4 февраля 1454 г. Гансъ Байзенъ, ставшій во главѣ Союза, совместно съ другими членами Союза и Товарищества Ящерицы послалъ въ Маріенбургъ къ великому магистру отказную грамоту (Absagebrief), въ коей были перечислены всѣ несправедливости и нарушенія обязательствъ Ордена, совершенныя противъ сословій, и за тѣмъ объявлялось, что прусскіе города и землевладѣльцы слагаютъ съ себя присягу, принесенную Ордену, и отказываютъ ему въ повиновеніи. Черезъ нѣсколько дней послѣ того Союзъ овладѣлъ частію хитростію, частію открытою силою важнѣйшею орденскою крѣпостію, Торномъ, которая и была ограблена освирипѣвшею чернью. На самой высокой башнѣ этой крѣпости начали по ночамъ держать сигнальные огни, призывавшіе народъ Холмской земли къ возстанію противъ Ордена.

Великій магистръ получилъ отказную грамоту 6 февраля. Она навела ужасъ на сановниковъ (см. Фохта VIII, 364). Великій ма-

гистръ успѣшилъ написать въ Союзъ и въ городъ Гданскъ, что обѣщаетъ оставить Союзъ неприкосновеннымъ, будетъ ежегодно созывать общій рихтгагъ, готовъ устранивъ все недоразумѣнія на съѣздѣ. Союзъ и Гданскъ отвѣтили: «Теперь уже поздно».

Съ февраля 1454 г. открытое возстаніе противъ Ордена началось и вслѣдъ за Торномъ начали переходить въ руки повстанцевъ другія орденскія крѣпости. Возстаніе изъ Холмской земли начало распространяться далѣе и далѣе по землямъ Пруссіи и очень скоро охватило всю западную часть ея. Не безхарактерному Людвигу и погрязшей въ распутствахъ орденской братіи было совладать съ возстаніемъ городовъ и землевладѣльцевъ, которымъ орденское управленіе давно уже опустылѣло и внушало одно лишь отвращеніе.

Въ то самое время, когда Пруссія представляла собою зрѣлище смятеній и неурядицъ, въ Ливоніи происходили немаловажныя событія, въ которыхъ главною роль пришлось играть архіепископу Сильвестру.

Было уже сказано (стр. 137) съ какимъ почетомъ и торжествомъ былъ принятъ въ Ригѣ архіепископъ Сильвестръ. Рижане славили своего новаго архіепископа, не подозревая, конечно, на сколько измѣнялось ихъ положеніе при новомъ владыкѣ. До сихъ поръ и архіепископъ, и Орденъ были непримиримыми врагами между собою и такая враждебность была полезна городу, ибо соперники всячески старались имѣть рижанъ на своей сторонѣ, и рижскому магистрату оставалось только искусно лавировать между соперниками и пользоваться обстоятельствами для увеличенія правъ и преимуществъ города. Съ прибытіемъ въ Ригу Сильвестра обстоятельства и положеніе измѣнялись весьма существенно: Сильвестръ самъ былъ членомъ Ордена и потому самому не могъ, по крайней мѣрѣ, на первое время быть продолжателемъ политики своихъ предшественниковъ; не соперникъ, а сторонникъ Ордена занялъ архіепископскую кафедру, такъ какъ же не быть перемѣнѣ отношеній между Орденомъ и ливонскими сословіями, духовенствомъ, городами и землевладѣльцами? Перемѣна и послѣдовала, хоть и не сейчасъ по вступленіи въ должность Сильвестра, да и не такой былъ это человѣкъ, чтобы дѣйствовать опрострачиво, не ознакомившись обстоятельно съ окружающею его средою и съ положеніемъ дѣлъ не только въ архіепископствѣ, но и во всей Ливоніи. Мы уже имѣли случай упомянуть (стр. 138), что Сильвестръ не сейчасъ утвердилъ права и преимущества Риги, но, однакоже, черезъ годъ по прибытіи въ Ригу, именно 25 іюля 1450 г., утвердилъ (см. у Арцта, стр. 136), обѣщаясь сохранять ихъ во всей цѣлости и обширности. Рижане, получивъ утвержденіе, могли быть спокойными, и весь 1450 г. прошелъ въ совершенной тишинѣ. Ни Сильвестръ, ни Орденъ не обнаруживали ровно ничего, что бы могло тревожить сословія. Но

вотъ наступилъ 1451 г., и съ нимъ появились первые признаки того, что ни архіепископъ, ни Орденъ не намѣрены пребывать въ бездѣйствіи. Отправляя весною 1449 г. архіепископа Сильвестра въ Ригу, великій магистръ Конрадъ Эрлихсгаузенскій общалъ прислать въ Ливонію посольство, которое бы порѣшило и устранило всякіе споры по вопросу объ одѣяніи ливонскаго духовенства запутавшемуся лишь буллами панъ Бонифація IX, Мартина V, и Евгенія IV и за тѣмъ устроило бы по этому вопросу прочное соглашеніе. Было уже связано (стр. 136), что Сильвестръ относительно одѣянія духовенства общалъ рижскому капитулу оставить таковое какъ было при его предшественникѣ, Шарфенбергѣ, но въ то же время общалъ великому магистру приложить всякое стараніе, чтобы рижскій капитулъ принялъ орденское одѣяніе. По видимому, Сильвестръ, по прибытіи въ Ригу, требовалъ отъ капитула возложенія орденскаго одѣянія, какое онъ самъ носилъ и, по видимому, члены капитула исполняли требованіе, возложили на себя орденское одѣяніе. Но вотъ рижскій соборный деканъ, Роперь, тотъ самый, который былъ въ Римѣ прокураторомъ архіепископства и сопротивлялся утвержденію Сильвестра, возвратился изъ Рима въ Ригу. Отъ него потребовали, чтобы онъ возложилъ орденское одѣяніе. Онъ отказался. Сильвестръ и магистръ Менгденъ были сильно раздражены такимъ отказомъ и послѣдній, въ присутствіи всѣхъ соборныхъ канониковъ, обвинялъ Ропера, что онъ въ Римѣ старался опозорить Орденъ. Роперь и капитулъ отрицали такое обвиненіе, тогда Сильвестръ написалъ въ Римъ орденскому прокуратору (см. Index Наперскаго № 1725), чтобы онъ добылъ тамъ доказательства, кои бы уличили Ропера въ его дѣйствіяхъ противъ Ордена. Доказательства не нашлось и Роперь остался въ Ригѣ на своемъ мѣстѣ и при своемъ одѣяніи. Соборные каноники, по крайней мѣрѣ, большинство ихъ послѣдовало примѣру Ропера и сложили орденское одѣяніе. Этого только и надобно было архіепископу, чтобы снова выдвинуть воирѣсь объ одѣяніи на первый планъ. По всей вѣроятности, онъ написалъ великому магистру о скорѣйшей присылкѣ въ Ливонію обѣщаннаго его предшественникомъ посольства, и Людвигъ дѣйствительно снарядилъ посольство, которое въ маѣ 1451 г. прибыло въ Ригу и тотчасъ же потребовало, чтобы всѣ каноники рижскаго капитула возложили на себя бѣлое орденское одѣяніе (см. Index Наперскаго №№ 1840, 1851, 1860, 1861 и 1862). Такое требованіе Орденъ основывалъ на Вольмарскомъ соглашеніи, утвержденномъ напою Евгеніемъ IV въ 1431 г., обходя молчаніемъ, что соглашеніе это было отмѣнено въ 1435 г. Валкскимъ соглашеніемъ. Чтобы придать болѣе авторитета требованію, великій магистръ Людвигъ не постыдился прибѣгнуть къ подлогу и обману: онъ убѣдилъ эрмландскаго соборнаго декана, доктора Іоанна Пластвега, выдать себя за папскаго комиссара; тотъ, не будучи вовсе комиссаромъ, согласился на такой подлогъ и 2 июня

1451 г. написалъ изъ Гейльсберга буллу къ королямъ римскому и польскому, коею королямъ этимъ отъ имени папы поручалась экзекуція противъ рижскаго капитула, вслучаѣ если капитулъ добровольно и немедленно не возложитъ на себя бѣлое одѣяніе. Подложная булла эта, конечно, отправляема королямъ не была: послы привезли ее съ собою въ Ливонію и тамъ по инструкціи великаго магистра было приказано показать буллу лишь рижскому капитулу, но ни подъ какимъ видомъ не выпускать оную изъ рукъ или давать снимать конію, такъ какъ изъ того «можетъ выйти позоръ и стыдъ» (см. Index Наперскаго №№ 1863 прим. и 1865). Очевидно, булла предназначалась единственно для того, чтобы напугать капитулъ и побудить его къ исполненію требованія.

Какъ ни былъ грубъ подобный обманъ, но онъ совершенно достигъ своей цѣли: рижскій капитулъ, боясь навлечь на себя экзекуцію императора Фридриха III и короля Казимира польскаго и видя, что архіепископъ Сильвестръ поддерживаетъ требованіе пословъ, согласился возложить на себя бѣлое орденское одѣяніе. Тогда созвали ландтагъ въ Вольмаръ на 2 іюля 1451 г. Сюда къ назначенному сроку прибыли прусскіе послы и здѣсь состоялось соглашеніе между Рижскою церковію съ одной и съ великимъ и ливонскимъ магистрами и орденскими сановниками съ другой стороны, изложенное въ такъ называемой Вольмарской грамотѣ или буллѣ объ одѣяніи (напечатана въ N. Nord. Misc. III и IV, стр. 564—587 и въ извлеченіи у Ардта на стр. 136*). По соглашенію этому, всѣ буллы папъ Бонифація, Мартина и Евгенія объ одѣяніи духовенства въ Ливоніи, а также соглашеніе 4 декабря и утвержденіе онаго Базельскимъ соборомъ, признаются уничтоженными; архіепископъ и члены соборнаго капитула обязуются навсегда носить бѣлое орденское одѣяніе и жить въ согласіи между собою; ново-избираемые члены соборнаго капитула должны быть представляемы на утвержденіе Ордену, но Орденъ никакого участія въ выборахъ высшаго духовенства не принимаетъ, отказывается отъ всякаго визитаціоннаго права въ архіепископствѣ и отъ всякой юрисдикціи въ ономъ. За капитуломъ признается право избирать архіепископа.

Вольмарское соглашеніе заканчивало долготѣвній споръ объ одѣяніи и притомъ заканчивало къ полному торжеству Ордена (принятіе бѣлага орденскаго одѣянія значило вступленіе въ Орденъ и слѣд. подчиненіе ему), потому и неудивительно, если Орденъ употребилъ всѣ старанія, дабы Вольмарская грамота была утверждена папою. Старанія увѣнчались успѣхомъ: орденскій прокураторъ въ Римѣ, израсходовавъ на подарки папѣ и его кардиналамъ 1000 червонцевъ, добился, что папа буллою

*) Гадебушъ (II, 133) пишетъ, что о существенныхъ пунктахъ Вольмарской грамоты Сильвестръ условился съ Конрадомъ въ Мариенбургѣ до отъѣзда въ Ригу. Очень возможно что это и было такъ въ дѣйствительности.

отъ 4 марта 1452 г. (см. Index Наперскаго № 1872) утвердилъ Вольмарское соглашеніе къ величайшему удовольствію Ордена.

Въ Вольмарской грамотѣ ни слова ни упоминалось о главенствѣ надъ Ригою, хотя вопросъ объ этомъ главенствѣ и составлялъ одинъ изъ самыхъ важныхъ въ отношеніяхъ между Орденомъ и архіепископомъ. Орденъ, какъ мы видѣли, давно уже зарился на исключительное главенство надъ Ригою, но ему все какъ-то не удавалось вполнѣ достигнуть своей цѣли, не удавалось и архіепископу вполнѣ устранить Орденъ отъ притязаній на главенство въ Ригѣ. Теперь, когда и Орденъ и архіепископъ въ вопросѣ объ одѣяніи духовенства пошли рука объ руку, и тому и другому мелькнула мысль, что время порѣшить и съ вопросомъ о главенствѣ и при томъ не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, такъ какъ и Орденъ, и архіепископъ узнали, что въ то время, когда разрѣшался вопросъ объ одѣяніи, рижскій городской писарь ноѣхалъ уже въ Гданскъ съ предложеніемъ включить Ригу въ Прусскій Союзъ. Включеніе же Риги въ Союзъ грозило одинаковою опасностью и архіепископу, и Ордену. Неподпустить Ригу до включенія въ Союзъ было-бы всего лучше, но какъ не допустить, когда городъ этотъ пользовался большими правами и преимуществами, располагалъ военными силами и могъ оказать вооруженное сопротивленіе противъ посягательствъ на городское самоуправленіе? Все дѣло сводилось къ тому, чтобы ограничить эти права и преимущества, но какъ безъ военной помощи Ордена достигнуть ограниченія было невозможно, потому Сильвестръ и составилъ такой планъ: съ помощію Ордена силою подавить самостоятельность города и за тѣмъ главенство надъ нимъ раздѣлить между архіепископомъ и Орденомъ. «Подобнымъ принципамъ, говоритъ Мельхіоръ Фуксъ, (см. Scg. ger. Liv. II, 742), Сильвестръ выучился въ своемъ отечествѣ, въ Пруссіи». Для приведенія въ исполненіе своего плана, Сильвестръ пригласилъ къ себѣ въ Сались магистра Менгена и здѣсь раскрылъ ему свои предположенія. Обсужденіе этихъ предположеній они продолжали на своихъ свиданіяхъ въ Лемзалѣ и Биркенбейменѣ, при чемъ соборный провостъ Нагель, лично враждовавшій къ Ригѣ, всячески поддерживалъ мнѣнія архіепископа. Магистръ Менгенъ и орденскій маршалъ Плетенбергъ колебались начинать военныя дѣйствія съ Ригою; они очень хорошо знали въ какомъ положеніи очутился великій магистръ, доведшій вражду съ Прусскимъ Союзомъ до крайностей, но Нагель и Сильвестръ убѣдили ихъ, что бояться Ордену нечего: имъ, Нагелю и Сильвестру, извѣстно съ точностію общее число рижскихъ жителей (количество причащающагося народа въ церквахъ опредѣляло это общее число), военныя силы города совсѣмъ не велики, да и третью часть рижскаго населенія составляютъ латыши и др. не нѣмцы, которые стоятъ за городскія преимущества не будутъ, не имѣя права пользоваться ими. Овладѣть гордомъ особеннаго труда не составитъ: стоитъ Ордену, по предшествовавшимъ примѣрамъ,

пресѣчь сообщенія города съ деревнями, разставивъ по дорогамъ въ Ригу караулы и посты, и тогда городъ голодомъ будетъ принужденъ къ сдачѣ. Планы Сильвестра понравились Менгдену. Въ Салисѣ они составили договоръ между собою, подписали его, но печатей пока не привѣшивали (подробности объ этомъ см. въ Магазинѣ Бергмана III и IV, 27—29; въ статьѣ орденскаго секретаря Христофа Форстенова въ Архивѣ Бунге VII, 151 и у Арнита, стр. 138). Переговоры совершались въ тайнѣ и магистръ побаивался, чтобы рижане какъ нибудь не провѣдали о сущности ихъ, а провѣдать могли чрезъ соборнаго декана, Детмара Ропера, того самаго, который въ вопросѣ объ одѣяніи стоялъ въ сильной оппозиціи противъ архіепископа и Ордена. Роперъ какими то путями узналъ о чемъ именно переговариваетъ архіепископъ съ Менгденомъ и могъ предупредить рижанъ о замыслахъ, какія питаютъ противъ Риги оба эти властителя. Орденскій маршалъ Плетенбергъ совѣтовалъ: кончать дѣло скорѣе, незамѣтно стянуть къ Ригѣ орденское войско, разставить по дорогамъ караулы и посты и за тѣмъ дѣйствовать по усмотрѣнію. Когда все было готово для осады Риги, архіепископъ и магистръ созвали ландтагъ въ Кирхгольмѣ (подъ Ригю) на 21 августа 1452 г. Сюда къ назначенному сроку съѣхались архіепископскіе вассалы въ полномъ вооруженіи и снаряженіи, здѣсь архіепископъ и Менгденъ привѣсили печати къ договору, заключенному между ними въ Салисѣ, вслѣдствіе чего этотъ договоръ и называется „кирхгольмскимъ“, и отсюда послали въ Ригу требованіе, дабы городъ выслалъ на ландтахъ своихъ представителей для выслушанія «жалобъ» на городское управленіе властителя города, т. е. архіепископа, и для объясненія по этимъ жалобамъ. Рижскій магистратъ повиновался требованію и послалъ въ Кирхгольмъ 12 человекъ своихъ представителей: бургомистровъ Генриха Эпингузена и Госвина Гендена и ратсгеровъ Гедике Шнукера, Веннемара Германа, Бартмана и Генриха Веллинга; отъ гражданства: старшинъ большой гильдіи: Герда Боркена, Генриха Гендена, Энгельбрехта Гинтера и отъ малой гильдіи: Никеля Фределанда, Клауса Доннихта и Фридриха Буленгуса (см. Monum. Liv. antiquae IV, 57). Имъ предъявлены были жалобы архіепископа: городское управленіе неоднократно нарушало церковныя и свѣтскія права архіепископа, учреждаетъ въ городѣ новыя должности и назначаетъ чиновниковъ безъ вѣдома и утвержденія архіепископа, не подвергло наказанію тѣхъ бюргеровъ (Эпингузенъ и два брата Тидемана), кои напали, ограбили и изувѣчили соборнаго каноника Іоанна Штокера (уличавшагося, по видимому, въ противостественномъ плотскомъ грѣхѣ) и дало имъ возможность бѣжать изъ города. Этими и другими произвольными дѣйствіями городское управленіе нанесло одному лишь Ордену убытковъ болѣе чѣмъ на 100 тысячъ гульденовъ, чрезъ что городъ самъ себя лишаетъ преимуществъ (привиллегій) и долженъ самъ себѣ приписать вину, если его управленіе

будеть измѣнено. Вмѣстѣ съ тѣмъ архіепископъ потребовалъ, чтобы городъ уступилъ ему дворъ св. Юргена, городскую часть св. Духа, предназначенную папою для устройства богадѣльни и больницы св. Лазаря (см. папское утверженіе Кирхгольмскаго договора у Догеля № 81 и у Арндта II, 139). Городскіе представители обязаны были отвѣтить на всѣ пункты жалобъ въ теченіе трехъ дней (срокъ этотъ былъ увеличенъ до шести дней). Не успѣвъ пройти назначенный срокъ, а уже орденская братія распорядилась по своему: выжгла нѣсколько городскихъ деревень подъ Нейрмюленомъ и ограбила скотъ и имущество у крестьянъ, жившихъ у Дубенаа (пныиъ Дубельнъ у морскаго побережья). Надобно полагать, что орденская братія хотѣла такими насиліями наглядно показать Ригѣ, что ожидаетъ ее вслучаѣ сопротивленія требованіямъ архіепископа и Ордена.

Обвинители были вмѣстѣ съ тѣмъ и судьями, замѣчаетъ Фуксъ (Scr. reg. Liv. II, 743). Присланные въ Кирхгольмъ городскіе представители это очень хорошо видѣли и, конечно, понимали, что жалобы противъ города предъявлены лишь формы ради, и что такъ или иначе, а все равно придется согласиться на все, чего хотятъ архіепископъ и Орденъ, которые и не замедлили предписать городу условія мира. Такому предписанію, однако, дали видъ добровольнаго соглашенія; архіепископъ и магистръ, стакнувшіеся еще въ Салисѣ, вели яко бы переговоры съ городскими представителями на счетъ опредѣленія отношеній города къ архіепископу и Ордену (см. письмо города Риги къ городамъ Холмской земли отъ 25 мая 1453 г., помѣщенное въ Мопиш. Liv. ant. IV, 225) и принудили наконецъ представителей согласиться на все, чего у нихъ и въ умѣ не было (was sie niemals im Sinne gehabt, пишетъ Фуксъ), согласиться на все, что значилось въ договорѣ, какой заключили между собою Сильвестръ и Менгденъ, и къ которому они въ Кирхгольмѣ привѣсили свои печати, чѣмъ была придана этому договору сила окончательнаго рѣшенія. Произошло это 30 ноября 1452 г. Приготовили три экземпляра этого договора, изъ которыхъ одинъ былъ врученъ архіепископу, другой магистру, а третій городу.

Содержаніе Кирхгольмскаго договора (напечатанъ у Арндта стр. 136) было слѣдующее: Орденъ и архіепископъ дѣлятъ между собою главенство надъ городомъ; городъ приносить присягу обоимъ властителямъ и представляетъ имъ участіе въ чеканкѣ монеты и рыбной десятинѣ; вслучаѣ войны между архіепископомъ и Орденомъ, городъ въ оной участія не принимаетъ, но принимаетъ участіе, если Орденъ ведетъ войну съ виѣшнимъ врагомъ; эрцъ-фохтъ, избираемый бюргерами, утверждается въ его должности обоими властителями, но товарищъ эрцъ фохта (Mitvogt) всегда назначается изъ орденской братіи и ему идетъ половина штрафныхъ денегъ; никакого закона городъ не можетъ издавать безъ одобренія властителей; къ властителямъ поступаютъ

апелляціи на магистратскія рѣшенія. Независимо этого городъ обязуется уплатить Ордену 1000 марокъ и уступить ему свою лучшую пушку, называвшуюся „Львомъ“, и сады близъ Яковлевскихъ воротъ; въ пользу архіепископа уступить одну квадратную милю земли между Ригою и Иксулемъ и въ пользу пробста Нагеля, который враждебно относился къ городу, девять крестьянскихъ дворовъ съ водворенными на нихъ крѣпостными людьми. Приговоръ кардинала Франциска и буллы, противорѣчащія этому договору, отмѣняются; права и свободы города, значущіяся въ примирительной грамотѣ и не противорѣчащія настоящему договору, подтверждаются вновь.

Заключивъ, лучше сказать, предписавъ такой миръ Ригѣ, оба властителя совершили торжественный въѣздъ въ этотъ городъ (см. *Scr. rer. Livon.* II, 744), при чемъ гражданство и магистратъ въ полномъ составѣ кто верхомъ, а кто и пѣший, должны были вытти на встрѣчу и сопровождать триумфаторовъ. Соборные каноники, монахи и ученики шли впереди и пѣли: *Tua est potentia, tuum regnum, Domine* (твоя есть сила, твое царство, Господи) Въ ратушу архіепископскій вассаль, Иксуль, внесъ и положилъ два меча, какъ символъ двоевластія, которое тутъ же было возвѣщено пробстомъ Нагелемъ, послѣ чего гражданство принесло присягу какъ обоимъ властителямъ, такъ и избранному эрць-фохтомъ бургомистру Генриху Эппингаузену. Кирхгольмскій договоръ оба властителя послали съ приличными, конечно, подарками въ Римъ на утвержденіе папѣ, которое и послѣдовало 17 января 1453 г. (см. *Monum. Liv. antiquae* IV, № 98). Содержаніе договора Рига сообщила прусскимъ городамъ письмами отъ 25 и 30 мая 1453 г. (см. *Index Наперскаго*, №№ 1904 и 1906).

Кирхгольмскій договоръ (Ардтъ говоритъ, что его слѣдуетъ считать подлостью въ исторіи) вступилъ такимъ образомъ въ силу. Договоръ этотъ, по самому существу своему, не могъ удовлетворить ни одной изъ договаривавшихся сторонъ: горожанамъ, очутившимся между двумя мечами, договоръ этотъ, какъ навязанный силою, не могъ нравиться, но онъ не удовлетворялъ честолюбію ни архіепископа, ни Ордена, а двоевластіе могло лишь служить источникомъ раздоровъ между обоими властителями

Мы видѣли, что въ началѣ 1453 г., когда Кирхгольмскій договоръ былъ утвержденъ папою, Прусскій Союзъ занялъ уже угрожающее положеніе по отношенію къ Ордену. Менгденъ, побывавшій, какъ уже было сказано, въ началѣ 1452 г. въ Пруссіи (см. стр. 145), лично могъ убѣдиться и видѣть какой опасности подвергается тамъ все орденское управленіе при обострившихся отношеніяхъ между Орденомъ и Союзомъ, потому и заботился не доводить рижанъ до крайности, напротивъ путемъ уступокъ имѣть ихъ на своей сторонѣ. Такъ въ мартѣ 1453 г. онъ отдалъ обратно городу сады за Яковлевскими воротами за ежегодную доставку ему лисфунта перцу (см. *Mon. Liv.*

апт IV, 75 и № 99). Фуксъ разсказываетъ (см. *Scr. rer. Liv.* II, 744), что магистръ не ограничился мелкими уступками и когда въ концѣ 1453 г. отношенія между Прусскимъ Союзомъ и Орденомъ были уже близки къ открытой войнѣ, а въ гильдіяхъ рижскіе горожане начали совѣщаться сохранять-ли имъ Кирхгольмскій договоръ или нарушить его силою, онъ поручилъ командору рижскаго замка, Гердту Маллинкродту, разузнать чего именно желаетъ рижское гражданство и вступить въ переговоры съ нимъ. Командоръ исполнилъ порученіе, разузналъ все обстоятельно и донесъ магистру, который вмѣстѣ съ орденскимъ маршаломъ лично прибылъ въ Ригу и въ мартѣ 1454 г. вступилъ въ сношенія съ эрць-фохтомъ, бургомистромъ Генденомъ и гильдіями. Чтобы задобрить городскія сословія, Менгденъ отказался отъ 1000 гульденовъ, кои ему слѣдовало получить съ города по Кирхгольмскому договору, возвратилъ городу нѣкоторые клейноды и пушку „Льва“. Рѣчь зашла объ отмѣнѣ Кирхгольмскаго договора и переговоры о томъ велись съ соблюденіемъ большой тайны, такъ что лишь орденскій секретарь, Форстеновъ, былъ посвященъ въ таинственные переговоры. Городъ обѣщалъ сдѣлать отъ себя всевозможное, даже отказаться, вслучаѣ нужды, отъ папы, если Кирхгольмскій договоръ будетъ отмѣненъ, но если на такую отмѣну нельзя придти къ соглашенію, то пусть рѣчи о томъ пребудутъ въ такомъ секретѣ, будто сказанныя камню.

Переговоры между Менгденомъ и городскими сословіями пошли на ладъ и когда закончились тѣмъ, что городъ согласенъ признать Орденъ своимъ властителемъ, Менгденъ послалъ орденскаго секретаря въ архіепископскую резиденцію Роннебургъ пригласить Сильвестра въ Биркенбейменъ для переговоровъ на счетъ Риги. Когда Форстеновъ исполнилъ данное ему порученіе, Сильвестръ спросилъ: „да о чемъ же рижане хотятъ еще переговаривать?“ — «Городъ желаетъ имѣть одного властителя». — «Но котораго же изъ двухъ?» — «Часть желаетъ васъ, но это меньшинство; другіе же говорятъ, что не желаютъ имѣть какого бы то ни было попа своимъ властителемъ.» Переговоры въ Биркенбейменѣ состоялись и кончились тѣмъ, чѣмъ и слѣдовало ожидать: Сильвестръ на отрѣзъ отказалъ въ своемъ согласіи на отмѣну Кирхгольмскаго договора и за тѣмъ онъ и Менгденъ, недавніе еще друзья, разъѣхались въ свои стороны ожесточенными врагами. Но и то сказать: какимъ образомъ архіепископъ, исконный властитель Риги съ самаго ея основанія, могъ добровольно отказаться отъ главенства; двоевластіе еще куда ни шло, но отдать все магистру, лишиться доходовъ, какой архіепископъ согласился бы, не употребивъ всѣхъ средствъ для сохраненія за собою того, что искони уже было въ его рукахъ?

Сильвестръ былъ не такой человекъ, чтобы колебаться въ рѣшительныя минуты. Онъ задумалъ прежде всего порвать связи Риги

съ Орденомъ и съ этою цѣлю немедленно же послѣ свиданія съ Менгденомъ написалъ городу, что онъ уничтожаетъ Кирхгольмскій договоръ въ надеждѣ, что городъ снова признаетъ архіепископа своимъ властителемъ, какъ было прежде, и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ въ Ригу стариннаго ея доброжелателя соборнаго каноника Дегмара Ронера и архіепископскихъ вассаловъ, Энгельбрехта Тизенгаузена и Дитриха Фитингофа, съ блистательными предложеніями для городскихъ сословій: Кирхгольмскій договоръ будетъ уничтоженъ, умерщвленъ и какъ трупъ будетъ отданъ городу; такъ называемый Киѳгуть на озерѣ Тити (Титигерь, Гропендювель, нынѣ Титерь-Эссеръ, участокъ земли между Двиною, Олектюмъ и рѣкою курляндскою Аа, о которомъ тянулся лѣтъ 100 процессъ и который по Кирхгольмскому договору былъ уступленъ архіепископу) на всегда уступается городу; треть Куроніи, Семигалліи и Эзеля, принадлежавшая городу въ XIII ст., снова будетъ отдана городу; орденскій замокъ въ Ригѣ будетъ наконецъ разрушенъ. Городскія сословія охотно приняли такія щедрыя подарки, и Сильвестръ заявилъ Менгдену, что Кирхгольмскій договоръ отмѣняется «безъ нарушенія архіепископскихъ правъ»; рижанамъ же объявилъ, что главенство надъ ними снова является въ томъ видѣ, въ какомъ оно было при вступленіи имъ, Сильвестромъ, въ 1449 г. въ должность архіепископа рижскаго (см. *Scr. reg. Liv. II, 744—745* и *Моп. Liv. act IV, 76*). Менгденъ ни мало не противорѣчилъ уничтоженію договора: онъ желалъ оказать помощь великому магистру, въ это время угрожаемому уже войною съ Союзомъ и поляками, и былъ встревоженъ слухами о вмѣшательствѣ Швеціи и ганзы въ ливонскія дѣла.

Такимъ образомъ властители, Сильвестръ и Менгденъ, согласились уничтожить Кирхгольмскій договоръ. Свои экземпляры этого договора, при коихъ были привѣшаны печати городскихъ уполномоченныхъ, они выдали рижскому магистрату, эрцъ-фохтъ котораго и бургомистръ Эпингаузенъ 21 апрѣля 1454 г., въ присутствіи Сильвестра и двухъ орденскихъ секретарей, изрѣзалъ оба экземпляра своимъ ножомъ, бросилъ въ огонь и сжегъ до тла. Сильвестръ и Менгденъ хотя подлинныя экземпляры договора и выдали рижскому магистрату, но точныя и засвидѣтельствованныя копіи припрятали каждый у себя, на всякій случай.

Договорную грамоту сожгли, но улаженія дѣлъ и отношеній ни мало тѣмъ не достигли: Сильвестръ не могъ простить Менгдену и его сановникамъ, что они первые пошли на сдѣлку съ городомъ во вредъ архіепископу; городъ настаивалъ на исполненіи всѣхъ обѣщаній, данныхъ архіепископомъ; въ магистратѣ и гильдіяхъ образовались партіи, изъ которыхъ однѣ держали сторону архіепископа, другія Ордена. Среди горожанъ начали обнаруживаться волненія. Въ это время Прусскій Союзъ находился уже въ полномъ возстаніи противъ

Ордена, повстанцы овладѣли уже Торномъ (см. выше стр. 148) и нѣкоторыми др. орденскими крѣпостями, и война Польши съ Орденомъ уже была объявлена. Тутъ-то Сильвестръ, получившій точныя извѣстія изъ Пруссіи и предвидѣвшій, что Ордену не слобровать, совсѣмъ отступился отъ своихъ недавнихъ друзей и началъ дѣйствовать противъ Ордена съ такую настойчивостію, съ какою прежде отстаивалъ его интересы. Онъ подтвердилъ Ригѣ свои прежнія обѣщанія и даже совѣтовалъ городскимъ сословіямъ подражать примѣру прусскихъ городовъ. Деканъ Нагель съ особенною горячностію ратовалъ въ Ригѣ противъ Ордена, такъ что одинъ орденскій лепникъ, Конрадъ Иксуль, сказалъ ему прямо: «даже удивительно, какъ далеко тебя увлекаетъ духъ мщенія; вѣдь всякому извѣстно, что въ Кирхгольмѣ годъ времени тому назадъ ты болѣе всѣхъ возставалъ противъ Риги, а теперь возстаешь противъ Ордена» Менгденъ хотѣлъ было идти на помощь великому магистру, но какая тутъ помощь, когда волненія въ Ригѣ начали усиливаться со дня на день.

Чтобы положить конецъ волненіямъ и неурядицамъ, Менгденъ началъ было переговоры съ городомъ въ Трейденѣ. Изъ переговоровъ этихъ ничего не вышло, тогда онъ созвалъ общій ландтагъ въ Валкѣ, чтобы тутъ покончить всѣ спорные пункты. Сюда съѣхались депутаты городовъ Дерпта и Ревеля, прибыли депутаты и отъ города Риги, но безъ полномочій на какое бы то ни было рѣшеніе. Они отправились за полномочіями обратно въ Ригу вмѣстѣ съ дерптскими и ревельскими депутатами, предложившими было свое посредничество. Въ Ригу успѣшилъ прибыть и Сильвестръ съ предложеніемъ городу подчиниться архіепископу. Между тѣмъ пробствъ Нагель возбуждалъ горожанъ противъ Ордена съ такимъ успѣхомъ, что магистръ счелъ необходимымъ лично прибыть въ Ригу какъ для укрощенія обнаружившихся въ городѣ волненій, такъ и для переговоровъ. Магистратъ предполагалъ было устроить парадную встрѣчу магистру, но Сильвестръ успѣлъ уже преклонить на свою сторону альтермана большой гильдіи, Герта Гарменса, подаркомъ 1000 марокъ, и всѣхъ горожанъ, въ особенности всѣхъ неимущихъ, такъ что никакой городской встрѣчи магистру не было, и онъ пріѣхалъ въ рижскій орденскій замокъ лишь съ небольшою свитою. Онъ, при посредствѣ дерптскихъ и ревельскихъ депутатовъ, тотчасъ же вступилъ въ переговоры съ магистратомъ, обѣщая уничтожить примирительную грамоту Монгейма (см. т. II стр. 210) и предоставить другія льготы, если городъ признаетъ главенство надъ собою Ордена. Какъ ни выгодны были предложенія магистра и какъ ни нравились они магистрату, но никакого соглашенія достигнуто не было, потому что Сильвестръ и тутъ сумѣлъ задѣть самую чувствительную струну рижанъ такими обѣщаніями, которыя наиболѣе были для нихъ желательны. Сильвестръ очень хорошо зналъ, что ничѣмъ нельзя приманить къ себѣ рижанъ какъ обѣщаніемъ скрыть орденскій замокъ въ Ригѣ,

который держалъ въ повиновеніи весь городъ. Онъ пустилъ въ ходъ такую приманку, предложивъ магистру промѣнять рижскій орденскій на два самые лучшіе архіепископскіе замка, Роннебургъ и Шваненбургъ, и общая рижанамъ срыть орденскій замокъ тотчасъ какъ обмѣнъ совершится. Менгденъ, конечно, не согласился на такой обмѣнъ, уѣхалъ изъ города, оставивъ въ немъ нѣсколько своихъ уполномоченныхъ для продолженія переговоровъ съ магистратомъ. Горожане тогда съ криками: долой замокъ! начали строить бревенчатый палисадъ вокругъ замка, съ явнымъ намѣреніемъ осадить его.

Во время производства работъ, одинъ рабочій былъ убитъ стрѣлою, пущенною изъ замка. Это событіе раздражило горожанъ до крайности: они принудили магистратъ прервать дальнѣйшіе переговоры съ уполномоченными магистра, поставили городскую пушку „Льва“ противъ замка и наконецъ заставили магистратъ нанять въ городскую службу матросовъ съ бискайскихъ кораблей, прибывшихъ въ это время къ Ригѣ. Военныя дѣйствія готовы были начаться; магистрату, однако, удалось 11 іюня 1454 г. заключить перемиріе на двое сутокъ, но не прошелъ срокъ перемирія, какъ одинъ латышскій рабочій былъ убитъ стрѣлою изъ замка. Горожане бросались биться съ орденами. Тогда Сильвестръ, облачившись въ архіепископскій орнатъ и надѣвъ латы, съ хоругвиею и въ сопровожденіи десяти соборныхъ канониковъ, также одѣвшихся въ латы, прибылъ въ ратушу, разрѣшилъ городъ отъ всѣхъ присягъ, какія только ни были принесены Ордену и торжественно заявилъ, что отнынѣ будетъ дѣйствовать за одно съ городомъ. Сраженіе завязалось въ городѣ у такъ называемой овсяной башни (Набергипгн), орденцы овладѣли этою башнею, горожане отбили ее, орденцы снова ее взяли и сожгли. Бой въ городѣ продолжался съ недѣлю безъ рѣшительныхъ результатовъ. Внѣ города орденцы опустошили и выжгли городскія имѣнія близъ Риги, горожане въ свою очередь ограбили и выжгли орденскія недвижимости, какія были подъ Ригю. Орденская братія тогда начала грабить архіепископскія имѣнія.

Сильвестръ, опасаясь, чтобы орденская братія не ограбила всѣхъ архіепископскихъ имѣній, отправился въ Венденъ къ магистру и началъ переговоры съ нимъ о перемирії, которое, при посредствѣ епископовъ Вареоломея Дерптскаго и Іоанна Краувеля Эзельскаго, было заключено 24 іюля 1454 г. на шесть недѣль времени. Къ перемирію этому приступила и Рига. Между тѣмъ, срокъ перемирія истекалъ къ 3 сентября. Военныя дѣйствія, однако, не возобновились, потому что къ 8 сентября былъ созванъ ландтагъ въ Вольмаръ, чтобы договориться о мирѣ. До открытія сѣзда, Сильвестръ прибылъ въ Ригу и предложилъ магистрату подчиниться архіепископскому главенству съ тѣмъ, чтобы на сѣздѣ совместно отстаивать интересы города. Магистратъ и гильдіи заявили, что охотно признаютъ его своимъ законнымъ властителемъ, если онъ исполнитъ данныя городу обѣщанія,

т. е. отдасть городу Кифгуть, сломаеть рижскій орденскій замокъ и передасть городу треть Куроніи и острва Эзеля. Исполнить этихъ обѣщаній Сильвестръ, конечно, не могъ, потому что какъ было сломать замокъ въ Ригѣ, не взявъ его силою у Ордена, и какъ было предоставить треть Куроніи и Эзеля, когда всѣ земли тамъ были давнымъ давно подѣлены между мѣстными епископами и Ордепомъ, которые, конечно, добровольно никому не уступятъ своихъ участковъ. Впрочемъ, Сильвестръ давая обѣщанія, едва-ли думалъ объ исполненіи ихъ; но и магистръ съ его сановниками дѣйствовали ни чуть не честнѣе его. Сильвестръ устроилъ двоевластіе въ Ригѣ и магистръ первый пошелъ на сдѣлку съ рижанами, чтобы устранить архіепископа отъ главенства. Противъ орденскихъ интригъ Сильвестръ пустилъ въ ходъ интриги еще большія и довелъ Ригу до открытой борьбы съ Ордепомъ. Теперь, видя, что ни магистратъ, ни гильдіи не идутъ на его льстивыя рѣчи и приманки, требуютъ исполненія обѣщаній прежде признанія его властелиномъ, обѣщаній совершенно неисполнимыхъ, онъ задумалъ снова сблизиться съ Менгденомъ и снова выдвинуть на сцену двоевластіе. Менгденъ и его сановники, столь же безсовѣстные, какъ и Сильвестръ, пошли на мировую съ архіепископомъ и когда открыли ландтагъ въ Вольмарѣ, то уже явились на немъ истыми друзьями. Архіепископскій вассаль, Конрадъ Иксуль, рѣзко упрекалъ Сильвестра во лжи и козняхъ, но уже ничего не помогало: архіепископъ 23 сентября 1454 г. заключилъ тайный договоръ съ Менгденомъ (напечатанъ въ Monim. Liv. ant IV, 228, № 103), коимъ въ Ригѣ снова возстановлялось двоевластіе; всѣ договоры и рѣшенія, протпворѣчившія двоевластію объявлялись уничтоженными; рижскій орденскій замокъ съ его округомъ, мельницами, рыболовствомъ, кирпичными заводами и цр. предоставляется Ордену въ силу договоровъ Вольмарскаго и Кирхгольмскаго. Послѣ продолжительныхъ пререканій съ представителями Риги, сожженная Кирхгольская грамота появилась снова на свѣтъ и была публично прочитана на ландтагѣ. Тщетно рижскіе представители возставали противъ этой грамоты, утверждая, что она поддѣльная, что подлинныя грамоты сожжены*). Имъ ничего не оставалось, какъ признать вновь двоевластіе. Они признали, но пошли къ архіепископу и упрекали его въ коварствѣ. «Архіепископъ и его любезный пробствъ (Нагель) отреклись отъ всего съ тяжкими проклятіями, худшими чѣмъ св. Петра въ консисторіи Канфы» — пишетъ Фуксъ (см. Scr. reg. Liv. II, 750). Послѣ того рижскіе представители (ихъ было 10 человекъ:

*) Орденскій секретарь Христофоръ Форстенъ въ своемъ „Историческомъ обзорѣнн“ уверяетъ, будто Кирхгольская грамота была написана съ приложеніемъ печатей въ 3-хъ экземплярахъ, изъ коихъ были сожжены только два. Но это, очевидно, не такъ: городъ долженъ былъ твердо знать къ сколькимъ экземплярамъ была прившена его печать и конечно потребовалъ бы для сожженія всѣ экземпляры. Но были сожжены только два (см. выше стр. 157). Читанная на ландтагѣ грамота была или копія съ сожженной или же дѣйствительно поддѣльная съ поддѣльною городской печатью.